

Министерство образования и науки Российской Федерации
Национальный исследовательский Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
Управление по культуре администрации МО «Город Саратов»
Муниципальное учреждение культуры «Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского»

Н. Г. Чернышевский

Статьи, исследования и материалы

Сборник научных трудов

Вып. 20

Саратов – 2015

УДК [9(470.44)+[882:069.02] (470.44-25)] (082+929)
ББК 46.3.1
Ч – 45

Ч-45 **Н. Г. Чернышевский.** Статьи, исследования и материалы: Сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Демченко. – Саратов: изд-во «Техно-Декор», 2015. Вып. 20. – 220 с.

ISBN 978-5-903357-79-6

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, профессор *Ю. Н. Борисов*, доктор филологических наук, профессор *А. А. Гапоненков*; доктор филологических наук, профессор *А. А. Демченко* (отв. редактор); кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского *И. Е. Захарова* (отв. секретарь), доктор философских наук, профессор *Е. В. Листвина*, директор музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского *Г. П. Муренина* (зам. отв. редактора), доктор филологических наук, профессор *В. В. Прозоров*.

В сборнике представлены труды ученых из Японии, Москвы, Саратова, исследующих биографию Н. Г. Чернышевского, его философские, эстетические, литературно-критические, общественные взгляды, а также роман «Что делать?».

Для преподавателей, научных работников, студентов-филологов, философов и историков, читателей, интересующихся историей русской науки и культуры.

Издание осуществлено при поддержке
Управления по культуре администрации МО «Город Саратов»

УДК [9 (470.44)+[882:069.02] (470.44-25)] (082+929)

ББК 46.3.1

ISBN 978-5-903357-79-6

© Коллектив авторов, 2015

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Вышел в свет очередной, двадцатый выпуск межвузовского сборника «Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы».

Напомним, что первый сборник был подготовлен в 1958 году кафедрой русской литературы к 50-летию Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Ответственным редактором его был Е.И. Покусаев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой с 1951 года. Наряду с саратовцами в нём участвовали учёные Москвы, Ленинграда, Тарту, Казани и других научных центров Советского Союза. Сборник сразу же привлёк внимание исследователей – литературоведов. В рецензиях на статьи отмечалось, что в опубликованных материалах «поднимается и решается ряд новых и важных проблем, связанных и с изучением личности Н.Г. Чернышевского, и с изучением истории русской литературы и общественно-политической мысли XIX века вообще» (см.: Русская литература. 1958. № 4. С.229–234). Традиции научного изучения Н.Г. Чернышевского, разработки актуальных вопросов творческого наследия писателя-демократа, его общественно-литературных связей продолжают поныне.

Открывает сборник статья доктора философских наук, профессора НИУ Высшей школы экономики В.К. Кантора, в которой рассматривается христианский смысл образов «новых людей» в романе «Что делать?». Связям двух выдающихся современников 70-х гг. прошлого века – театрального режиссёра Ю.П. Любимова и учёного-филолога Е.И. Покусаева – посвящена публикация доктора филологических наук, профессора ИФиЖ СГУ В.В. Прозорова. Кандидат философских наук Е.В. Бессчётнова исследует актуальные проблемы социального предпринимательства, характерные для героев романа «Что делать?». Об исчерпанности исторической роли дворянства как источника прогрессивного развития страны и жизни в России XIX века, анализируя статьи Чернышевского, пишет кандидат филологических наук, доцент СГУ В.В. Смирнова. Осмысление Н.Г. Чернышевским природы «нравственных мук» с позиции антропологизма исследует доктор философских наук С.Ф. Мартынович. Кандидат социологических наук, доцент СГУ Н.Ю. Кравченко рассмотрела проблему конформизма во взглядах Н.Г. Чернышевского с проекцией на современное гражданское общество. Историко-семантический анализ понятия «либерализм» в политическом дискурсе Н.Г. Чернышевского даёт в своей статье старший преподаватель СГТУ им. Гагарина Ю.А. М.В. Калашников. Влияние личности Н.Г. Чернышевского и его романа «Что делать?» на многие поколения читателей рассматривает доцент кафедры философии и культурологии СГУ О.В. Шиндина. Политический контекст известной фразы Чернышевского «Исторический путь – не тротуар Невского

проспекта...» прослеживает аспирант Кембриджской школы из Великобритании Т.Д. Роллингс. Тему о принципах профессиональной и житейской этики, основанной на идеях Н.Г. Чернышевского, продолжает кандидат философских наук доцент СГУ Н.П. Лысикова. Объектом исследования профессора университета Саппоро Он Оя (Япония) стали актуальные проблемы пробуждения национального сознания русинов в середине XIX века.

Объективные и субъективные оценки личности Н.Г. Чернышевского, «общественно-государственного деятеля» журналистами и критиками начала XX века, в частности Е.А. Ляцким, стали предметом изучения доктора филологических наук Т.Д. Беловой. Правовым вопросам экономического развития общества в интерпретации Н.Г. Чернышевского посвящена статья кандидата юридических наук доцента СГУ Л.М. Лазанчиной.

Второй раздел выпуска открывает содержательная статья доктора филологических наук профессора СГУ А.А. Гапоненкова, исследующая малоизвестные страницы рукописного наследия философа, религиозного мыслителя В.С. Соловьёва. А.В. Зюзин, заместитель директора по научной работе Зональной научной библиотеки СГУ, публикует переписку 1928 – 1934 годов Н.М. Чернышевской-Быстровой, директора Дома-музея Н.Г. Чернышевского, с известным советским литературоведом и общественным деятелем В.В. Бушем, который был связан с Саратовом и Саратовским университетом почти семь лет своей жизни.

Эпистолярному наследию Н.Г. Чернышевского посвящается интересный материал доктора филологических наук профессора СГУ А.А. Демченко. В неопубликованных письмах псковского помещика А.С. Зелёного к редактору «Современника» явно прослеживается настроение значительного числа представителей дворян, желавших радикальных преобразований в России 60-х гг. XIX века.

Цель статьи Хироюки Хоризэ – наметить контур сближения двух русских философов, принадлежащих, согласно традиционной классификации, к совершенно разным направлениям философии.

Объектом внимания кандидата филологических наук, доцента СГУ Хвостовой О.А. стали творческие и дружеские связи писателей из литературного окружения Н.Г. Чернышевского П.В. Анненкова и М.Н. Каткова.

Прозе историка русской литературы и журналистики С.Т. Славутинского в журналах 60-х – 70-х годов XIX века посвящена статья кандидата исторических наук, доцента государственного университета печати Е.В. Переваловой (Москва).

Заключает раздел составленный сотрудником научной библиотеки СГУ Ломовой О.В. библиографический указатель литературы «Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», приуроченный к 185-летию со дня

рождения писателя. Работа сопровождается именным указателем авторов-исследователей творчества Н.Г. Чернышевского.

I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

В. К. Кантор

«ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» ПРОТИВ «НОВЫХ ЛЮДЕЙ»

«Роман учит, как быть счастливым»

В нашей гуманитарной науке, да и публицистике, стало банальным уже соотнесение заглавий двух романов – Герцена и Чернышевского. Повторю эту банальность: *кто виноват?* и *что делать?* – два основных вопроса русской культуры. Причем подтекст этого сопоставления очевиден – социально-гражданственный. На мой взгляд, проблема, поставленная двумя писателями-философами, много серьезнее и глубже. Герцен предложил *искать виноватого* в бедах человеческой жизни и предложил негативную теодицею. В России виноватой, на его взгляд, оказалась империя, на Западе – буржуа, а в судьбах человечества – Бог. Чернышевский, не просто сын протоиерея, но и человек глубоко верующий (об этом чуть позже), считал порочной саму идею искать виноватых вовне – *надо делать себя*, тогда и жизнь наладится¹, не искать, кто виноват, а делать нечто, ибо план Бога по созданию мира был разумен. Это был явный конфликт двух самых влиятельных среди молодого поколения идеологов. Роман «Что делать?» вызвал раздражение и изумление у литераторов старшего поколения, самым главным упреком автору стал упрек в том, что Чернышевский изобразил людей, которые не сознают жизненных трагедий, с легкостью их преодолевая. К концу знаменитого романа Герцена «Кто виноват?» его герои оказываются в состоянии непоправимо разрушенных судеб. Герои романа Чернышевского, несмотря на то, что роман начинается с самоубийства, полон несчастий и бед, траура и печали, написан узником Петропавловской крепости, тем не менее «счастливые люди», как их назвал Николай Страхов: «Роман учит, как быть счастливым».

На нем написано: *из рассказов о новых людях*. Можно было бы совершенно верно заменить: *из рассказов о счастливых людях*, которые до того умны, что умеют всегда счастливо устроить свою жизнь. <...> Лопухов совершает фальшивое самоубийство и тайком уезжает за границу. Таким образом, его жена получает возможность вступить в законный брак с Кирсановым. Сам же Лопухов богатеет в Америке, приезжает в Петербург под видом американца и находит себе здесь другую, новую подругу жизни»². Более того, герои романа становятся своего рода русскими американцами, умеющими сами строить свою жизнь (the self-made men). Этот пафос предвещал то несостоявшееся будущее России, которое перед Первой мировой войной померещилось

русскому обществу и вызвало в 1914 г. стихотворение Блока «Русская Америка».

Для верующего человека мир устроен так, что внутри него можно правильно строить правильные отношения. На вопрос Герцена *кто виноват*, ответ один: виновато мировое устройство, или, если угодно, Бог. Значит, разумно-положительное действие здесь невозможно. Но на вопрос Чернышевского *что делать*, есть ответ: в Божьем мире можно строить правильные отношения. Страдания героев преодолеваются по евангельскому слову, которое и в страданиях находило счастье: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах, так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф 5: 4-12).

Публика восприняла роман как полемику с Тургеневым. Из «Отцов и детей» тянутся две фамилии – Кирсанов и Лопухов, но очень переосмысленные. Кирсанов Чернышевского тоже европейски ориентированный герой, но не барин, а работник. А Лопухов вырастает из фразы Базарова, что, мол, умру, а на могиле лопух вырастет. Лопух вырос и стал одним из благороднейших героев русской литературы³. Но гораздо интереснее не влияние на Чернышевского, а влияние его романа на всю последующую русскую литературу. Бахтин написал, что Чернышевский задал русской литературе проблему – создать идеологический роман. Роман Чернышевского вызвал не просто отклики, полемические и положительные, но создал некий уровень обсуждения мироздания и России. Те вопросы и ответы, которые в нем прозвучали, задали некую совершенно не существовавшую в такой степени и силе парадигму, в которой необходимо было отныне рассуждать. Если говорить без скидок, то этот уровень и эту проблематику из его современников одолел только Достоевский.

Евангельская тема

Говоря о влиянии этого романа, не надо забывать, что это единственный завершённый, а главное, опубликованный при жизни автора художественный текст. Тем ошеломительнее его длившийся почти столетие читательский успех. Чтобы понять этот успех, зацепимся за сведения о том, как его воспринимала публика тех лет. Современник и противник Чернышевского, профессор Цион иронизировал: европеец «спросит вас: кто такой Чернышевский? Вы ему ответите и скажете, что Чернышевский написал плохой, по мнению самих же нигилистов... роман "*Что делать?*", сделавшийся, однако, евангелием нигилистов»⁴. Вот это слово «евангелие» много объясняет. Но взятое всерьёз, а не в травестийном духе. Мыслитель своим романом актуализировал Новый

Завет, ибо его «новые люди» должны были возвещать совершенную жизнь. Стоит отметить, что Святое писание он знал практически наизусть. Скажем, Чернышевский предлагал учить иностранные языки по проповеди Христа: «В качестве практического приема при изучении языка Николай Гаврилович рекомендовал считывание книг *с хорошо знакомым текстом, всего лучше Евангелия*»⁵ (курсив мой. – В. К.) А вот как он описывает изучение иностранных языков новыми людьми: «У Кирсанова было иначе: он немецкому языку учился по разным книгам с лексиконом, как Лопухов французскому, а по-французски выучился другим манером, по одной книге, без лексикона: *Евангелие – книга очень знакомая*; вот он достал Новый Завет в женеvском переводе, да и прочел его восемь раз; на девятый уже все понимал, – значит, готово» (курсив мой. – В. К.). Роман Чернышевского буквально пронизан евангельскими реминисценциями. Услышав рассказ Катерины Полозовой о Чарльзе Бьюмонте и сообразив, что это Лопухов, вернувшийся с *того света*, Вера Павловна кричит Кирсанову: «Ныне Пасха, Саша; говори же Катеньке: воистину воскресе».

Входя в пространство этого романа, читатели поневоле входили в евангельское пространство. Но в Евангелии показано распятие и воскресение героя – Христа. А в романе? Почему это Евангелие? Но задумаемся: есть ведь общий текст судьбы. В этот текст входит и роман, и продолжение жизни автора. Текст романа – это проповедь, гражданская казнь и каторга – это распятие. Нельзя вообразить Благоую весть без распятия и воскресения. Так же трудно оторвать каторгу автора от его романа. Сюжет распятия и сюжет воскресения входят в текст Евангелия. Однако в романе Чернышевского звучит надежда, что чаша будет пронесена мимо. Об этом последняя глава «Перемена декорации», где показано, что автор романа выходит на волю. О скором выходе на волю он писал и жене. Но судьба оказалась жестче и мудрее. Если ты уж замахнулся быть учителем людей, то получи по полной программе. И казнь была. Герцен сравнил позорный столб Чернышевского с крестом, на котором распяли Сына Человеческого. А потом была каторга, или, говоря словами Достоевского, «мертвый дом», то есть тот свет. А уж потом – воскресение.

Но как же призыв к революции, который вычитали в романе и охранители, и молодые инакомыслы? Посмотрим, какое поведение пропагандировалось в романе. С французской песенкой вводится в роман Вера Павловна. Но как он переосмысляет эту очень жестокую песенку французского простонародья, санкюлотов, призывавших – «всех буржуа – на фонарь» (*tous les bourgeois à la lanterne*) и припевом – «дела пойдут» (*Ça ira!*). То есть повесим – и дела пойдут. Чернышевский революционность, тем более жестокость из этой песенки полностью элиминирует.

«В то же самое утро, часу в 12-м, молодая дама сидела в одной из трех комнат маленькой дачи на Каменном острове, шила и вполголоса

напевала французскую песенку, бойкую, смелую. "Мы бедны, – говорила песенка, – но мы рабочие люди, у нас здоровые руки. Мы темны, но мы не глупы и хотим света. Будем учиться – знание освободит нас; будем трудиться – труд обогатит нас, – это дело пойдет, проживем, доживем:

Ça ira! <...> Qui vivra, verra (*дело пойдет / Кто будет жить – увидит*)».

То есть надо избавиться от грубости и невежества и трудиться, тогда дела пойдут. Вполне буржуазный пафос. И никакой революции! Надо полагать, что его расчет был на знание реального текста этой песни, очень популярной среди радикалов, да и просто образованных людей. Этот контраст должен был подчеркнуть антиреволюционный пафос романа. Поразительно, но никто не увидел. Самостоятельность мысли радикалы приняли за революционаризм. Возможно, дело все-таки в мифологическом сознании россиян, о которых писал в свое время Хомяков, что мы еще не вышли из эпохи сказочности и саг. И на эту мифологическую основу легла позиция правительства.

Сошлюсь на аналитическую формулу А.А. Демченко: «Факт участия влиятельных чиновников в пропуске романа налицо. И не только напечатали его, но еще разрешили оставить под ним полную подпись автора, политического узника. Какими-то тактическими соображениями хозяева положения руководствовались определенно. Какими же? Вспомним, как Долгоруков и Потапов опасались изъявлений общественного недовольства или даже протеста в первые дни после ареста Чернышевского и Серно-Соловьевича. Снять напряженность в обществе, продемонстрировать объективность и гуманность правительства в отношениях к политическим заключенным (обоим предоставили право писать и печататься), закрепить в общественном мнении мысль об отсутствии предвзятости в разбирательстве их следственных дел – такова, думается, ближайшая тактика властей в данном конкретном случае. И в известной мере власти добились своего. После появления в печати романа за подписью Чернышевского слухи о скором его освобождении явно усилились»⁶. Если поначалу публика после выхода романа надеялась на выход из крепости автора, то она ошиблась⁷. А раз писателя казнили, то, конечно, он революционер. **Власти нарвались на мифологическое сознание общества, сами при этом создав миф о Чернышевском-революционере.** Никто не ожидал, что безвинный арест превратит мыслителя в революционера-страдальца, а каждое его слово будет читаться именно в этой программе, предложенной самим правительством. Так и было прочитано, испугались романа, который не был антинигилистическим, но прочитан нигилистически по воле самих властей.

И теперь мы подходим к самой главной теме предлагаемого текста, о которой я уже говорил, – теме новых людей. Именно этот образ больше

всего смутил российское общество. Именно «новым людям» романа противопоставил Достоевский своего подпольного героя.

Подполье как месторазвитие

Что пишут исследователи? Вот Тмарченко: «В "Записках из подполья", написанных уже после выхода романа "Что делать?", Достоевский полемизирует с этической теорией Чернышевского во всей ее сложности и объеме. <...> Для всех романов зрелого Достоевского "Записки из подполья" послужили идеологическим этюдом. Разум отнюдь не всемогущ в общественной истории, так же, как в душе и в поведении современного "развитого" человека»⁸. Еще раз подчеркнем, что роман Чернышевского положил начало философскому тренду в русской классической литературе. Достоевский, как ни странно покажется многим, даже достоеведам, ища «человека в человеке», видел реального человека как носителя зла. Владимир Соловьев писал, что Достоевский «слишком хорошо знал все глубины человеческого падения; он знал, что злоба и безумие составляют основу нашей извращенной природы и что если принимать это извращение за норму, то нельзя прийти ни к чему, кроме насилия и хаоса.

Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, – пока эта темная основа у нас налицо – не обращена – и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее *дело* и вопрос *что делать* не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления»⁹.

В утверждении, что вопрос «что делать?» не имеет разумного смысла, пока нет *делателей*, очевиден намек на полемику Достоевского с Чернышевским. Сын саратовского протоиерея верил в возможность жизни по христианским заповедям. Но Достоевский сформулировал в «Записках из подполья», причем достаточно твердо, невозможность христианского подвижничества. Все дальнейшее творчество он посвятил поиску такого подвижника. Как писал Лев Шестов: «Ему самому страшно было думать, что "подполье", которое он так ярко обрисовывал, было не нечто ему совсем чуждое, а свое собственное, родное. Он сам пугался открывшихся ему ужасов и напрягал все силы души своей, чтоб закрыться от них хоть чем-нибудь, хоть первыми попавшимися идеалами. Таким образом, и создались фигуры князя Мышкина и Алеши Карамазова. Отсюда и неистовые проповеди, которыми переполнен его "Дневник писателя". Все

это лишь хочет напомнить нам, что Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Кирилловы и другие действующие лица романов Достоевского говорят сами за себя и ничего общего с их автором не имеют. Все это лишь новая форма примечания к "Запискам из подполья"¹⁰. В «Записках из подполья» герой грозит разрушить не только Добро фурьеристов и социалистов, но и вообще Добро как таковое. Безымянный герой Достоевского поворачивает проблему: он просто не находит Богу оправдания. И характерно, что герой – без имени: его устами словно говорит человек как таковой. Герой повести, бедный и униженный, не верит, что, узнав свои нормальные интересы, «человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же стал добрым и благородным». А потому восклицает, что из принципа противодействия Зло будет делать, и совершает его, поглумившись над человеческим достоинством проститутки Лизы. Его речи воспринимают обычно только как полемику с социалистами, но в письме к брату от 26 марта 1864 г. сам Достоевский назвал их «богохульством».

Злобно-ироничный Набоков пишет об этом герое: «К концу 2-й главы мы узнаем, что человек из подполья начал писать мемуары, чтобы поведать миру о радостях падения. <...> Неудовлетворенные желания, страстная жажда отомстить, сомнения, полуотчаяние, полувера – все это сплетается в один клубок, порождая ощущение странного блаженства в униженном существе. Но бунт этого человека основан не на творческом порыве, он просто неудачник, моральный урод, в законах природы он видит каменную стену, которую не может пробить»¹¹. Стоит добавить, что, создавая мир, Бог создал и законы природы. Так что перед нами явный богоборец.

Но стоит все же понять, откуда взялось словечко «подполье», которое далее стало символом укрытия для людей, ведущих противоправительственную деятельность. А. Л. Бем полагал, что это из пушкинского «Скупого рыцаря»: «Пускай отца заставят / Меня держать, как сына, не как мышь, / Рожденную в подполье». Это возможно, учитывая, насколько тексты Достоевского пропитаны реминисценциями из Пушкина. Но мог Достоевский это словечко взять и у поэтического учителя Пушкина, В. А. Жуковского, опубликовавшего в 1831 г. в журнале «Европеец» поэму «Война мышей и лягушек», где были строчки героя-мышы Петра Долгохвоста: «Был я воспитан / В нашем столичном *подполье* премудрым Онуфрием-крысой». Тексты Жуковского были, как известно, семейным чтением в детстве Достоевского. Взаимовлияние Пушкина и Жуковского тоже очевидно. Действительно, у обоих поэтов идет речь о «мышь», живущей в подполье. Но мышью называет себя и подпольный человек. И это важно подчеркнуть, что человеческое в высшем смысле не составляет его сути, в этом человеке невозможно найти человека, как о том мечтал Достоевский. Однако приверженность

парадоксалиста к подполью имеет и мотив, важный для нашей темы. Напомню, что Верочка в романе Чернышевского чувствовала себя освобожденной из подвала и мечтала и всех других освободить из подвала. «Снится ей, что она заперта в сыром, темном подвале. И вдруг дверь растворилась, и Верочка очутилась в поле, бегают, резвятся и думает: "как же это я могла не умереть в подвале?" <...> И Верочка идет по городу: вот подвал, – в подвале заперты девушки. Верочка притронулась к замку, – замок слетел: "идите" – они выходят».

Достоевский нарисовал совершенно другой тип человека, вероятно, более реальный, если вспомнить формулу Канта «об изначально злом в человеческой природе», (добавлявшего, что из такого кривого дерева, из которого сделан человек, нельзя выточить что-то абсолютно прямое), о злодействах, переполняющих человеческую историю, о чем говорится уже в книге Бытия, о распятии Христа... Его герой не просто антигерой, для Достоевского он выразитель подлинного смысла человеческого существа, которое чудовищно. Он не способен на христианское сострадание и спасение другого. Герои Чернышевского только и делают, что спасают ближних (Лопухов Верочку, Кирсанов Настю Крюкову и т.д.). Парадоксалист не может и НЕ ХОЧЕТ спасти Лизу (ситуация – насмешливый парафраз отношений Кирсанова и Насти), которая при этом изображена как почти трагическая романтическая героиня, с возвышенной душой, но попавшая в беду. «Глаза у ней были светло-карие, прекрасные глаза, живые, умевшие отразить в себе и любовь, и угрюмую ненависть». Характерная деталь: ее держит в высоком тоне письмо студента, всерьез влюбившегося в нее, не зная, что она проститутка. «Она как-то стыдливо опустила свои сверкавшие глаза, когда кончила рассказывать.

Бедненькая, она хранила письмо этого студента как драгоценность и сбегала за этой единственной своей драгоценностью, не желая, чтоб я ушел, не узнав о том, что и ее любят честно и искренно, что и с ней говорят почтительно».

Так что парадоксалисту не жуткую проститутку надо спасать, а женщину благородную. Но – НЕТ: «Спасать! – продолжал я, вскочив со стула и бегая перед ней взад и вперед по комнате, – от чего спасать! Да я, может, сам тебя хуже. Что ты мне тогда же не кинула в рожу, когда я тебе рацеи-то читал: «А ты, мол, сам зачем к нам зашел? Мораль, что ли, читать?» Власти, власти мне надо было тогда, игры было надо, слез твоих надо было добиться, унижения, истерики твоей – вот чего надо мне было тогда! Я ведь и сам тогда не вынес, потому что я дрянь, перепугался и черт знает для чего дал тебе сдуру адрес. Так я потом, еще домой не дойдя, уж тебя ругал на чем свет стоит за этот адрес. Я уж ненавидел тебя, потому что я тебе тогда лгал. Потому что я только на словах поиграть, в голове помечтать, а на деле мне надо, знаешь чего: чтоб вы провалились, вот чего! Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь

свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить. Знала ль ты это, или нет? Ну, а я вот знаю, что я мерзавец, подлец, себялюбец, лентяй. Я вот дрожал эти три дня от страха, что ты придешь. А знаешь, что все эти три дня меня особенно беспокоило? А то, что вот я тогда героем таким перед тобой представился, а тут вот ты вдруг увидишь меня в этом рваном халатишке, нищего, гадкого». И мерзкая его истерика с диким восклицанием, что «ему не дают быть добрым». Кто виноват? Бог?

Повторю, что не очень понятно, почему его сентенции приводятся всеми исследователями как мудрые возражения идее разума, проповедуемой Чернышевским. Идея разума как основы христианского послания классическая, высказанная апостолом Иоанном: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум» (1 Ин 5: 19-20). Естественно, что богоборец парадоксалист выступает против разума. Подпольный человек по сути дела первый вариант Великого Инквизитора, который говорил Христу: «Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и Ты? Столь уважая его, Ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, – и это кто же, тот, который возлюбил его более самого себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл. Ты звал к совершенству. А кто может быть из людей совершенным? Одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам». Вот антигерой начинает с себя, и показывает, что это невозможно. Он понимает, что он сам преступник, и приходит к выводу Великого инквизитора: «Ну, попробуйте, ну, дайте нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы... да уверяю же вас: мы тотчас же попросимся опять обратно в опеку». Зло в самом герое, а не вокруг.

Разумный эгоизм и золотое правило христианской этики

Западные слависты видят в идеях Чернышевского лишь эгоизм, который, конечно же, ужасен. «В вере Чернышевского и нигилистов в возможность построения будущей страны счастья на основах эгоизма и рационализма Достоевский не видел ничего, кроме демонизма. Позднее в "Записках из подполья" Достоевский выразит мысли, наносящие основательный удар идеям Чернышевского»¹². Наши исследователи вспоминают хотя бы благородных предшественников идеи разумного

эгоизма. Исток ее ищут то у Гельвеция, то у Милля, то у Фейербаха. И это справедливо. Но западные всю «вину» сваливают на Чернышевского, следуя худшим интерпретаторам мыслителя.

Но почему бы не обратиться к первоисточнику – к святой книге. Ведь идея эта родилась еще в Ветхом завете. *«Люби ближнего твоего, как самого себя»* (Лев 19:18). И уже стало обязательным принципом в Новом завете: *«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»* (Мф 22:39). Иными словами, чтобы возлюбить ближнего, как самого себя, нужно для начала любить самого себя. Если ненавидишь себя, то и ближнего будешь ненавидеть. Вот вам и объяснение разумного эгоизма. Это вроде бы просто, но понимается с трудом, отсюда все перверсии в трактовке отношений Достоевского и Чернышевского. Ведь и Чернышевский хотел *«искать человека в человеке»*.

И вот ответ Достоевского, человека, уже пережившего приговор к расстрелу, четыре года каторги, потом солдатчину, трагический роман, брошенного возлюбленной и вернувшегося в Россию к телу умершей жены, которой он изменял.

«16 апреля. Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?

Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек»¹³. То есть для земного человека, христианская норма выступает в принципе лишь как идеал.

На ту же тему размышления в дневнике юного и влюбленного в будущую жену Николая Чернышевского. Он тоже считает, что с такой силой эта заповедь могла быть выражена только Богочеловеком. Но при всех колебаниях и понимании сложности для человека исполнять то, что задал как задачу Сын Человеческий, он утверждал: «ценю ближнего наравне с собою»: «Что касается до другого, по моему мнению, коренного догмата христианства – помощи Божьей, сверхъестественного освящения, что и составляет собственно то, что есть сверхъестественного в христианской религии (хотя, однако, и догмат любви, и «ты должен не делать другому того, чего не хочешь, чтобы он делал тебе», в котором я решительно убежден, также, по моему мнению, не мог быть провозглашен Иисусом Христом в такой ясности, в такой силе, не мог быть положен так ясно им в основание своего учения об обязанностях человека, если бы он был просто естественный человек, потому что и теперь еще, через 1850 лет, нам трудно еще понять его и особенно трудно убедиться в том, чтоб человечество могло быть устроено по этому закону, а не [по] закону хитрости и своекорыстия, и особенно трудно нам убедиться в том, что можно жить и действовать в своей частной, личной жизни по этому началу истины, правды, добра, любви, – все это показывает такую

зрелость и величие и вместе такое отсутствие всякой мечтательности, от которой не может удержаться естественный человек, одаренный такими благородными убеждениями, что нельзя не видеть в человеке, который так говорит, человека неестественного); так, что касается до этого догмата благодати, освящающей человека, я решительно нисколько не отвергаю его <...> я говорю по внутреннему опыту, по которому знаю, напр., господство и достоинство и божественное назначение любви и ценю ближнего наравне с собою»¹⁴.

Это то, что он реализовал в романе «Что делать?».

Интересно, что оба мыслителя внимательно и доброжелательно приглядывались друг к другу, даже в состоявшейся единственной встрече, несмотря на взаимное недопонимание, они расстались мирно, можно сказать, дружелюбно. Достоевский вынес из этой встречи важное убеждение, что к кровавым прокламациям «Молодой России» Чернышевский никакого отношения не имел. Неслучайно в черновиках к «Бесам» Петр Верховенский (Нечаев) называет Чернышевского «ретроградом», противопоставляя ему разрушение всеобщее: «В сущности мне наплевать; меня решительно не интересует: свободны или несвободны крестьяне, хорошо или испорчено дело. Пусть об этом Серно-Соловьевичи хлопочут да ретрограды Чернышевские! – у нас другое – вы знаете, что чем хуже, тем лучше (по-моему, все с корнем вон!)»¹⁵. Отношения их были непростыми. В начале 60-х Достоевский откровенно поддержал Чернышевского в его полемике с Катковым. Но после ареста и публикации романа Достоевский публикует начало романа «Крокодил», романа, который он не дописывает. И в шаржированно изображенном герое, в котором читатели хотели угадать Чернышевского, пытавшегося из утробы крокодила (читай – из Петропавловской крепости) учить образованное общество, как надо жить. Впоследствии Достоевский яростно отрицал такое понимание «Крокодила», говоря, что никогда бы не посмел так изобразить человека, идущего путем Петропавловской крепости и каторги, как и сам он. Но был он писатель многосмысленный. Мог и изобразить так Чернышевского, но, будучи чрезвычайно автобиографическим (не по фактам, а по чувствам и идеям), мог и себя самого иметь в виду, себя, бывшего каторжника, обращающегося к публике со словом поучения. Думаю, что отчасти прав Туниманов, говоривший о жесте поддержки Чернышевского. «Какими бы мотивами ни руководствовался автор «Дневника писателя», принимаясь в 1873 г. за «литературные воспоминания», несомненным является факт, что не ради самооправдания потревожил он старую историю с «Крокодилом». Не отрицая «радикальных» расхождений с убеждениями Чернышевского, Достоевский осмелился заявить в прикровенной (вынужденно) форме свое личное несогласие с политическими обвинениями, выдвинутыми против автора «Что делать?», об уме, таланте, личности которого он вспомнил с

уважением, симпатией и даже неожиданной теплотой. Слова Достоевского о Чернышевском – акт человеческой солидарности с литератором другого «лагеря». Большую силу мнению Достоевского придавала его собственная судьба – бывшего каторжанина и ссыльного»¹⁶. Но к 1873 г. уже окончательно стало ясно, что к бесам Чернышевский отношения не имеет никакого. Напомню еще, что в 1861 г. буквально взрыв вызвала статья Чернышевского «Полемиические красоты». В статье критик просто наотмашь бил по литературным противникам, с таким презрением, что раздражение вызвала даже не столько его позиция, сколько очевидно сквозившее в его словах чувство превосходства. Не было журнала, который не ударил в ответ заносчивого критика. За исключением Достоевского!

Вот что Достоевский выговорил: «И ведь престранная судьба г-на Чернышевского в русской литературе! Все из кожи лезут убедить всех и каждого, что он невежда, даже нахал; что в нем ничего, ровно ничего нет, пустозвон и пустоцвет, больше ничего. Вдруг г-н Чернышевский выходит, например, с чем-нибудь вроде "полемиических красот"... Господи! Подымается скрежет зубовный, раздается элегический вой... "Отечественные записки" после этих красот поместили в одной своей книжке чуть не шесть статей разом (да, кажется, именно шесть и было) единственно о г-не Чернышевском, и именно с тем, чтоб доказать всему свету его ничтожество. <...> Но если он так ничтожен и смешон, для чего же шесть статей в таком серьезном и ученом журнале, да еще разом, в одной книжке? То же и в Москве: там тоже было вроде маленького землетрясения. Писались даже отдельные брошюры о г-не Чернышевском. К чему бы, кажется, так беспокоиться? Угадать нельзя. Странная, действительно странная судьба этого странного писателя!..»¹⁷.

Поэтому его расхождение шло, очевидно, по другой линии.

Замечу, что Достоевский вошел в литературу романом «Бедные люди», где жалость к бедным людям требовалась как норма гуманного человека. Напомню известный анекдот советского времени. Это анекдот о революции 1905 или 1917 гг.: старая барыня, дочь декабриста, спрашивает служанку, чего хотят бунтари. «Чтобы не было в России богатых». Барыня отвечает: «А мой отец хотел, чтобы не было бедных». Не будем здесь говорить о декабристах, но вот кредо положительного героя романа «Что делать?» Лопухова: «Я совершенно разделяю желание бедных, чтоб их не было, и когда-нибудь это желание исполнится: ведь раньше или позже мы сумеем же устроить жизнь так, что не будет бедных» (глава 2, часть IV). И Верочка думает: «Да, вот хорошо будет, когда бедных не будет, никто никого принуждать не будет, все будут веселые, добрые, счастливые...». Умилительны обычные комментарии: «Эта и следующие строчки – описание революционного переустройства общества». Но это же против «Бедных людей». Достоевский их жалеет, хотя и там страсти, но бедность

непреодолима. У него никто из героев не богатеет. У Чернышевского все герои способны преодолеть свою бедность. Они работники в той области, за которую нарождающееся буржуазное общество уже стало платить. В статье «Не начало ли перемены?», написанной накануне его ареста, Чернышевский очень жестко отнесся к подобному «розовому» гуманизму: «Забудемте же, кто светский человек, кто купец или мещанин, кто мужик, будемте всех считать просто людьми, и судить о каждом по человеческой психологии, не позволяя себе утаивать перед самими собою истину ради мужицкого звания»¹⁸. И далее он выдвигает совсем неожиданный тезис: «Дюжинные люди делают только то, что заведено, а масса людей во всяком звании – дюжинные люди»¹⁹. Что это значит? Строго говоря, возникает тема массового общества. Но, как мы понимаем, еще время восстания масс не пришло, буржуазию он к дюжинным людям не относил. Очевидно, это тема, которая для Чернышевского составляла проблему европейской истории, по крайней мере, с распятия Христа, когда «дюжинные люди» распяли Спасителя. Этим дюжинным людям и противопоставлены новые люди.

Новые люди как подвижники

И все же понятие «новые люди» требует серьезной реконструкции. В советской, да и не только советской, науке это символ русской радикальной молодежи, готовящей Россию к революционному перевороту. В очередной раз перечитывая «Что делать?», я чувствовал, что камертоном к этому чтению должно быть чтение Евангелия. Вслушаемся в слова Чернышевского в романе: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней – теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли». Это конечно рассказ о христианском подвижнике, где слова Христа усилены: не просто «соль земли», но «соль соли земли». Вариант новой Нагорной проповеди. Прислушаемся и к этому тексту: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» (Мф 5: 10-13). Подпольный человек, выступая против добра как основы жизни, отрицает возможность новых людей с их установкой на добро для других, как Великий инквизитор говорит о невозможности для всех следовать путем Христа.

Именно о гонениях на новых людей пишет Чернышевский, не за то, что они сделали нечто преступное, а за то, что они **другие**: «Недавно родился этот тип и быстро расплождается. Он рожден временем, он знамение времени, и, сказать ли? – он исчезнет вместе с своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; теперь... но все равно, что думают о них теперь; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: "спасите нас!", и что будут они говорить будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканые, страшимые». Таков же и Рахметов, как бы необыкновенный человек. Просто градусом выше. Хотя в примечаниях все время говорится, что Рахметов готовит себя к русской революции, но он странник, пришелец, взыскующий Града Небесного. Быть может, реформатор, как Сперанский. Ему все любопытно, но интереснее прочего Североамериканские штаты: «Через год во всяком случае ему "нужно" быть уже в Североамериканских штатах, изучить которые более "нужно" ему, чем какую-нибудь другую землю, и там он останется долго, может быть, более года, а может быть, и навсегда, если он там найдет себе дело, но вероятнее, что года через три он возвратится в Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три-четыре, "нужно" будет ему быть». Это вариация судьбы Лопухова, который прошел школу США и вернулся в Россию. Он из тех, о ком сказано в Евангелии, которые «говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле» (Евр 11: 13). Неслучайно архимандрит Феодор (Бухарев) считал Рахметова христианским подвижником. Он думает о ближних, это его дело, никакой революции. Например, Рахметов упрекает Веру Павловну, что она решила оставить мастерские, и возводит ее дело по организации мастерских на уровень абсолютно богоугодного дела: «Это учреждение вы подвергали риску погибнуть. <...> Это, Вера Павловна, то, что на церковном языке называется грехом против духа святого, – грехом, о котором говорится, что всякий другой грех может быть отпущен человеку, но этот – никак, никогда» (курсив мой. – В. К.). То есть «особенный человек» Рахметов находится внутри христианской системы ценностей, о чем нам рассказывает язык, на котором он говорит. Почему-то никто это не отмечал.

Напомню, что Чернышевский долго занимался русскими летописями. Вот строчки из его дневника: «21 год моей жизни. 12 июля 1848, 2 часа ночи. – Встал, стал до чая разрезывать летопись Нестора (завещание Мономаха), дорезал». «13-го [августа], 3' часа. – Утром писал Нестора». «20-го [августа]. – Весь день как-то Нестор не писался, только dokonчил прежний полулист и начал и дописал до конца 78-ю стр.»²⁰. Стоит высказать еще одно предположение, что Чернышевский, конечно, читал

«Повесть временных лет» (также называемую «Первоначальная летопись» или «Несторова летопись»), ибо она входила в Ипатьевскую летопись. Студент Чернышевский долго занимался Ипатьевской летописью. Работа («Опыт словаря к Ипатьевской летописи») была начата Чернышевским под руководством профессора И. И. Срезневского; опубликована в 1853 г. в «Прибавлениях» ко 2-му тому «Известий Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности».

И вот строчки, где впервые в русской литературе появляется понятие «новые люди»: «На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошло там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: "Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах". Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: "Христос Бог, сотворивший небо и землю! *Взгляни на новых людей этих* и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу". И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры»²¹ (курсив мой. – В. К.). Вот эта правильная и неуклонная вера, о которой мечтал князь Владимир, не могла, разумеется, стать общим правилом жизни «дюжинных людей»²².

Но именно ее попытался оживить на новом историческом витке Чернышевский, знавший об удавшихся попытках подобного рода – лютеранстве, старообрядчестве и пр. Он понимал, разумеется, всю невероятную трудность этого преобразования, но хотел верить в ее возможность. Можно было, конечно, совершить некую подстановку, предложив новый вариант христианства – толстовство. Но для сына саратовского протоиерея, которого называли надеждой православной церкви, это было бы кощунством. Другой русский гений, тоже мечтавший о возрождении и укреплении христианства в России, однако, показал, что подобная победа в этом мире невозможна, ибо мир во зле лежит и князь мира сего дьявол. А царство Христа не от мира сего, и Христос вынужден уступить Великому инквизитору, который, как сказал Алеша Карамазов, «не верует в Бога, вот и весь его секрет!». А верующему уготована тюрьма, позорный столб, каторга, одним словом, Голгофа.

Примечания

¹ Кстати, именно этот пафос преодоления себя является основным в «пушкинской речи» Достоевского.

² *Страхов Н. Н.* Счастливые люди // Н. Г. Чернышевский: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. А. А. Демченко. СПб., 2008. С. 561.

³ «Сама фамилия Лопухова как бы вырастает из пренебрежительной фразы Базарова о мужике: "Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; – ну, а дальше?"» (*Верховский Г. П.* О романе Н. Г. Чернышевского "Что делать?". Ярославль, 1959, С 11-12). Кстати, мать Веры Павловны носит имя Марьи Алексеевны, это тянется к Грибоедову. «Ах! Боже мой! что станет говорить / Княгиня Марья Алексевна!» – восклицает зависимый от общественного мнения Фамусов, отправляя дочь в родной город Чернышевского: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!»

⁴ *Цион И. Ф.* Нигилисты и нигилизм // Русский вестник. 1886. № 6. С. 776-777.

⁵ *Обручев В. А.* Из пережитого // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 256.

⁶ *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский. Научная биография : в 4 ч. Саратов, 1992. Ч. 3 : 1859-1864. С. 214.

⁷ Стоит сослаться на воспоминания одного юриста, в молодости общавшегося с Чернышевским: «Этот арест, в особенности Чернышевского, меня сильно поразил, и я ломал себе голову, в каком деле мог участвовать Чернышевский, относившийся весьма скептически ко всем революционным попыткам, осуждавший печатно в одном из номеров "Современника" даже Герцена <...> Осенью 1862 года мне пришлось покинуть Петербург и поселиться в провинции, куда долетали известия о многих арестованных лицах, но о Чернышевском ничего не доходило. **Признаком скорого его освобождения представлялся напечатанный им в первой книжке за 1863 год "Современника" роман "Что делать?"**» (*Рейнгардт Н. В.* Н. Г. Чернышевский (По воспоминаниям и рассказам разных лиц) // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 383 : выделено мною. – В. К.).

⁸ *Тамарченко Г. Е.* «Что делать?» и русский роман 60-х годов // *Чернышевский Н. Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 771. (Лит. памятники).

⁹ *Соловьев В. С.* Три речи в память Достоевского // *Соловьев В. С.* Собр. соч. : в 10 т. СПб., [1912]. Т. 3. С. 210.

¹⁰ *Шестов Лев.* Достоевский и Нитше (философия трагедии) // *Шестов Лев.* Сочинения. М., 1995. С. 27.

¹¹ *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. СПб., 2012. С. 190.

¹² *Воге П. Н.* Достоевский: свержение идолов. СПб., 2003. С. 111.

¹³ *Достоевский Ф. М.* Записная книжка 1863—1864 гг. // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1980. Т. 20. С. 172.

¹⁴ *Чернышевский Н. Г.* Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собрание соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 1. С. 132-133.

¹⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1974. Т. 11. С. 159.

¹⁶ *Туниманов В. А.* Чернышевский и Достоевский // Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 207-208.

¹⁷ *Достоевский Ф. М.* По поводу элегической заметки "Русского вестника" // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 177.

¹⁸ *Чернышевский Н. Г.* Не начало ли перемены? // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 16 т. М., 1950. Т. 7. С. 862.

¹⁹ Там же. С. 866.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 1. С. 90.

²¹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы XI — начало XII века. М., 1978. С. 133.

²² Здесь стоит сослаться на религиозного мыслителя XX столетия, чтобы стал более внятнм смысл понятия термина «новые люди», что это не натяжка автора, желающего прочитать Чернышевского как религиозного мыслителя: «Я назвал Христа "первым моментом" нового человека. Он, конечно, гораздо больше, чем "первый момент", не просто один из новых людей, но новый Человек. Он источник, центр и жизнь всех новых людей. <...> Новые люди появляются тут и там, во всех уголках Земли. Некоторых из них, как я уже отметил, трудно пока распознать. Но есть и такие, которых вы узнаете довольно легко. Кто-то из них иногда встречается нам. Даже голоса их и лица отличаются от наших: они сильнее, спокойнее, счастливее, светлее» (Льюис Клайв Стейплз. Просто христианство. М., 1994).

В. В. Прозоров

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В МОСКВЕ 1970 ГОДА

В Москве 1970 года готовилась инсценировка по мотивам романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Обстоятельства этой постановки связали двух выдающихся современников – столичного театрального режиссёра Юрия Петровича Любимова (1917–2014) и саратовского университетского ученого-педагога Евграфа Ивановича Покусаева (1909–1977).

История была такова. Год столетнего юбилея В. И. Ленина. Только что власти разгромили журнал «Новый мир» А. Т. Твардовского... Заметный островок жёстко контролируемой свободы в стране развитого социализма – с 1964 года успевший стать знаменитым на всю страну и на весь мир Театр на Таганке Ю. П. Любимова. Каждая новая его работа становилась событием и в мире искусства, и в жизни нашей страны, и в печальной истории отечественной театральной цензуры. В 1968 году был запрещен любимовский спектакль «Живой. Из жизни Фёдора Кузькина» по Борису Можаеву. В 1970 году спектакль Театра на Таганке «Берегите ваши лица» по Андрею Вознесенскому был запрещен уже после премьеры...

Между тем, неутомимый и дерзкий режиссёр инсценирует и пробует поставить в том же 1970 году спектакль по мотивам романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Властные инстанции, по трусливой своей привычке, безусловного разрешения на постановку Любимову не дают. Но и запретить её «просто так» не решаются: роман Чернышевского, как известно было каждому советскому школьнику, В. И. Ленина «всега глубоко перепахал!» Для перестраховки министерство культуры выставило театру требование – представить рецензии на инсценировку, принадлежащие авторитетным в науке о Чернышевском специалистам.

Очевидно коварство властного замысла. Известно, что в советскую эпоху среди других общественно-гуманитарных наук у литературоведения был особый, неписанный статус несколько вольнолюбивой и чуть-чуть особняком стоявшей от оголтелого официоза отрасли. Этой науке сопродны были вызывавшие небезосновательные подозрения у властей всякого рода «художественные многозначности», «туманные аллюзии», «своевольные интерпретации», открытые финалы, эзопова речь и т.п. Это – с одной стороны.

А с другой – на идеологически особо ответственных участках, к которым относилось и наследие Н. Г. Чернышевского, по-хозяйски располагались свои неусыпные охранители. Эти проверенные временем и практикой «критики-грамотеи» призваны были «всюду слышать отголоски недозволенных идей» (А. Т. Твардовский, «Тёркин на том свете»). Их имена сегодня по большей части справедливо забыты, но в 1970-м они с высоты своих «выдержанных» идеологических позиций зорко и пристрастно следили за чистотой идейных помыслов коллег по гуманитарному цеху.

Что делать в такой ситуации режиссёру?

Ю. П. Любимов доверительно спрашивает совета у друга своего театра А. А. Лебедева. Александр Александрович Лебедев (1928 – 2002) – литературный критик, известный своими свободными от правоверного догматизма взглядами, историк русской литературы и общественного движения, автор широко почитаемых в российском гуманитарном мире работ о Грибоедове, Чаадаеве, Чернышевском, Плеханове, Луначарском, Антонио Грамши. Лебедев замечен был в постоянных симпатиях к Театру на Таганке, в прямом сотрудничестве с этим театром... Сам он вряд ли мог в глазах власть предержащих быть «объективным» критиком любимовской инсценировки. Но Лебедев хорошо знал цену своим собратям по литературоведческим занятиям. Выбор рецензента должен быть во всех смыслах безупречным и точным: театру нужна быстрая и надёжная помощь и поддержка.

И Лебедев делает такой выбор. Вернее, советует его сделать Любимову. Но сперва сам пишет человеку, в нравственных качествах которого нисколько не сомневается.

Адресат письма Лебедева – заведующий кафедрой русской литературы Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского профессор Е. И. Покусаев. Саратов – признанный центр изучения наследия Чернышевского, а Покусаев – один из самых авторитетных исследователей творчества своего выдающегося земляка.

Талантливый ученик А. П. Скафтымова, Е. И. Покусаев посвятил свою жизнь изучению творчества Салтыкова-Щедрина. После отъезда из Саратова Ю. Г. Оксмана и ухода на пенсию А. П. Скафтымова Покусаев – общепризнанный лидер научной жизни филологического факультета Саратовского университета. Своим огромным педагогическим,

редакторским, исследовательским трудом он поддерживает и приумножает авторитет саратовской школы литературоведения. Горячее увлечение щедринским творчеством выливается в монографии, статьи, очерки, комментарии, в огромную организаторскую и редакторскую работу в самом полном 20-томном собрании сочинений писателя-сатирика. Покусаев знал цену острому сатирическому слову и пониманием своим заражал учеников. Одна из вершин исследовательского искусства Евграфа Ивановича – предложенный им анализ «Господ Головлевых», продемонстрировавший мастерство сатирика в изображении диалектики обманного, праздного слова, лишённого живого смысла и способного тиранить людей.

Работы Покусаева посвящены также истории русской литературной критики и журналистики XIX века. Его книга о Чернышевском за короткий срок выдержала пять изданий. По инициативе Покусаева и под его редакцией регулярно выходили в свет межвузовские сборники, посвященные Чернышевскому и его эпохе, закрепившие за Саратовским университетом авторитет крупнейшего центра по исследованию наследия писателей-«шестидесятников».

Покусаев (скажу на правах одного из многочисленных и благодарных его учеников) снискал себе славу талантливого и щедрого учителя, зажигательного университетского лектора, темпераментного оратора, остроумного и азартного полемиста, неформального общественного деятеля. В его присутствии оживало любое полусонное официальное собрание. Одним комически неожиданным взглядом и иронически простодушной репликой он способен был взорвать любую казенную и пресную церемонию.

Он был членом Союза писателей, членом редколлегии журналов «Филологические науки» (Москва) и «Волга» (Саратов), председателем диссертационного совета. По его инициативе в Саратове широкомасштабно отмечались литературные юбилеи Тургенева, Некрасова, А. Н. Островского, Достоевского.

К театру Евграф Иванович был особенно неравнодушен. Всячески поощрял творческие инициативы самодеятельного университетского студенческого коллектива под руководством Марка Зильбермана (впоследствии заслуженного деятеля искусств Чувашской АССР), ставившего в 1960-е годы «Дракона» Евгения Шварца, «Клопа» Владимира Маяковского, «Белую болезнь» Карела Чапека. Пристально занимался драматургией Гоголя и не пропускал случая посмотреть новые постановки его пьес. Увлеченно делился с учениками и коллегами яркими впечатлениями от спектаклей Г. А. Товстоногова. Добрые отношения связывали Покусаева и с бессменным руководителем легендарного в российской провинции Саратовского Театра юного зрителя, народным артистом СССР Ю. П. Киселёвым. Когда над нашим тюзом сгущались

очередные мрачные властные тучи, Покусаев, пользуясь своим авторитетом, воодушевленно и смело защищал театр. Так было, в частности, при очень трудной сдаче одного из первых на отечественной сцене мюзиклов – спектакля по мотивам фонвизинского «Недоросля» (1970 год). На саратовской сцене ставил его Леонид Эйдлин, а автором слов и музыки был запрещенный тогда Юлий Ким, вынужденный скрываться под псевдонимом Ю. Михайлов. Областные власти почуяли неладное. Устроили закрытый просмотр, за которым последовало закрытое же обсуждение увиденного. Премьера была под угрозой. Театр пригласил со своей стороны Покусаева. И Евграф Иванович сказал своё веское, доказательное, весело-озорное слово. Сказал так, что после него дрогнули, отступили чёткие ряды стражей идеологического порядка...

А. А. Лебедев знал Покусаева не понаслышке, часто с ним встречался и доверительно общался. Лучше кандидатуры для помощи Ю. П. Любимову сыскать было трудно...

Перед нами письмо А. А. Лебедева Е. И. Покусаеву:

Дорогой Евграф Иванович!

Есть такой в Москве «Театр на Таганке». Вы, конечно, слышали о нём. А может быть, и видели что-нибудь в этом театре. Театр этот «модный». Есть в его работах и элемент некоей внешней эффектности и некоего «шума», что ли. Но есть у этого театра и доброе, честное, искреннее. Что – редкость. Нынче, вслед за «Новым миром», театр этот переживает трудную пору.

Не так давно театр решил поставить «Что делать?» Чернышевского. Но Министерство культуры чего-то забоялось тут. Возникли трудности, препятствующие началу работы. (Думаю, впрочем, что дело тут вовсе не в Чернышевском). От театра потребовали рецензий специалистов на сценарий! Юрий Петрович Любимов – гл. режиссёр театра, по моему совету, решил обратиться по этому поводу к Вам. Думаю, что (если, естественно, сценическое решение романа не вызовет у Вас протеста, не оттолкнёт Вас) Вы сделаете доброе дело и очень поможете театру в критический для него момент, поддержав эту его работу.

Сценарий родился в недрах театра. Я же – со своей стороны – согласился консультировать постановку. Обращение к Вам в данном случае представляется мне вполне оправданным и по существу, и внешне (Саратов – центр «чернышевсковедения», Вы – руководитель этого центра). И титулы Ваши здесь необходимы.

Ну, вот и всё.

Положение у нас серьёзное. У меня лично ещё не так плохо. Только что прошла корректура 2-го издания моего Луначарского. С чем я связываю, в частности, и свои надежды писать Вам в будущем без

угрызения совести. Здоровы ли Вы? Ежели найдёте время – напишите мне несколько слов.

Кланяюсь Вам.

Ваш А. Лебедев

28. 02. 70.

Судя по всему, Е. И. Покусаев не замедлил с ответом и сразу же дал своё согласие на отзыв. Спустя две недели после письма Лебедева авиапочтой на бланке Московского театра драмы и комедии на Таганке пришла официальная бумага за подписью директора театра Николая Лукьяновича Дупака, датированная 10 марта 1970 года:

Уважаемый Евграф Иванович!

Обращаемся к Вам с большой просьбой. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина театр готовит спектакль «Рассказы о новых людях» по роману Н. Г. Чернышевского. Вам, вероятно, об этом писал А. А. Лебедев.

Нам бы очень хотелось знать Ваше мнение об этой пьесе. Ваши советы нам были бы очень полезны.

Просим прочитать пьесу и прислать нам Ваш отзыв.

С уважением

Директор театра Н. Дупак.

Заваленный массой комментаторских, диссертационных, журнально-рецензионных, кафедральных, учебных и других забот, мужественно преодолевая близко уже подступавшую к нему тяжёлую болезнь, Евграф Иванович с ответом, тем не менее, не замедлил. Спустя ещё три недели на письме Н. Л. Дупака рукой Покусаева сделана короткая приписка: «отпр.[авлен] отзыв 31.03. 1970».

Отзыв составлен так, что не оставляет официозным охранителям ни малейшего шанса на какие-либо претензии к инсценировке Ю. П. Любимова. Здесь и признание несомненных достоинств театральной версии романа Чернышевского, и заключение об абсолютной близости пафоса инсценировки и книги, и необходимые, марксистскими авторитетами освещенные цитатные заслоны, и другие оборонительно-наступательные спасительные пассажи. Рецензия призвана была отбить охоту у тех, кто методом изнурительных «придинок» и бдительных «прицепок» готов бы был утопить инсценировку и обязанный ей своей жизнью спектакль.

По сути, этот отзыв – апология любимовской инсценировки, высшая похвала из всех возможных в ситуации обращения к роману «Что делать?». Покусаев тонко почувствовал главную особенность вольного режиссерского почерка Ю. П. Любимова, проявившуюся, в том числе, и в

нехрестоматийном подходе к книге Чернышевского. В отзыве отчётливо говорится о так называемом принципе открытой игры. Он свойственен и Чернышевскому-романисту. Речь идет о неожиданном сближении известных повествовательных приёмов автора «Что делать?» с излюбленным любимовским способом сценического существования актера – художника и «человека из нашей жизни» в его эмоционально напряжённом и поразительно естественном общении со зрителем.

Отлично владея законами эзопова иносказания, Покусаев не отказывает себе и в удовольствии упредить «властные» реакции и мимоходом укорить самодовольно-невежественных и «ни бельмеса не смыслящих» в литературе и театре «оценщиков». Высказанные им и необходимые в таких случаях «замечания» носят отчётливо рекомендательный характер и выдержаны скорее в тоне комплиментарном: «допускаю, что сценическое воплощение... всё поставит на свои места и, возможно, не без эффекта».

Приводим полностью этот текст, сохранившийся и в рукописи, и в авторизованной машинописной версии:

О Т З Ы В

*о пьесе Ю. П. Любимова «Рассказы о новых людях
(об идиллиях, снах и реальностях по роману и другим
произведениям Н. Г. Чернышевского)»*

Нет нужды распространяться, сколь сложна творческая задача, за осуществление которой взялся автор новой драматической композиции по знаменитому роману Чернышевского. Сравнительно с предшествующими опытами в таком роде, насколько они мне известны, Ю. П. Любимов создал произведение, которое вплотную приблизилось к верной, образно-выразительной передаче пафоса «Что делать?» – пафоса общественно-социального, нравственно-психологического, идейно-философского. Покоряющая сила романа Чернышевского заключалась в том, что он убеждал в истинности, красоте и величии нового, передового в жизни; отвечал на самый главный вопрос эпохи: что делать людям, ненавидящим старое, не желающим жить по-старому, стремящимся укоренить в жизни идеалы социалистического будущего. Именно с этой стороны воспринимался роман властителями дум русской марксистской интеллигенции (Г. В. Плеханов: «...кто не становился под его влиянием чище, лучше, бодрее, смелее?.. не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и склонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее. «И доверенность великую К бескорыстному труду». В. И. Ленин: «Он меня всего глубоко

перепыхал... Это вещь, которая даёт заряд на всю жизнь»). Литературные достоинства предложенных для театральной постановки «Рассказов о новых людях» несомненны. Драматическое повествование Ю. П. Любимова, в пределах возможностей избранной формы, включило все существенные сюжетные линии романа: освобождение из домашнего плена, трактованное как история борьбы русской женщины за свободу личности своей, за социальное равноправие; привлекательный мир новых человеческих отношений (Лопухов – Вера Павловна – Кирсанов); революционно-рахметовская сфера. Удачно трансформировалась в пьесе необычная композиция «Что делать?» (до романа Чернышевского в русской литературе не было, на мой взгляд, произведений столь сложно построенных), воссозданы главные композиционные пласты: «четыре пояса» (Луначарский) – «пошлые люди», «новые люди», «высшие люди» и «сны». Без нарочитости вошло в пьесу и всё то, что составляло специфику жанровой структуры романа: «воспроизведение жизни» в контрастных картинах «грязного», «злого» дворянско-буржуазного мира и светлого мира новых людей сопровождается открытым авторским «объяснением» того и другого. Как и в романе, в пьесе Ю. П. Любимова оно не скудно-назидательно. Это «объяснение» разнообразится ярким обличительным или призывным публицистическим словом, язвительным спором автора с «рабами» рутины («проницательный зритель» – собирательный тип реакционного обывателя, глупого, невежественного, самодовольного, назойливо берущегося рассуждать о вещах, в которых «ни бельмеса не смыслит...»), поражающим воображение широтой познаний и глубиной мысли, философским обобщением событий, процессов вековой истории человечества и т.д. В рецензируемой пьесе продемонстрировано искусство «монтажа», если последний понимать как ёмкий, подлинно творческий, целеустремлённый принцип компоновки художественного материала. С тактом и образной чуткостью использованы, кажется, все потенциально-драматургические возможности романа – диалоги; острые повороты действия; конфликтные ситуации; психологические, душевные напряжения; «сновидения» как романтические полёты мечты, как «заглядывания» в прошлое или в историческое завтра; образ повествователя, который получил в романе Чернышевского, как известно, некоторую композиционную (и сюжетную) автономию; и многое другое. Принцип «монтажа» распространён и последовательно проведен и в языковой ткани произведения. Кажется невероятным, но Ю. П. Любимов действительно обошёл в пьесе стилистикой и речью романиста Чернышевского, языком персонажей

«Что делать?», словом документального источника – административного, мемуарного, либо какого другого.

Что касается критических замечаний, то они сводятся к следующим немногим пунктам.

1. Несколько выпадает из концепции и стиля этой сценической композиции её финал. В настоящем своём виде он словно бы из другой пьесы. Я имею в виду конкретное литературное решение заключительной части. В романе есть автобиографический материал. Включает его образ повествователя, «я» романа. Некоторые сцены (напр., пикника) и главы («Перемены декораций») буквально прослоены «биографизмами». Так что у автора пьесы были основания завершить её тем или иным эпизодом (эпизодами) из реальной жизни Чернышевского. Но в таком случае финал должен быть исподволь подготовлен. Ведь логика повествования и в романе, и в пьесе ведёт и к финалу, условно говоря, «романическому», «литературному» (известно, что Чернышевский – узник Петропавловской крепости верил в революционный взрыв в недалёком будущем), и к финалу, так сказать, реально-историческому – судебной расправе над Чернышевским. Поколения читателей «Что делать?» имели в виду, держали в памяти своей и тот и другой аспекты окончания истории жизни новых людей. Вовсе не бесспорен вопрос, какой из этих аспектов и для революционного поколения Ленина и в настоящее время наиболее актуален.

2. В пьесе (в её настоящем виде) комментируют происходящее многие «голоса», многие эпизодические лица, порой индивидуально неразличимые, на мгновение появляющиеся. Невольно возникает желание что-то здесь прокорректировать. Впрочем, допускаю, что сценическое воплощение этого литературного ряда всё поставит на свои места и, возможно, не без эффекта.

В целом же драматургия «Рассказов о новых людях» Ю. П. Любимова добротна литературно, идейно, сценически.

*Доктор филологических наук,
профессор Саратовского университета
31 марта 1970
Саратов*

Е. И. Покусаев

Спектакль Ю. П. Любимова состоялся. Премьеру успешно сыграли 18 сентября 1970 года. Сегодня в интернете доступна его аудиоверсия. В «Рассказах о новых людях» заняты Леонид Филатов (Автор), Зинаида Славина (Вера Павловна Розальская), Инна Ульянова (Мария Алексеевна Розальская), Валерий Золотухин (Лопухов), Дальвин Щербаков (Кирсанов), Александр Трофимов (Рахметов), Нина Шацкая (Невеста всех

невест) и многие другие. На сцене воссоздан был амфитеатр длинных студенческих скамей с высокими спинками. Театр словно бы представлял собой одну большую лекционную аудиторию. Сценическое оформление (художник Давид Боровский) органично объединяло сцену и зрительный зал, выявляя много неожиданных постановочных возможностей для аллюзионного звучания романа Чернышевского...

И наконец, документ, завершающий наш рассказ: письмо Ю. П. Любимова Е. И. Покусаеву (без даты, на фирменном бланке Театра на Таганке):

Дорогой Евграф Иванович!

Я бесконечно тронут Вашим тёплым отзывом.

Весь Ваш интересный и тонкий разбор очень помог нам в работе.

С глубоким, искренним уважением – Ю. Любимов

P.S. Прошу извинить меня, я был очень задёрган трудными обстоятельствами по работе.

Диалог Е. И. Покусаева и Ю. П. Любимова – одно из свидетельств деятельного солидарного сопротивления, которое люди науки и искусства, по-настоящему совестливые и честные, исподволь оказывали душным обстоятельствам нашей общественно-культурной жизни.

Е. В. Бессчетнова

«НОВЫЕ ЛЮДИ» В РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО. ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

У романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» необычная судьба: в нем большинство радикально настроенных современников Чернышевского, прочитав роман на свой лад, увидели призыв к грядущей революции, призыв к крушению старых кумиров. Позже они действительно отправились громить и сжигать. Но об этом ли писал сам Чернышевский? Конечно, нет. «Что делать» – это роман о новых людях, обыкновенных порядочных людях нового поколения, в которых нет ничего удивительного и особенного. Особенный человек – это Рахметов, который отнюдь не революционер, не ненавистник старых порядков, а напротив, носитель христианских идеалов, христианский сподвижник, и как об этом писал архимандрит Феодор (Бухарев), он «соль земли». Да, он новатор в том смысле как новатором был Лютер и сам Чернышевский. Рационалист Рахметов встраивает в новую систему координат христианские ценности, он проповедует их в век позитивизма на

понятном для «новых людей» языке. Неслучайно именно Рахметову Лопухов поручает передать Вере Павловне прощальное письмо. Вспомним, какие аргументы он использует, чтобы убедить героиню не бросать мастерскую: «Вот уж за вами два великих преступления: безжалостность и деспотизм. Но третье еще более тяжелое. Учреждение, которое более или менее хорошо соответствовало здравым идеям об устройстве быта <...> это учреждение вы подвергали риску погибнуть, обратиться из доказательства практичности в свидетельство неприменимости, нелепости ваших убеждений, средством для опровержения идей, благотворных для человечества; вы подавали аргумент против святых ваших принципов защитникам мрака и зла. Теперь, я не говорю уже о том, что вы разрушали благосостояние пятидесяти человек – что значит пятьдесят человек! – вы вредили делу человечества, делу прогресса. Это, Вера Павловна, то, что на церковном языке называется грехом против Духа Святого, грехом, о котором говорится, что всякий другой грех может быть отпущен человеку, но этот – никак и никогда» (279-280)¹.

Именно таких людей, как Рахметов, Чернышевский называет «особенными» людьми, которых всегда единицы. А вот «новые люди» (Вера Павловна, Лопухов и Кирсанов) просто хорошие, образованные и деятельные люди. В романе автор описывает их следующим образом: «Каждый из них – человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона их свойств; с другой стороны, каждый из них человек безукоризненной честности, такой, что даже и не приходит в голову вопрос: «Можно ли положиться на этого человека, безусловно?» Это ясно, как то, что он дышит грудью; пока дышит эта грудь, она горяча и неизменна, – смело кладите на неё свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общие черты так резки, что за ними сглаживаются все личные особенности» (290).

Ответ на вопрос «Что делать?» для них очевиден. Прежде всего, делать себя, работать над своим развитием (читать, думать, учить иностранные языки, учиться вести диалог, спорить и соглашаться), а потом делать нечто, иметь свое особенное дело и строить правильные отношения с людьми окружающими, быть человеком, который сам строит свою жизнь, работает сам для приближения «Золотого века», как заповедует богиня в 4-м сне Веры Павловны: «Ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из

будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести» (349).

Новые люди Чернышевского – это люди деятельных перемен, которые, развивая себя, преобразуют окружающий мир. Они появляются, когда начинает дуть даже еще слабый ветер свободы, когда появляется платформа для развития. Познание и собственное дело становятся для них основой жизни, а любовь к себе, к окружающим людям, осознание того, что прекрасное – есть жизнь, широта дерзаний и смелость поступков – главными качествами новых людей. Чернышевский писал о молодых людях своего времени, но что поразительно, черты героев романа есть и в наших современниках. Да, их по-прежнему не тысячи и миллионы, а всего лишь сотни, но они есть. Если мы подробнее рассмотрим, каким делом занимаются герои романа, то убедимся, насколько они близки современным молодым людям.

Для своего времени роман Чернышевского был новаторским, он представил абсолютно новую форму хозяйства, новый вид деятельности – предпринимательство.

Итак, Вера Павловна, выйдя замуж за Лопухова, основывает свое дело, организует швейную мастерскую, становится предпринимателем. Её предприятие не просто инновационное (ведение дел организовано по-новому – по принципу коммуны, когда полученная прибыль контролируется и распределяется равными долями между работниками), но и направлено на решение конкретных социальных проблем. Вера Павловна организует мастерскую-квартиру, в которой девушки-работники могут жить со своими пожилыми родителями и малолетними братьями и сестрами, которые помогают по хозяйству. Жизнь в мастерской организована таким образом, что «вся компания живет твердою мыслью, что никто ни у кого не в обиде, никто никому не в убыток» (163). Каждый участник швейной становится частью одного большого организма. Это добровольное единство, где не устраняются индивидуальные особенности отдельного человека, а напротив, каждый чувствует себя личностью, приносящей что-то свое, особенное, в общее дело. Об этом на более глобальном уровне позже напишет Вл. С. Соловьёв, строя свой проект идеального общества. У философа речь пойдет не об объединении людей, а об объединении целых наций, но в основе точно также будут лежать христианские идеалы.

Скорее всего, идею мастерской-коммуны Чернышевский позаимствовал у представителей утопического социализма: Шарля Фурье и Роберта Оуэна. У Фурье подобные коммуны назывались фалангами, располагающимися в специальных дворцах-фаланстерах, которые были устроены примерно так же, как и мастерская Веры Павловны: центральная часть была отведена для отдыха и интеллектуального труда. Там же располагались столовые, гостиные, библиотеки и студии. В боковой части

здания размещались мастерские и прочие помещения для шумных видов деятельности, напротив было большое помещение, предназначенное под гостиницу с бальными залами и холлами для встреч с гостями. Отмечу, что по Фурье справедливое общество должно быть бесклассовым, гармоничным, состоящим из ассоциаций производителей (фаланг), занимающих определенные земельные участки, где производят продукцию и сами ее распределяют. Распределение и вознаграждение происходят соответственно трем основным способностям: труду, капиталу, таланту. Все три способности взаимозависимы, ибо без каждой из них не было бы качественного продукта, а соответственно прибыли. При этом хозяин капитала, будучи единственным, кто вкладывает то, что уже и так есть и само по себе ценно, и не требует дополнительных ресурсов (временных или физических), заинтересован в талантах и качественном выполнении труда и ради общего дела он готов сократить свою процентную ставку в пользу других. Тем самым, в отличие от капиталистического общества (строя цивилизации по Фурье), он вкладывает не в ассоциацию, где у него будет изначально просто больший процент от прибыли и для которой он будет, является отвлеченным участником, а в фалангу, участник которой непосредственно заинтересован в получении качественного продукта и большей прибыли. Кроме того, каждый член фаланги обычно относится к двум или даже к трем категориям, соответственно он получает свой доход из нескольких форм. Стоит отметить, что оплата труда отдельного члена фаланги различна в зависимости от общественной ценности, привлекательности и неприятности выполняемой им работы. У Чернышевского в «Что делать?» вознаграждение в соответствии с типом и сложностью работы – это первоначальный этап на пути к идеалу. Так, в мастерской Веры Павловны оплата труда для всех без исключения работниц мастерской одинакова, а главный акционер (Вера Павловна) первоначально отказывается от вознаграждения. В романе это описано следующим образом: «Труднее всего было развить понятие о том, что простые швеи должны все получать одинаковую долю из прибыли, хотя одни успевают зарабатывать больше жалованья, чем другие, что швеи, работающие успешнее других, уже достаточно вознаграждаются за успешность своей работы тем, что успевают зарабатывать больше платы» (171). Интересна фраза «успевают зарабатывать больше платы» – видимо, в мастерской не запрещали брать чаевые.

Фурье был убежден, что человек по природе своей чист и добродетелен, все пороки он приобретает вследствие негативного влияния на него общества: помести человека в более благоприятные условия, он изменится. Об этом же пишет и Чернышевский в главе романа «Второй сон Веры Павловны», рассуждая о свойствах «реальной грязи» и «грязи фантастической». Но все же пути решения проблемы у Чернышевского

иные, нежели чем у Фурье: если французский мыслитель ставку делает на изменение структуры общества и предлагает свой проект ассоциаций-фаланг, то Чернышевский говорит об изменении взгляда человека на самого себя, о необходимости для него деятельности и духовного развития. Чернышевский в своих дневниках саркастически отзывался о Фурье, которого он, скорее всего, упрекал за наивность и осознанную бездеятельность. Достаточно вспомнить, что Фурье, подготовив в теории свой проект, каждый день в определенное время безуспешно сидел и ждал жертвователей на строительство фаланстера. Он так и не смог при жизни организовать свой проект. Чернышевскому гораздо более импонировал Роберт Оуэн. Не случайно Лопухов был поклонником идей Оуэна, и в кабинете висел его портрет. Лопухов отчасти повторил судьбу английского мыслителя, который работал на фабрике, женился на дочери хозяина текстильной фабрики, стал ее совладельцем вместе с манчестерскими капиталистами, а затем и управляющим. Вспомним, что Лопухов после женитьбы на Вере Павловне долгое время работал в заводской конторе, где достаточно преуспел в делах. После своего «самоубийства», отъезда в Америку и своего «воскрешения» под именем Чарльз Бьюмонт он женится на Кате Полозовой, дочери хозяина завода, который намеревалась купить английская компания, где работал герой. Кроме того, уверенность Веры Павловны, что забота о наемных рабочих вполне совпадает с интересами работодателя, – это влияние Оуэна. Английский философ выработал систему «патроната», доказывая, что человек – это результат внешних окружающих его условий и воспитания: чем благоприятнее и лучше последние, тем более развивается и совершенствуется человек. Одновременно с этим меняется отношение работника к труду, который будет восприниматься не как нестерпимая повинность, а как любимое дело, что не может не отразиться на качестве работы предприятия. Вера Павловна такие условия в своей мастерской создала. Уже с первых же дней она стала приносить в мастерскую книги, установила порядок читать девушкам вслух, сначала по полчаса или часу, потом перерыв, потом снова чтение. Позже был организован лекторий. В романе об этом говорится следующим образом: «девушки стали так любознательны, а работа их шла так успешно, что они решили делать среди рабочего дня перед обедом, большой перерыв для слушания уроков» (174). В мастерской организовывались также и «корпоративы»: вечера, загородные прогулки, походы в театр.

Одной из главных целей Веры Павловны было создание организации, деятельность которой была бы сосредоточена не просто на производстве какого-либо продукта, а на решении конкретных социальных проблем. По сути своей мастерская давала возможность девушкам, находящимся в трудной жизненной ситуации, почувствовать себя полноценными членами общества, получить не просто работу по найму, а любимое дело. Проект

Веры Павловны развивался и расширялся: была открыта вторая мастерская и свой собственный магазин на Невском проспекте.

Сегодня в сфере, занимающейся инновационным развитием и поддержкой предпринимательства, существует понятие социального предпринимателя. Социальный предприниматель – это предприниматель, чья деятельность нацелена на смягчение или решение конкретных социальных проблем и характеризуется следующими основными признаками:

социальное воздействие (англ. social impact), то есть направленность на смягчение присутствующих в обществе социальных проблем;

инновационность – применение новых, ранее не использованных, уникальных подходов;

самоокупаемость и финансовая устойчивость – способность решать социальные проблемы из доходов, получаемых от собственной деятельности;

тиражируемость – распространение опыта или модели социального предприятия².

Всеми основными признаками социального предприятия абсолютно точно обладает и швейная мастерская Веры Павловны. Героиня романа, таким образом, стала первым социальным предпринимателем в русской культуре. Сегодня социальное предпринимательство занимает место в одном ряду с некоммерческими инициативами и благотворительностью. Проекты молодых предпринимателей до 35 лет, направленные на решение социальных проблем (это могут быть специализированные предприятия, обеспечивающие работой инвалидов и матерей с малолетними детьми, центры психологической и физической реабилитации детей и взрослых, мини-предприятия по сортировке мусора, фонды, выпускающие реабилитационное оборудование для пожилых, инвалидов, людей, перенесших серьёзную травму, и так далее), активно финансируются государственными венчурными фондами.

Вера Павловна – это один из типов «новых людей». При детальном рассмотрении деятельности других героев также можно отметить любопытные параллели с современным миром.

Обратимся к «делу» Александра Кирсанова. Он, закончив медицинский факультет, получил кафедру, благодаря тому, что Клод Бернар отозвался с уважением о его работах, студенты же говорили о Кирсанове, что с его поступлением в университет хороших профессоров стало гораздо больше. Медицинской практики у Кирсанова не было, и сам он утверждал, что бросил практическую медицину, но в то же время он часто бывал в госпитале: в романе об этом сказано так: «в гошпитале он бывал очень подолгу: выпадали дни, что он там и обедал, а иной раз и ночевал. Что же он там делал? Он говорил, что работает для науки, а не для больных: «Я не лечу, а только наблюдаю и делаю опыты». Студенты

подтверждали это, прибавляя, что ныне лечат дураки, потому что ныне лечить еще нельзя» (187). Таким образом, главное дело Кирсанова – прикладные исследования, то есть научные исследования, направленные на практическое решение технических и социальных проблем, которые после образовательных услуг составляют основную часть доходов современного университета.

Дмитрий Лопухов пошел по другому пути. После женитьбы он работал в заводской конторе. После своего «самоубийства» Лопухов уезжает в Америку, откуда возвращается под именем Charles Beaumont, агентом лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К^о, ведущей свои дела с Петербургом. Первым делом Бьюмонта в России была покупка завода Полозова по весьма выгодной цене. Таким образом, Лопухов стал представителем крупной инвестиционной корпорации, имеющей свои интересы в России.

Поразительно, как далеко вперед смотрел Чернышевский. В своем романе он описывал, казалось бы, на тот момент приближающееся будущее России. С отменой крепостного права повеяло свободой, появилась возможность русскому человеку самому строить свою собственную жизнь и жизнь своей страны, ни от кого не зависеть и самому себя делать. Но после Первой мировой войны и революции стало понятно, что такое будущее едва ли наступит. И вот сегодня мы вновь делаем ставку на «новых людей», self-made men, которые развивают себя сами, тем самым преображая мир вокруг.

Примечания

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы цитируемого издания: Чернышевский Н. Г. Что делать? СПб., 2014.

² Новый Бизнес. Социальное предпринимательство [Электронный ресурс] : портал / Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее». М., 2007–2016. URL: <http://www.nb-forum.ru/social> (дата обращения: 11.12.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

В. В. Смирнова

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛАСЬ ЛЮБОВЬ Н. Н. И АСИ? (ПО СТАТЬЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS» И ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»)

Повесть «Ася» стоит в ряду первых повестей И. С. Тургенева. Написанная в 1857 г., вместе с «Фаустом» (1856 г.), она непосредственно следует за романом «Рудин», развивая заявленную, но не развитую в нём психологическую и философскую стороны темы трагической любви, подготавливая многогранное звучание её в «Дворянском гнезде» (1859 г.).

Вскоре после публикации тургеневской повести появилась статья Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», которая до сих пор продолжает вызывать возражения литературоведов своим несоответствием писательскому замыслу. Поднимая на материале «Аси» важнейший для тогдашнего острого политического момента в жизни России, накануне крестьянской реформы, вопрос об исчерпанности исторической роли дворянства как источника прогрессивного развития страны и нации, Н. Г. Чернышевский делает тактические выводы о неизбежности и необходимости размежевания двух главных общественных сил – революционных демократов и демократически настроенных дворян-либералов.

На наш взгляд, статья «Русский человек на rendez-vous» не является по своему назначению и характеру литературно-критическим разбором (не случайно Н. Г. Чернышевский снабдил ее подзаголовком: «Размышления по прочтении повести г. Тургенева “Ася”»). Она – великолепный образец социальной публицистики и яркое доказательство литературоцентризма русского общественного сознания XIX века, когда на основе литературных образов и сюжетных ситуаций ведется обсуждение широкого круга важнейших политических, исторических, философских, юридических и даже экономических проблем. Думается, что по этой причине нет надобности опровергать трактовку Н. Г. Чернышевским образа Н. Н. и его поведения на rendez-vous с Асей, поскольку в идейной системе статьи она многогранно обоснована и развита с безупречной логикой. Но сама эта трактовка своим отчетливым полемическим несоответствием авторскому замыслу И.С. Тургенева побуждает нас взглянуть пристальней на непосредственную художественную данность его повести.

Тема любви определяет всю внутреннюю художественную структуру повести «Ася», в которой богатство красок и отточенность изобразительного и психологического рисунка поражают глубиной эмоционально-лирического подтекста, передающего таинственную и властную силу чувств, овладевающих героями и заражающих читателя. Не случайно такой тонкий ценитель литературного мастерства, как Д. В. Григорович, свой отзыв о повести И. С. Тургенева облекает не в логические категории, а, скорее, в импрессионистские: он просит И. И. Панаева написать автору: «...внутри у тебя цветёт фиалка»¹.

Внимание И. С. Тургенева непосредственно к стихии любви обуславливает особый аспект, в котором создаётся образ главного героя Н. Н. Образ этого героя является лирическим «я» повествования, с единством его художественной точки зрения, с преобладанием его восприятия происходящего. Этот образ – не объективный характер, не социальный тип. Писатель, прежде всего, показывает мир его чувств, его психологию, то, как зреют в нём те или иные ощущения, сменяют друг друга в неповторимых индивидуальных нюансах, в прихотливом взаимопереходе и сплетении.

Композиционно повесть поделена на главы, иногда очень короткие, которые передают, как постепенно и незаметно для самого Н. Н. захватывает его любовь. Проследим этот психологический процесс.

Первоначально душевное состояние героя характеризуется ясной и безмятежной гармонией с окружающим миром. В нём радостное молодое кипение жизни не пережидает через край, не нарушает равновесия здоровых сил в человеческом существе, которое И. С. Тургенев считал непременным условием (заданным от Природы) длительного полноценного счастья. Он весь открыт новым впечатлениям, он радостно устремляется им навстречу. Но характерна избирательность чувств и ощущений, которые приемлет его душа. «Природа действовала на меня чрезвычайно. Но я не любил так называемых её красот, необыкновенных гор, утёсов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала»². И природа как бы с чуткой готовностью отвечает его желаниям, охватывая его своей мирной, спокойной и прекрасной гармонией. Нежные, светлые, прозрачные тона, неторопливый ритм преобладают в описаниях ночного покоя городка З., виноградника вокруг жилища Гагиных, вида, открывающегося с холма. Природа как бы одушевляется и живёт в согласии с душевной жизнью героя. «Луна, казалось, пристально глядела [на городок] с чистого [здесь и далее подчёркнуто мной. – В. С.] неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый её светом; этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом <...> а воздух так и ластился к лицу, липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала». «Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших гранёных стаканах заблестело таинственным блеском» (7, 78). Даже ночная темнота здесь светла, даже таинственность не пугает, а греет душу скрытыми в ней красотой и счастьем.

Второй ряд впечатлений, к которому стремится душа героя, это – «лица, живые человеческие лица – речи людей, их движения, смех». Герой признаётся, что для него это главное, без чего он обойтись не может. «В толпе мне было всегда особенно легко и отранно; мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их – я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством» (7, 72). И вновь, как бы согласно ожиданиям и желаниям героя, складываются случайности жизни. В городе Л., на другом берегу Рейна, Н. Н. в толпе зрителей наблюдает студенческий коммерш. И опять – веселье, и счастье, и молодость царят вокруг. «Мне было весело смотреть на лица студентов, их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех – лучший смех на свете – всё это радостное кипение жизни, юной, свежей, этот порыв вперёд – куда бы то ни было, лишь бы вперёд, – это добродушное раздолье меня трогало

и поджигало. “Уж не пойти ли к ним?” – спрашивал я себя» (7, 74). И здесь «раздолье» – «добродушное», «кипение жизни» – «радостное», и безоглядный «порыв вперёд», свойственный молодости, ещё не нарушают равновесия бытия: так и должно быть с юными существами.

Дальнейшая встреча Н. Н. с Гагиными – здесь ещё одна случайность, которая пока увеличивает весёлое, молодое, спокойное счастье героя. Не случайно и у Гагина такое счастливое лицо, на которое «глядеть любо, точно оно греет вас или гладит <...> милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается» (7, 75). Лицо Аси видно не сразу: его верхнюю часть сначала закрывают поля соломенной шляпы. Потом Н. Н. улавливает что-то своё, особенное в складе её смугловатого круглого лица. Но пока ни эта её таинственность, ни странная порывистая подвижность не нарушают общего состояния спокойного гармонического счастья героя. Его беседа с новыми друзьями – «мирная и кроткая, как воздух, окружавший их», течёт в унисон с движением природного времени и состояния: «День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь» (7, 77).

Важным лейтмотивом этой первой встречи героя с Гагиными является музыка. Брат Аси, занимающийся живописью, причастный к искусству, делает тонкое замечание, что часто «вблизи иной вальс никуда не годится – пошлые, грубые звуки, – а в отдаленье, чудо! Так и шевелит в вас все романтические струны» (7, 77). Музыка по-прежнему звучит во время неторопливой тихой беседы героев, и звуки её кажутся «ещё слаще, ещё нежнее», когда в вечерних сумерках зажигаются огни в городе и над рекою. И когда Н. Н. возвращается от Гагиных, то примчавшиеся, словно на прощанье, звуки старинного ланнеровского вальса вновь заставляют задрожать все струны его сердца в ответ на те заискивающие напевы. Не случаен итог вечера: герой «пришёл в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредельных и бесконечных ожиданий» (7, 78). «Я был счастлив», – заключает Н. Н.

Как и когда возникает в нём любовь к Асе, как она, помимо его сознания, крепнет в нём и вдруг неудержимо захватывает всё его существо, разрушая прежнее спокойно-размеренное вбирание его душой жизненных впечатлений? И. С. Тургенев очень внимателен к этому процессу и передаёт его психологически глубоко, показывая индивидуальную особенность строя чувств героя. Нам представляется, что начало этой любви героя – во II главе, после первой встречи с Гагиными, когда сам Н. Н. подчёркивает своё состояние счастья. Но он сам не понимает, отчего счастлив; он ничего не желает и ни о чём не думает. Потом он назовёт тогдашнее своё состояние «смутным ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится. Звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё лю-

бит» (7, 102). Однако о том, что это спокойное безмятежное счастье будет нарушено, уже предуказывает сцена переправы героя через Рейн, которая, как мы считаем, имеет символическое значение. «Вы в лунный столб въехали, вы его разбили», – кричит Ася (7, 78). Н. Н. видит, как вокруг лодки чернеют и колышутся волны. И хотя потом, оглянувшись с берега, он увидел, что лунный столб опять «тянулся золотым мостом через всю реку», всё же он уже «разбил» естественную целостность природного явления, и «чёрные, колышущиеся волны» отражают будущие ожидающие его душевные волнения и бури. И действительно, уже на следующий день он чувствует досаду и неприязнь, когда Ася чудачится на «развалине»; его поражает в ней «что-то напряженное, не совсем естественное», хотя он невольно любит её красотой и грацией. Герой взволнован загадочностью Аси, странно удивлён быстрой сменой её настроений и всего её облика. Он тревожно подозревает Гагиных в притворстве, вспоминая намёки Гагина, что есть трудности в их возвращении в Россию, и замечает его какую-то «небратскую» снисходительность и нежность к Асе, задавая себе вопрос: «Полно, сестра ли она его?» (7, 85). Теперь – у него «странная тяжесть на сердце», его разбирает «непонятная ему досада»; теперь он ночами думает об Асе, и каждая глава заканчивается именно этими «думами». Образ Аси неотступно преследует его, и он уже не спит, как «дитя в колыбели»: «Я разделся, лёг и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтём на подушку, и снова думая об этой «капризной девочке с натянутым смехом...» Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине, – шептал я, – да; и она не сестра ему» (7, 85).

Потом гармония и безмятежность счастья, казалось бы, восстанавливаются. Герой узнаёт от Гагина историю Аси, незаконной дочери его отца и крепостной Татьяны. Здесь И. С. Тургенев вводит социальные мотивы, актуальные для русской литературы 1840–1850-х гг. – о девушке, рождённой и возросшей на скрещении двух противостоящих общественных миров – господского и крестьянского, о трагических диссонансах, которые вызваны этим противоестественным положением в молодой душе (достаточно вспомнить образ Любоньки Круциферской из романа А. И. Герцена «Кто виноват?»). Но социально окрашенное сочувствие гуманного дворянина к человеку, чьи естественные права нарушены крепостническими порядками, не является главным, определяющим отношение Н. Н. к Асе. Хотя в герое есть и это чувство, но оно неразрывно сливается с неведомой ещё ему самому любовью. «Мне стало очень жаль её; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку <...> Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала: не одной полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня; её душа мне нравилась» (7, 98).

Вся сцена беседы Аси и Н. Н. на винограднике (IX глава) пронизана лучезарными светлыми тонами; в ней – высшая гармония их душ, радость открытости друг другу, какого-то неземного узнавания и понимания друг друга, откровение внезапно открывшегося, возможного счастья. «Я глядел на неё, всю облитую солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами – небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском (7, 100).

И впервые здесь герой и героиня говорят не о себе по отдельности, а о «нас». «Если бы мы с вами были птицы, – как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы», – воскликнула Ася. «А крылья могут у нас вырасти, – возразил я <...> Есть чувства, которые поднимают нас от земли» (7, 101). Так в повести появляется психологическая метафора о влюбленных-птицах, о Любви, которая окрыляет человека и уносит его в сияющую высь от земли, от житейских сомнений и предрассудков. И вот, как бы готовясь к этому великому и прекрасному чувству, герой и героиня «летают», кружась «в тесной комнате под сладкие звуки Ланнера» (того самого вальса, который окутывал поэтической дымкой их первую встречу).

Для Аси этот танец – объяснение в любви, у неё уже «выросли крылья». В её облике воплощается сама властительная, прекрасная сила этого чувства. Ася меняется: «что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь её девический строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыхание, долго мерещились мне тёмные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживлённом лице, резво обвеянном кудрями» (7, 101).

Но, несмотря на радость и веселье этого дня («Мы веселились, как дети»), вернее даже в резком контрасте со светлым, нежным, лучезарным тоном его описания, в душе героя ночью, во время переправы через Рейн, растёт «тайное беспокойство на сердце». Описанию этого чувства, отражающегося в тревожном движении, охватившем саму природу, посвящена целая, хоть и небольшая, X глава. Автор композиционно подчёркивает важный перелом в душе героя – смятение, вызванное в нём окрепшей любовью к Асе. Здесь И. С. Тургенев вновь выступает мастером психологически насыщенного пейзажа. Ускоряется ритм повествования за счёт обилия глаголов движения: «... поднял глаза к небу – но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в этой тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звезды; тревожное оживление мне чудилось всюду – и тревога росла во мне самом». Звукопись – аллитерация и ассонанс – придают особую живую достоверность описанию охваченной внутренней тревогой природы: «Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчание воды за кормою меня раздражали, и свежее

дыхание волны не охлаждало меня». Даже пенье соловья не отзывается в смятенной душе героя идиллическим покоем – оно «заражает сладким ядом своих звуков» (7, 102). И новое чувство охватывает героя, чувство, совсем иное, чем при переправе через Рейн после первой встречи с Гагиными, не сладостное спокойное томление беспредметных и бесконечных ожиданий. В нём «зажглась жажда счастья», причём счастья, которое герой ещё не смеет называть по имени, а имя это действительно великое и грозное – Любовь – и её земное таинственное воплощение – в Асе. Именно с дум о ней начинается следующий этап развития чувства любви в Н. Н. Не спрашивая себя, влюблён ли он в Асю, не думая ни о будущем, ни даже о завтрашнем дне, но поглощённый новым ощущением пленительного света, которым озарился образ девушки, открытием стыдливо сквозящих в нём обаяний, герой бодро и радостно идёт к домику на винограднике. Но оказывается, вспыхнувшая в героине и уже загорающаяся в герое Любовь теперь, как накануне, не объединяет их в гармоническое, светлое, счастливое единство переживаний. Ася охвачена трагическим предчувствием неминуемой беды, которое принесёт ей любовь, для неё лучше смерть, чем это чувство, которое может сжечь её душу, если на него не отзовется душа любимого. «Помните, вы вчера говорили о крыльях?... Крылья у меня выросли – да лететь некуда», – говорит Ася, в сущности, признаваясь Н. Н. в любви. А он – словно не понимает: «Помилуйте <...> перед вами все пути открыты» (7, 105). В этой сцене Любовь не объединяет, а разобщает героев: «Она [Ася] оставалась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило в ней, чего я не понимал. Её взор часто останавливался на мне; сердце моё тихо сжималось под этим загадочным взором. Она казалась спокойною – а мне, глядя на неё, всё хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась. Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в её побледневших чертах, в её нерешительных, замедленных движениях – а ей почему-то казалось, что я не в духе» (7, 105).

Высший накал чувств в герое и героине не совпадает: когда Ася уже охвачена сумасшествием любви, Н. Н. только на пороге догадки. «Неужели она меня любит?» – этим вопросом заканчивается XII глава. И. С. Тургенев подчёркивает, что эта догадка разом взрывает внутреннее, неспешное, уравновешенное, светлое душевное состояние героя и поднимает в нём целый вихрь мучительных, сладостных и одновременно тревожных эмоций, стремлений, желаний и намерений. «Неужели она меня любит?» – так начинается XIII глава. И далее И. С. Тургенев показывает сложный психологический процесс: Любовь, великая и властная стихия, постепенно захватывает героя, подчиняет его душу даже помимо его сознания. Что-то странное, почти мистическое, похожее на наваждение совершается с человеком. Сознание может противиться этому завоеванию («Я не хотел заглядывать в самого себя»). Но оно

неотвратимо: «Я чувствовал, что её [Аси] образ, образ “девушки с натянутым смехом”, втеснился мне в душу, и что мне нескоро от него отделаться» (7, 106). Сам необычный в описании чувств глагол «втеснился» вносит в характер этого наваждения любви оттенок насильственного, но победительного захвата. И далее – «её образ меня преследовал <...> воспоминания об этом бледном лице, о развитых волосах на наклонённой шее, о лёгком прикосновении её головы к моей груди – жгли меня. “Ваша” – слышался мне её шёпот» (7, 115).

Здесь, нам кажется, проявляется особое универсальное автобиографическое начало, характерное для творчества И. С. Тургенева³, здесь даёт о себе знать отзвук странной, великой и непостижимой влюблённости писателя в Полину Виардо, с которой встреча уж состоялась в октябре 1843 года. Эта любовь одухотворяет всю его жизнь и творчество, и, как сразу же заметили близкие к И. С. Тургеневу люди, она похожа на некую колдовскую одержимость, зачарованность. Один из самых проникательных биографов И. С. Тургенева Б. К. Зайцев так определял «болезнь» этой любви: «...её [Полины Виардо] власть над ним безгранична. Он как бы в тихом заколдованном оцепенении. Его сердце может даже открыться другим. Но над всем бодрствуют черные, пожалуй, и действительно магнетические глаза Полины. Достаточно ей сказать так – и будет так. Уехав в Россию, по первому слову прилетит он в Париж, как бы в туманном лунатизме»⁴. Похожее состояние испытывает Н. Н. в «Асе»: «Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу – не мог, хотел ничего не делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова» (7, 106). Этот «полусон сознания» прерывается запиской от Аси, назначающей герою свидание и визитом её брата, которому она невольно открыла свою любовь. И вот Любовь, которая нашла на героиню «так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза», захватывает в свой вихрь окружающих, выбивает их жизни из привычной колеи спокойно-уравновешенного течения. Герои мечутся, совершая странные, не соответствующие нормам поведения их круга поступки: Гагин, в высшей степени «благоразумный человек», приходит к Н. Н., запинаясь, со смущённой улыбкой, «отбросив в сторону всякий стыд», сообщает ему о любви Аси, прямо спрашивает, нравится ли она ему, и мучится сомнением, переходящим в уверенность: «вы не женитесь на ней». Герои всё ещё пытаются «толковать хладнокровно», составляют «план» свидания Н. Н. с Асей и программируют поведение Гагина. Но тщетно и бессмысленно пытаться регламентировать Любовь. Это проявляется в той невообразимой сумятице чувств, мыслей, намерений героя, где досада, радость, смущение, порождённые любовью Аси, сменяют друг друга. «Голова у меня ходила кругом: Слишком много впечатлений в неё нахлынуло разом», – признаётся Н. Н., даже не пытаясь привести эти впе-

чтления в порядок, терзаясь от неизбежности в этом беспорядке найти скорое, почти мгновенное решение.

В герое разум, привычка к спокойной сдержанности ощущений, стремление к гармоническому равновесию эмоций складываются в особое отношение к жизни и людям. Вспомним, что с самого начала повести он говорит о том, что ему нравилось «наблюдать людей», хоть и кричать вместе с толпой «легко и отраднo», но в то же время «смотреть, как эти другие кричат» (7, 72); и далее – путешествуя по горам три дня, он отдал себя тихой игре случайностей, протекавших по душе впечатлений, которые неторопливо сменяясь, составили, наконец, одно общее чувство (7, 90). Именно само мироощущение, сам глубинный склад характера противятся в герое той горячке, безумству любви, которые охватили Асю. Он, пытаясь разобраться в своих чувствах и намерениях перед свиданием с ней, готов объяснить себе невозможность жениться её молодостью, воспитанием, социальным происхождением («предрассудками»). Но это не главное. Сама сокрушительная, грозная стремительность открывшейся вдруг возможности счастья ошеломила героя. Перед свиданием в нём нет твёрдой, холодной решимости, чувства в нём борются, заставляя его страдать: «А ещё четвертого дня в этой лодке, уносимый волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможным – и я колебался, я отталкивал, я должен был оттолкнуть его прочь... Его внезапность меня смущала» (7, 110). И далее во время встречи с Асей, после прерванного воспоминаниями о «долге» порыва самозабвенной страсти, Н. Н. осыпает «бедную, честную, искреннюю» девушку упрёками, среди которых – главный: «Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать» (7, 114).

Таким образом, можно сделать вывод, что поведение героя во время объяснения с Асей вовсе не противоречит его характеру, который обрисовался с самого начала повести. Трудно согласиться с Н. А. Некрасовым и в том, что тут проявляется неожиданная грубость «натуры Н. Н.». Здесь скорее – смятение, потерянности от бушующей в нём борьбы чувств: противоречие между жаждой счастья, любви и страхом перед ними и самой Асей, с её огненным сердцем, странными порывами. И, может быть, в герое опять проявляется глубинная автобиографическая черта психологии самого автора, И. С. Тургенева. В. Н. Топоров пишет, что «с ранних пор писатель невзлюбил “основы” – брак, семью, дом – и что детские и юношеские переживания в родительском доме отвратили его от таких “основ”». Тот же исследователь Тургенева, замечает, что в душе этого человека постоянно жила боязнь «жизни и счастья, боязнь самой счастливой любви»⁵.

Думается, что недостаточно глубокое проникновение в лирическую и метафизическую тему любви привели современного учёного – Л. М. Лотман к не совсем верному пониманию самой композиции

повести. Л. М. Лотман считает сцену объяснения героя с Асей кульминацией и мгновенной развязкой произведения⁶. Однако это можно сказать лишь о внешнем событийном его уровне. Что же касается внутреннего лирического сюжета, связанного с развитием темы любви, то писатель здесь вновь подчёркивает трагическое, не зависящее от героев, от человеческой воли и намерений, некое судьбоносное несовпадение наивысшего накала любви у Н. Н. и Аси. Ася, как мы уже подчёркивали, пережила и светлое гармоническое согласие душ, и муки предчувствия беды; Любовь опалила её своим грозным дыханием, предстала похожей на смерть. И в сцене свидания её последняя надежда гаснет: «Вчера, когда я плакала перед вами, если бы вы мне сказали одно только слово, одно только слово – я бы осталась» (7, 119). Действительно, здесь – развязка трагедии любви Аси. А вот Н. Н. именно здесь оказывается на краю пропасти, где бушует и властвует эта стихия. И он, вновь неожиданно для себя, бросается в эту пропасть. И вновь звучит в повести отмеченный нами лейтмотив полёта, окрыляющего воздействия на человека счастья Любви: «Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья». И вновь – восторгу чувств героя, уверенности в завтрашнем счастье вторит соловей: «мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье» (7, 117).

Эта удивительная по мастерству и глубине психологического анализа повесть богата лейтмотивными переключками деталей, контрастным повторением пространственно-временных точек действия, подчёркивающими перемены душевого состояния героя. В XIX главе вновь Н. Н. на улицах ночного городка. Но улицы уже не охвачены тихим романтическим покоем, как в начале повести. Неторопливая прогулка героя, пребывающего в безмятежной, греющей душу гармонии с окружающими домами, блестящими бледным золотом шпилем колокольни, с тоненькими свечками в окнах, с пахнущими сладко липами, с мелькающей таинственной тенью – всё это в начале. А теперь – безумный бег в поисках Аси по улицам, где глаза не видят ничего, по берегу Рейна, тревожная тень у креста утопленника. Внешняя детализация сокращена в этой главе и уступает место лихорадочному рассказу о новом чувстве, которое вдруг охватило героя при угрозе потерять Асю навсегда. «Уже не досада грызла меня, и не один страх я чувствовал, раскаяние, сожаление самое жгучее, любовь – да! Самую нежную любовь. Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигающейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю». В XIX и XX подглавках – кульминация любви героя. Но страстное чувство слишком поздно охватывает героя, и в грозной таинственной стихии Любви счастьем выпадают лишь мгновения. А надежды на завтрашнее счастье трагически бессмысленны, вечная разлука предрешена Злым гением, судьбой. В последних XXI и XXII главах наступает развязка для героя, развязка, надрывающая

душу в далёком молодом его прошлом и тлеющая жгучей, тоскливой сердечной болью в безотрадно дрящемся настоящем одинокого бессемейного бобыля.

XXII глава, её финал, исполняет роль эпилога. В нём – тщетность человеческих надежд на повторение жгучей, нежной, глубокой, юной любви, вспыхнувшей на мгновение и исчезнувшей таинственно вместе с любимой. Здесь, казалось бы, первоначальное равновесие и неспешное течение жизни вновь возвращено. Но в нём нет полнокровной радости бытия, и жизнь здесь – ровное и неумолимое угасание.

В эпилоге благоуханная тургеневская проза расцветает поэзией. Перед нами, в сущности, стихотворение в прозе, по мотивам и образам, по общему элегическому тону воспоминаний о прошедшей молодости, счастье, любви соотносимое с поздним – «Как хороши, как свежи были розы...». Ритм в данном отрывке возникает из обилия инверсий, повторов, противопоставлений, риторических вопросов, образных и смысловых лейтмотивов, вновь возникших, объединяющих весь текст повести: «высохший цветок гераниума», «крылатые надежды и стремления». Сама Любовь здесь отрывается от земли и уходит в вечность.

Примечания

¹ Панаев И. И. Письмо И. С. Тургеневу от 10 января 1858 г. // Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы, 1847–1861. М. ; Л., 1930. С. 100.

² Тургенев И. С. Ася // И. С. Тургенев. Полн. собр. соч.: в 28 т. Соч.: в 15 т. М. ; Л., 1964. Т. 7. С. 71. Далее Тургенев цитируется по этому изданию с указанием в тексте в скобках тома и страницы.

³ Топоров В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М., 1998. 192 с. (Чтения по истории и теории культуры ; вып. 20).

⁴ Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. М., 1994. С. 326.

⁵ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 75.

⁶ Лотман Л. М. Примечания к повести И. С. Тургенева «Ася» // И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. : в 28 т. Соч. : в 15 т. М. ; Л., 1964. Т. 7. С. 424.

С. Ф. Мартынович

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ В «НРАВСТВЕННЫХ НАУКАХ» (В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ)

Исследование природы социальных и гуманитарных наук актуально и сегодня, что становится очевидным при их соотнесении с естествознанием, логикой и математикой, интерпретация специфики которых диверсифицирована. Н. Г. Чернышевский осмыслял природу «нравственных наук» с позиций антропологизма, что имело существенное

значение в конкретных социально-исторических условиях. Прояснение исторического формирования содержания этого подхода в контексте традиции философии составляет задачу статьи.

Смысл антропологизма как принципа философии уточняется в его соотношении с такими принципами, как натурализм и психологизм. В контексте натурализма природа осмыслена как универсальный объяснительный принцип, не нуждающийся в постулировании сверхприродной реальности. При этом «природа» остаётся предметом разнообразных интерпретаций. Реализация эвристического потенциала натурализма, к примеру в социологии, ведет к диверсификации натуралистических версий объяснения социальных явлений и процессов. Натуралистические версии объяснения морали апеллируют к их обусловленности явлениями живой природы или психическими процессами.

Психологизм может быть осмыслен как версия натурализма и антропологизма при определённых истолкованиях соотношения природы, человека и психики. В контексте психологизма психика осмыслена как универсальный объяснительный принцип продуктов человеческой активности. Психологизм, например в логике, предполагает утверждение психической определённости законов логики. Здесь логическое бытие осмысляется как продукт психического процесса. Законы логики интерпретируются как законы психической деятельности. Психические процессы ассоциации и диссоциации мыслей истолковываются как основание логических отношений между высказываниями. В контексте ассоциативной психологии логические отношения объясняются ассоциациями субъективных представлений. Это сделало проблемным объяснение intersubjectивности логических отношений. Поэтому антропологизм, натурализм и психологизм функционируют в качестве моментов развития философской мысли.

Антропологический принцип в философии формировался исторически. Многие философы внесли свой вклад в этот важный процесс.

И. Кант полагал, что философия, отвечая на три основных вопроса (что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться?), подходит к вопросу «Что такое человек?» Антропология как систематическое учение о человеке осмыслена как реализация физиологической и прагматической точек зрения. В контексте первой исследуется то, что делает из человека природа. В контексте второй исследуется то, что человек как свободно действующее существо делает, может, должен делать из себя сам.

И. Кант осмыслял антропологию с прагматической точки зрения¹. Исходя из учения о трёх основных способностях души (познание, чувство удовольствия, способность желания), он анализирует характер личности,

пола, народа, расы, рода. Это гармонично вписано в контекст его философии трансцендентальной субъективности.

Характер как образ мыслей определяется как свойство воли, «посредством которого субъект связывает своё поведение с определёнными практическими принципами, которые он собственным разумом предписывает себе как нечто неизменное»². В решимости действовать в соответствии с правилами усматривается суть характера, способности самоопределения человека в своей деятельности. «Здесь дело не в том, что сделала из человека природа, а в том, что он сам из себя сделал»³.

Характер человеческого рода в целом усмотрен в том, что он есть множество взаимно мирно сосуществующих и противодействующих друг другу лиц. Они чувствуют себя предназначенными природой «пребывать посредством взаимного принуждения под властью ими же самими принятых законов коалиции...»⁴. Последняя движется к созданию всемирно-гражданского общества, идея которого понимается как регулятивный (не конститутивный) принцип.

Своеобразие идеализаций универсума философствования — опыта бытия человека в мире, предпринятых в различных способах философского исследования, или их внутренние противоречия обусловили поиск иных методов мышления. Немецкий философ Л. Фейербах разрабатывал принципы антропологического философствования в ситуации общего перехода: от философии тождества к философии различия, от философии абсолютной субъективности к философии интересубъективности.

В противоположность принципу тождества, реализуемому в первом томе своей «Истории философии», немецкий философ выдвинул «принцип различия, индивидуальности, чувственности, но выдвинул номиналистически, абстрактно, выразил не в чувственных формах и даже вразрез с ними»⁵. Перейдя от рассмотрения соотношения бытия и мышления с позиций принципа тождества к рассмотрению их соотношения с позиций принципа различия, Л. Фейербах вводит понятие антропологической истины, которая соотносится с непосредственной очевидностью. Он полагал, что человека можно убедить в истине лишь в том случае, если превратить ее из мысленной, умозрительной сущности (*ens rationis*) «в сущность, подобную человеку, в чувственную сущность»⁶. Подчеркивая противоречивый, развивающийся посредством разрешения противоречий характер философии, он показывал соотносительность теории и практики во времени.

Эволюция философского творчества Л. Фейербаха шла в направлении от абстрактного понимания тождества мышления и бытия к антропологическому пониманию соотношения бытия и мышления. Говоря о себе во втором лице, он отмечал завершающий этап эволюции своего

мышления: «Прежде ты думал, а также и высказывал, хотя не формально, не словесно, а фактически: истинное должно быть наличным, действительным, чувственным, наглядным, человеческим; теперь ты вполне последовательно выражаешься обратным способом: только действительное, чувственное, человеческое есть истинное»⁷. Чувственный, конкретный способ созерцания и изложения Фейербах сделал универсальным методом философствования. Даже в области истории философии он «абстрактное связывал с конкретным, нечувственное с чувственным, логическое с антропологическим»⁸. В контексте так понимаемого антропологического философствования конкретным становится понятие самоочевидного. Для человека самоочевиден человек и «непосредственно очевидно только бытие природы»⁹.

Подчеркивая возможную и действительную непоследовательность философских учений (можно признавать истинность чувственного в области естественнонаучной и все-таки отрицать ее в философской, можно одновременно быть и материалистом и спиритуалистом и т.п.), Фейербах отмечает, что он от естественнонаучной реальности чувственного пришел к его абсолютной реальности. Так антропологический способ философствования эксплицируется посредством понятия абсолютной реальности чувственного. В контексте антропологического метода мышления эмпиризм становится делом философии. Антропологизм понимался как преодоление разлада между абстрактным пониманием сущности разума, философии и действительной чувственной сущностью природы и человечества. Термины «действительная чувственная сущность природы» и «действительная чувственная сущность человечества» есть продукты антропологического философствования в трактовке Фейербаха, поскольку именно в контексте этой философии данные термины наделяются теоретическими значениями.

Переход на позиции антропологизма оценен Фейербахом как превращение философа в человека, а освобождение от установок философии тождества субъективно переживалось как окончательное «стряхивание» с себя философа. Вопрос о соотношении бытия и мышления приобрел человеческое звучание. Он стал вопросом о соотношении бытия и небытия человека, вопросом о соотношении бытия и мышления человека. Темы бытия и небытия людей, бытия и мышления людей становятся аутентичными темами философского поиска. Тем самым философский антропологизм теоретически воздал человеку человеческое. Посредством этого перехода традиционные темы метафизики (бытие, небытие, мышление, тождество, различие, равенство, справедливость...) стали темами философского человекознания, в контексте которого методологически обосновано утверждение: «я отрицаю отрицание человека, я утверждаю чувственное, истинное,

следовательно, неизбежно также политическое, социальное место человека...»¹⁰.

Антропологически понимая основу человеческого существования, философ показывает, что повреждения, зло в этой основе являются истоком болезней головы и сердца человечества. Поэтому познание должно быть нацелено непосредственно на познание и устранение этого основного зла, а личной задачей философа стало «основательное исследование и исцеление головных и сердечных болезней человечества»¹¹.

Антропологическое осмысление темы соотношения бытия и мышления ставило в центр философского интереса вопрос о сущности человека, о его практическом отношении к миру, о политическом и социальном месте в нем.

Антропологическая философия человека может развиваться как философия поступка. Единичный поступок – единство случайного и необходимого. «Моя способность к деятельности, взятая в целом, т. е. моя сущность, не исчерпывается в этом отдельном поступке; следовательно, данный поступок, взятый по отношению к целому, есть поступок не необходимый, а случайный. Но по своему содержанию, значению, сущности он необходим для меня как индивида, обладающего определенной сущностью»¹². Индивид как я есть не только определенный человек, но и человек вообще в определенном индивидуальном образе. Понятие человека вообще, родового человека, существующего во мне, выражается через качества совести, любви, уважения к другим людям, через сознание своих собственных границ.

Я как индивид, представляющий человека вообще, отношусь к миру практически и теоретически. Практическая точка зрения есть точка зрения жизни, при которой «я отношусь лишь как индивид или личность к объектам и субъектам или другим лицам помимо меня. Суть этих отношений составляет жизнь»¹³. В контексте практики личность является главной стороной отношения. В контексте теоретического отношения личность есть нечто побочное: «само мышление, на которое опирается наука, по своей природе есть абсолютное безразличие ко всякой индивидуальности»¹⁴.

Познаваемый предмет различно оценивается с практической и теоретической точки зрения. Практическое отношение к познаваемому предмету выявляет, чем предмет является для меня. Теоретическое отношение человека к познаваемому предмету обнаруживает, что есть предмет сам по себе. «Действуя практически, я субъективен, действуя теоретически — объективен. Мышление есть способность, принцип объективности в человеке»¹⁵. Как мыслящее существо, я не личное существо, а существо всеобщее, считает Фейербах. Однако понятие всеобщности разума корректируется в контексте антропологического

философствования, для которого непосредственность чувственности самоочевидна. Антропологический метод ищет чувственной данности мышления, находит ее в языке и понимает, что «все затруднения и тайны логоса, в смысле разума, находят разрешение в значении слова! Вот почему слова Гайма: “Критика разума должна превратиться в критику языка” – в теоретическом отношении кажутся мне столь близкими»¹⁶.

Антропологическая коррекция понятия личности приводит к открытию того, что «в ощущении я не менее всеобщ, чем в мышлении единичен. Согласованность в мышлении зиждется только на согласованности в ощущении. Разум один только там, где также одно сердце. Всякое человеческое общение основывается на предпосылке одинаковости ощущения у людей»¹⁷.

Антропологический метод является специфическим обоснованием лингвистического поворота в исследовании мышления, сознания, познания, науки, осознание значимости которого является принципом аналитического философствования, принципом аналитической философии языка.

Психофизиологическая и этическая абстракция человека, осуществленная в антропологизме Фейербаха, выводила на проблему познания социально–практической природы человека. Разработка идеи практической природы человека и общества, истории, культуры и науки осуществляется в контексте практической интерпретации антропологического философствования Фейербаха.

Философ развил проект гуманистической философии будущего, в котором материя является субстанцией человека, наделённого телом и мыслящей головой. В традиции философии, реализующей стратегию мышления бытия, должно осознать, аргументирует Фейербах, что бытие есть субъект, а мышление есть предикат. Мышление как единственный инструмент философии осмысливается немецким философом как несамодостаточное, обусловленное бытием человека. Человек же, определённый как единственный, универсальный и высший предмет философии, понимается абстрактно, как психофизиологическое единство, целостность.

Поступки человека мыслятся Л. Фейербахом как обусловленные его стремлением к счастью. Общение же, интерсубъективные коммуникации индивидов, воспроизводимые отношения трактуются как всеобщие и необходимые условия достижения счастья. Интерсубъективные отношения «Я и Ты», определяемые чувством любви, интерпретируются как родовая сущность человека, его природа. Но если сущность человека не есть абстракт, свойственный отдельному индивиду, то в чём она состоит? Сводится ли она к определённому чувству, возникающему между «Я и Ты»? Возможно, она есть ансамбль всех общественных

отношений? Если так, то она социальна. В этом контексте возникает проблема понимания взаимосвязи человека и общества.

Н. Г. Чернышевский конкретизировал антропологическую установку в философии. «Антропологический принцип в философии»¹⁸ – его оригинальное произведение. Оно впервые опубликовано в журнале «Современник» (1860 год, № 4, 5). Практическая деятельность, жизнь человека представлена в контексте реальных социальных условий. Это предполагало осмысление генезиса и функционирования философских учений в связи с социально-политическими условиями и предпочтениями их творцов. Автор исходит из того, что политические, философские теории создавались всегда под влиянием определённого общественного положения. Каждый философ был представителем какой-либо политической партии, борющейся за преобладание над обществом, к которому он принадлежал.

Мыслители, исследовавшие политический опыт отношения человека к миру, совершенно определённо выражали свой политический выбор. «Гоббс был абсолютист, Локк был виг, Мильтон – республиканец, Монтескьё – либерал в английском вкусе, Руссо – революционный демократ, Бентам – просто демократ...»¹⁹.

Философы, строившие метафизические системы, также связаны с политическим выбором. Кант принадлежал к партии, которая хотела вводить в Германии свободу революционным путем, избегая террористических средств. Фихте не боится и террористических средств. Шеллинг – представитель партии, запуганной революцией, которая желала восстановить в Германии феодальное государство. Гегель – умеренный либерал, консервативный в своих выводах. По мнению Чернышевского, «их философские системы насквозь проникнуты духом тех политических партий, к которым принадлежали авторы систем»²⁰.

Следовательно, философы писали, пишут и, вероятно, будут писать свои системы под влиянием политических убеждений. Человек с развитой головой сильно интересуется политическими событиями. Любой человек, достигший умственной самостоятельности, имеет политические убеждения. Он судит обо всём в соответствии с ними. Это относится и к философу.

Н. Г. Чернышевский осмысляет человека в его целостности, как целостное существо. Преодолевая абстрактное толкование человека, русский мыслитель представил взаимосвязь личных и общественных интересов посредством принципа разумного эгоизма. Он предлагает концепцию разумного эгоизма для осмысления проблемы отношения человека и общества. Систематическая ориентация на разумный эгоизм должна обеспечить гармоничное сочетание, единство личных и общественных интересов.

Антропологический принцип в «нравственных науках» состоит в том, что человека следует понимать как одно существо, имеющее одну натуру. Согласно этому принципу, человеческая жизнь есть целое²¹. Из онтологического смысла данного тезиса следуют определённые методологические установки. Каждую сторону человеческой деятельности нужно рассматривать или как деятельность всего организма, или (если она оказывается функцией особенного органа) рассматривать орган в его натуральной связи со всем организмом.

«Антропология – это такая наука, которая о какой бы части жизненного человеческого процесса ни говорила, всегда помнит, что весь этот процесс и каждая часть его происходит в человеческом организме, что этот организм служит материалом, производящим рассматриваемые ею феномены, что качества феноменов обуславливаются свойствами материала, а законы, по которым возникают феномены, есть только особенные частные случаи действия законов природы»²².

Антропологизм как тип философского мышления получает конкретизацию посредством восприятия понимания сложности и парадоксальности природы человека, его эволюции. Физиологические, психологические, социальные, культурные, моральные и духовные, исторические аспекты его бытия являются основаниями для переосмысления статуса антропологического принципа в «нравственных науках», в социальных и гуманитарных науках современности.

Н. Г. Чернышевский, осмысляя в конкретных социально-исторических условиях природу «нравственных наук» с позиций антропологизма, актуализировал ценность установок формирующейся философии интерсубъективности. Идея несамодостаточности, неавтономности мышления человека, его обусловленности бытием человека открывала новые возможности в процессе самоосмысления положения человека в мире.

Примечания

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 137-376; Перевод текста с оригинала (I. Kant. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht, 1798) на другие языки говорит о его значимости. См., например: Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view / Translated by Mary J. Gregor. Martinus Nijhoff. The Hague, 1974. P. I-XXVII, 210.

² Кант И. Указ. соч. С. 327-328.

³ Кант И. Указ. соч. С. 328.

⁴ Кант И. Указ. соч. С. 373-374.

⁵ Фейербах Л. История философии. Собрание произведений : в 3 т. М., 1967. Т. 1. С. 40.

⁶ Фейербах Л. Указ. соч. С. 37.

⁷ Фейербах Л. Указ. соч. С. 39.

⁸ Фейербах Л. Указ. соч. С. 39.

⁹ Фейербах Л. Указ. соч. С. 40.

- ¹⁰ Фейербах Л. Указ. соч. С. 44.
¹¹ Фейербах Л. Указ. соч. С. 44.
¹² *Фейербах Л.* История философии. Собрание произведений : в 3 т. М., 1967. Т. 2. С. 250-251.
¹³ Фейербах Л. Указ. соч. С. 252.
¹⁴ Фейербах Л. Указ. соч. С. 253.
¹⁵ Фейербах Л. Указ. соч. С. 254.
¹⁶ Фейербах Л. Указ. соч. С. 256.
¹⁷ Фейербах Л. Там же.
¹⁸ *Чернышевский Н. Г.* Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н. Г. Сочинения : в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 146-229.
¹⁹ Чернышевский Н. Г. Указ. соч. С. 147-148.
²⁰ Чернышевский Н. Г. Указ. соч. С. 148.
²¹ Чернышевский Н. Г. Указ. соч. С. 226-227.
²² Чернышевский Н. Г. Указ. соч. С. 228.

Н. Ю. Кравченко

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЕКЦИЯ ПРОБЛЕМЫ НОНКОНФОРМИЗМА ВО ВЗГЛЯДАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В современном российском дискурсе особое место отводится теме поиска точек роста для системной модернизации общества и построения гражданского общества. В качестве точек роста рассматриваются идеальные граждане или активисты¹. Поиски подобных людей актуализировали творческое наследие Н. Г. Чернышевского, социолог Я. А. Никифоров посвящает раздел монографии «Модернизация в социологическом дискурсе Н. Г. Чернышевского» «новым людям», героям романа «Что делать?», как агентам современной российской модернизации².

Конформисты и неконформисты существовали во все времена во всех обществах, но каждая историческая и социокультурная ситуация порождает новые формы этих явлений. Неконформисты играют роль двигателей прогресса, в этой связи главная опасность периода модернизации и реформирования – подавляющая масса конформных индивидов, сдерживающих любой прогресс. Русский социолог и теоретик народничества Н. К. Михайловский так определял людей, способных оказывать влияние на ход истории: «живая личность со всеми своими мыслями и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила ставит цели в Истории и двигает к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы, и исторических условий»³. Именно это обостряет актуальность темы конформизма и неконформизма. В этой статье нам бы хотелось сравнить неконформизм «новых людей», героев

романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», и нонконформизм информантов, участников наших исследований.

Согласно словарному определению конформизм – пассивное принятие индивидами существующего порядка вещей, господствующих мнений; поведение, управляемое группой⁴. Проблемам социального конформизма уделяли внимание Х. Аренда, Т. Адорно, Г. Маркузе, Р. Миллс, Д. Рисмен, У. Уайт, М. Хоркхаймер. Они разработали такие модификации конформизма, как «извне-ориентированная личность», «человек организации», «авторитарная личность». Нонконформизм – антоним конформизма – это несогласие, неприятие норм, ценностей, целей, доминирующих в данной группе, обществе⁵. Конформизм может проявиться на стадии адаптации, а нонконформизм на стадии индивидуализации.

При сравнении нонконформизма героев Чернышевского с нонконформизмом информантов авторского исследования необходимо учитывать некоторые методологические особенности. Мы разбираем эти явления на примере художественного образа, созданного Н. Г. Чернышевским, но художественный образ не может не опираться на реальность. Соотношение реального и идеального образа у Н. Г. Чернышевского представляет собой определенную идеализацию. Наши информанты – реальные люди, из присущих им черт характеров мы выводим «белых ворон» как некоторую форму идеализации, идеальные образы, представленные идеальными конструктами; категориально определяем их как «белых ворон» и эксплицитно рассматриваем как веберовский идеальный тип, что тоже представляет собой определенную условность.

Исследование гражданской идентичности саратовцев (2010–2013 гг.) проводилось методом Длинного стола в рамках работы Школы-студии Ильи Ефимовича Штейнберга⁶.

В качестве инструмента был выбран метод глубинного интервьюирования.

Ключевой вопрос глубинного интервью был сформулирован следующим образом: почему граждане РФ остаются гражданами формально «по паспорту», не практикуя гражданское поведение?

В качестве объекта исследования выступили граждане Российской Федерации, практикующие гражданское поведение, мы назвали наших информантов, следуя естественной этимологии проводников, которые нашли идеальных граждан для интервью, – «белые вороны».

Для проводников «белые вороны» необычны, в реальной ситуации индивиды выбирают гражданские или негражданские практики. От чего это зависит? Конституция и ее законы одинаковы для всех. Но в наше время государство по-разному выполняет свои обязанности по

отношению к разным категориям граждан. Несмотря на это, в одинаковых социальных средах (Милье) встречаются люди, которых окружающие считают идеальными гражданами. Это люди, которые ведут себя как идеальные граждане по определению. Они законопослушны, принимают участие в выборах, доверяют остальным гражданам и оказывают им помощь, например, материальные пожертвования на социальные проекты. Также эти люди не участвуют в коррупционных практиках: не дают и не берут взятки, откаты, служат в армии.

Для того чтобы выявить таких людей, мы просили проводников сказать, нет ли в их окружении абсолютно законопослушных знакомых, которые бы отстаивали по необходимости свои права. Если проводники вспоминали знакомых с такими характеристиками, они маркировали их эпитетами «сумасшедший», «ненормальный». По словам информантов, это дураки.

Чернышевский начинает свой роман с главы, названной им «Дурак». Описывается самоубийство героя, завязывается интрига романа. Оценка поступку героя дана обывателями, прохожими, людьми из гостиницы. ««Просто дурак» – сказал кто-то. На этом «просто дурак» сошлись все...»⁷. Непонятный, непробиваемый здравым смыслом поступок маркируется как нерациональный, то есть дурацкий. Это утверждение в первоначальном суждении претерпевает эволюцию к концу главы. Обыватели находят рациональное в поступке: «и вдруг все заговорили: на мосту – ловкая штука! Это чтобы, значит, не мучаться долго, коли не удастся хорошо выстрелить, – умно рассудил!...Теперь уж ровно ничего нельзя было разобрать, – и дурак, и умно»⁸. Как только они поняли, что самоубийца подстраховался от последствий возможного неудачного выстрела, упав в реку, он стал в их глазах умным. Интересно в этом моменте единодушные суждений, кто-то сказал «дурак» – и все согласились, и об умном поступке заговорили тоже «все разом».

Далее Н. Г. Чернышевский показывает, как в мещанской среде любое поведение, воспринимаемое как нерациональное, понимается как глупое, совершаемое по недомыслию, недоумию. Мещанство признает и оправдывает только целерациональное поведение, любое ценностно-рациональное действие, недоступное их пониманию, расценивается как глупое, дурацкое. После сцены оскорбления Верочки Сторешниковым следует его сватовство. Отказ Веры богатому жениху оценивается Марьей Алексеевной как дурость, она кричит, обращаясь к Верочке: «Подумай до вечера, одумайся, дура!»⁹. Затем она видит, что стратегия поведения дочери очень эффективна: жених все больше привязывается, дарит дорогие подарки, и Марья Алексеевна начинает думать о Верочке как о «тонкой интриганке», «хитрой штучке», что Верочкино поведение хитрое и умное. Очевидно, что окружающими поступки героев романа, основанные на внутреннем моральном кодексе, воспринимаются полярно

как дурачность или как умность. Как разумное благо эти поступки обыватели воспринять не могут.

У «новых людей» тип поведения инновационный, по Мертону это девиация. Это люди обыкновенные. Чернышевский в диалоге с «проницательным читателем» признается: «Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни. Что они делают выпаренного? Не делают подлостей, не трусят, имеют обыкновенные честные убеждения, стараются действовать по ним, и только – экое какое геройство на самом деле!»¹⁰.

Наши «белые вороны» тоже на баррикады не выходят, на первый взгляд, не делают ничего героического. Среди информантов – представители различных профессий: бармен, бизнесмены, водитель, врач, директор заповедника, политолог, преподаватель, студентка, судья, адвокат. Это такие же обыкновенные порядочные люди.

Мы не говорим о людях особенных: о Рахметове и об общественных активистах, так как это люди, отличные от других граждан, которые по особым мотивам начинают заниматься этой деятельностью. Эта тема отдельного исследования.

Одна из ключевых черт «белых ворон», отмечаемых проводниками, честность, которую они маркируют как «патологическую».

Честность «новых людей» Чернышевский показывает через безоговорочное доверие малознакомых лиц. Репутация честности высшей пробы. Г-жа Б., к которой Лопухов пытается устроить Верочку гувернанткой, просит его не удивляться, что она «при всей своей заботливости о детях» решила принять Верочку заочно, не видев ее прежде. Она объясняет свое решение: «я очень, очень хорошо знаю, из каких людей состоит ваш кружок. Я знаю, что если один из вас принимает такое дружеское участие в человеке, то этот человек должен быть редкой находкой для матери, желающей видеть свою дочь действительно хорошим человеком. Поэтому осмотр мне казался совершенно излишнею неделикатностью»¹¹.

Порядочность «белых ворон» описывается проводниками как эталон подобного поведения. Это проявляется в высокой степени доверия информантам проводниками. Сами информанты не афишируют свою порядочность, они говорят о ней только в контексте «трудно быть иным»: *«У нас очень трудно создавать, очень трудно быть ну: порядочным как бы это пафосно ни звучало в стране где каждый пытается друг друга обмануть»* (Судья).

«Белые вороны» чувствуют насколько сложно быть не таким как все, для этого им приходится противостоять социальному окружению. Появляется дискурс «своих» и «чужих»: *«Другие» «не учатся работать, а учатся получать деньги да на халяву»* (Судья).

У некоторых опускаются руки, они устают «быть не такими как все», появляются мысли об эмиграции: *«насколько я раньше был противником эмиграции, сейчас я единомоментно стал сторонником, лучше жить в Канаде. Работать на фабрике, получать стабильный доход, пускай я расстанусь со своими амбициями... У моих детей будет реально возможность что их оценят по знаниям [вздыхает] по трудолюбию а /здесь по хитрости, дружбе с царём я не знаю, чего угодно» (Судья).*

Моральные установки, привитые на первых этапах социализации, подкрепленные рациональным желанием выстроить «правильную карьеру» или «правильную в человеческом отношении» линию жизни наталкиваются на жесткий социальный контроль. Если информант отказывается от взяток, он вынужден оказывать сопротивление коллегам, которые доказывают, что «так положено», «принято» и нехорошо так отделяться от коллектива. То есть, быть законопослушным гражданином – идти против всех, это нонконформизм, базирующийся на моральных принципах и разумном эгоизме.

Лопухов, рассказывая Верочке о своем выборе профессии, проговаривает рациональные доводы, основанные на поисках личной выгоды. Но он отказывается от работы врачом, для работы на пользу другим, находя, что наслаждение такой работой лучшая выгода для него. Идея разумного эгоизма присуща и «белым воронам»: они доказывают, что честным быть выгодно, пример тому, водитель, который пошел в армию, чтобы был чистый военный билет, можно было делать политическую карьеру; врач, который не берет взяток, испытывает давление коллектива, но продвигается по служебной лестнице. Окружение, не видя рационального в поступке идти в армию, маркирует поступок как «дурацкий»; они считают, что их товарищ «сглупил», не «отмазавшись» от армии.

«Белые вороны» осознают, что они не такие как все. У «новых людей» есть программа действия, они знают что делать и для чего. Их полку прибывает, появляются новые «новые люди», у них «руки полны дела». Ключевые слова «новых людей»: «польза», «работа», «дело». Польза не только личная, но и общая. Работа, служение ради пользы других. «Добрые и сильные, честные и умеющие». У «белых ворон» – неопределенность, они не видят деятельностной программы, все очень узко и локально.

Как только они начинают размышлять о том, что должны делать граждане, чтобы их считали гражданами, в их речи видна хезитация. (Хотелось бы обратить внимание на количество пауз в речи информанта, их длительность в секундах указана в круглых скобках в цитатах.)

«Там еще защищать, защищать свои права. Защищать э: права других, если имеешь такую возможность. (5) то есть что-то делать такое вот полезное...» (Водитель).

«...гражданский долг должен быть в исполнении законов и а: в том числе как неизменная составляющая гражданского долга э: (3) какое-то участие в их реализации и: (4) в том числе подачи каких-то инициатив по усовершенствованию (2) включая там какое-то определенное участие в формах самоорганизации населения, например» (Водитель).

Это полезное очень неопределенно и локально. Эти герои не знают, в каких реальных практиках это нужно реализовывать.

Но, понимаемое ими как «полезное» конкретизируется предельно локально, проблемы организованы не вокруг реализации конституционных прав, они замыкаются в пределах пространства, понимаемого информантами как «мое», околичностное.

«... облагородить там свой участок около дома там, сделать э: детскую площадку там, поддерживать ее в: порядке ><То есть такие вот, вещи по поддержанию своего маленького мира, ну маленького в зависимости от э: человека» (Водитель).

«... активная жизненная позиция это значит что он не:< он не равнодушен то есть наверное вот > все все губит степень равнодушия то есть всем все по барабану, это же общая фраза» (Бизнесмен).

«Если человек неравнодушен «то это уже всё остальное определит мне кажется он не должен изъясняться в любви там родине и: это обычная псевдо любовь = мне кажется вот неравнодушие это уже ключевой вопрос >он тогда будет неравнодушен ни к чему< там не к проблеме лестничной площадки подъезда дома улицы города области» (Судья).

Заметим, что «идеальные граждане» готовы объединяться для того, чтобы навести порядок дома. Дальше выхода нет, они не понимают, как они могут влиять на жизнь в городе или стране.

Интересно, что немецкий социолог и философ, психоаналитик Эрих Фромм, называя в 1958 году американское общество одним из лучших когда-либо существовавших, одним из основных недостатков системы видит политическую пассивность граждан. Граждане предоставляют политикам заниматься своим профессиональным делом, снимая с себя ответственность за происходящее в стране и мире. В результате, гражданин имеет очень мало шансов оказать какое-либо влияние на учет собственного мнения в процессе принятия решения, что приводит по мнению Фромма к политической летаргии и глупости. Опасность Фромм видит в том, что обычный процесс заключается в обдумывании поступка и последующем действии, если человек не имеет возможности действовать, его мышление становится глупым¹².

Подобное положение Фромм объясняет особенностями капиталистической системы и общества потребления. Каждая эпоха форматирует свой тип граждан и своих «новых людей». Эрих Фромм расценивает состояние современной цивилизации как

предкатастрофическое. «Большие Надежды», возлагаемые на достижения техногенной цивилизации, не оправдались, а человечество оказалось на грани самоуничтожения. Фромм фиксирует, что экономическая система при капитализме руководствуется не интересами человека, а системными потребностями. В результате действия и развития системы мы получаем ее продукт – эгоистичный, себялюбивый и алчный. Именно такого индивида система порождает и именно такой индивид максимально адаптирован к этой системе. Фромм делает вывод, что черты характера, порожденные этой социоэкономической системой, то есть образом жизни, патогенны и в конечном счете формируют больную личность, а следовательно, и больное общество¹³.

Развивая свою мысль, Фромм начинает говорить о потребности в людях с принципиально другими основами характера, иными словами, о «новых людях». Именно появление «новых людей», по мнению Фромма, сможет помочь избежать глобальной катастрофы. Глубокие изменения в человеческом характере будут способствовать реализации гуманистических альтернатив. Различия в характерах людей и в типах социального характера Фромм объясняет преобладанием одного из двух основных способов существования человека — «обладания» либо «бытия». Если индивид живет по принципу «обладания», его отношение к миру выражается в стремлении сделать этот мир объектом владения, в стремлении превратить все и всех, в том числе самого себя, в свою собственность. Индивида, живущего по принципу «бытия», выделяет жизнелюбие и подлинная причастность к существующему. Либо другая форма «бытия», которая относится к истинной природе, истинной реальности личности или вещи. Общими признаками «обладания», с точки зрения Фромма, являются косность, стереотипность, поверхностность.

Фромм, характеризуя современное общество как общество потребления, выводит его основные ценности: потребление и получение прибыли. Природа «обладания» обусловлена природой частной собственности. Фромм различает два модуса: «обладания» и «бытия». Модус «бытия» определяется доминированием установки на приобретение собственности и неограниченным правом сохранять все приобретенное. При установке на «обладание» счастье состоит в ощущении превосходства над другими, во власти, в способности применять насилие.

Основной характеристикой модуса «бытия» полагается внутренняя активность, продуктивное использование собственных потенций. Такая активность реализуется, по Фромму, в проявлении всех собственных способностей, дарований, в заинтересованности миром, в преодолении рамок собственного изолированного «Я». Счастьем при установке на «бытие» являются любовь, забота о других, самопожертвование. В структуре «бытия» доминирует живой невыразимый опыт, живое и продуктивное мышление. Обе эти потенциальные возможности живут в

каждом человеке; доминирование одной из них зависит от социальной структуры, ее ценностей и норм.

Ориентация на «обладание» – характерная особенность западного индустриального общества, в котором главный смысл жизни состоит в погоне за деньгами, славой, властью.

Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?» противопоставляет героев, которые живут «по-новому» и «по-старому». Воспитывая Верочку, Марья Алексеевна говорит о жизни «по нынешнему заведению» и «по новому порядку». Старый порядок – это порядок людей живущих по принципу «иметь» – «старый порядок тот, чтобы обирать да обманывать», доказывает опыт Марьи Алексеевны¹⁴. «Новые люди», описываемые Чернышевским – это люди целеустремленные, идущие к своей цели, умеющие жертвовать своими интересами ради других людей, они живут по принципу «бытия». Фромм говорит о модусах «бытия» и «обладания», применительно к обществу потребления, но элементы этих модусов мы можем наблюдать в России в период становления индустриального капиталистического общества. Они распространены в определенных сословиях: купеческом, мещанском и т.д.

В этой связи хотелось бы уделить внимание характеру Веры Павловны. Если сравнивать ее поступки и образ жизни с ее современницами, основная задача которых успешно выйти замуж и жить на содержании у мужа, Вера Павловна представляется нонконформисткой. Не случайно в научном сообществе бытует устойчивое мнение, что наиболее детально проблема женского нонконформизма в XIX в. была разработана Н.Г. Чернышевским в его романе «Что делать?»¹⁵.

Но при более детальном рассмотрении нонконформизм Веры Павловны представляется относительным, и ее принадлежность к когорте «новых людей» оспариваема.

Мать Веры Павловны, типичный представитель индивидов, живущих по принципу «иметь», по Фромму, для этих людей характерно распространение собственнических чувств не только на вещи, но и на других людей, собственное «Я», идеи, убеждения и даже привычки. Данный способ существования формируется как результат социальной репрессивности по отношению сначала к ребенку, а затем ко взрослому человеку. Марья Алексеевна относится к Верочке как к собственной вещи, она инвестировала деньги в ее воспитание («В один пансион мадаме сколько переплатили, а фортепьянщику-то сколько!»¹⁶) и ждет от нее в ответ своеобразных дивидендов: выгодного замужества. Верочка находит в себе мужество сопротивляться давлению матери, уйти из дома, выйти замуж согласно чувствам, а не рациональным расчетам. Вместе с тем, по характеру она ближе к героине чеховского рассказа «Душечка», Оленьке, чем к «новым людям» – Лопухову и Кирсанову, она живет увлечениями мужа больше, чем своими собственными. Живя с Ванечкой, Оленька

«говорила своим знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете – это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре». Выйдя замуж за Васечку, она разделила заботы мужа и ей «казалось, что она торгует лесом давно-давно». Когда знакомые предлагали ей отвлечься и сходить в театр, она отвечала: «Нам с Васечкой некогда по театрам ходить, – Мы люди труда, нам не до пустяков. В театрах этих что хорошего?»¹⁷. Вера Павловна признается, что организованная ею швейная мастерская не есть настоящее дело ее жизни (дела в мастерской не являются «неотступными») и что ей нужно поискать дела. Выйдя замуж за Кирсанова, она, следуя увлечению мужа, начала учиться медицине, но мы не знаем, достало ли ей целеустремленности получить диплом медика.

Публицист и литературный критик, современник и соратник Чернышевского и Добролюбова Николай Васильевич Шелгунов доказывает, что Вера Павловна вовсе не титаническая натура, а очень обыкновенная будничная женщина со всеми свойствами кисейной барышни. По его мнению, она не принадлежит к «новым людям», а составляет только переход к ним. От нее веет «аристократическим ароматом, и вся жизнь ее не есть суровый труд и серьезные отношения к вопросам жизни, а какая-то девическая шаловливость, беззаботность и дилетантизм»¹⁸.

Если Чернышевский выделяет особую группу «"новых людей"» – мужчин и женщин, это предполагает равноправные отношения свободных людей, уважающих себя и других. В отношениях между Лопуховым, Кирсановым и Верой Павловной мы не видим равноправных отношений. Как справедливо замечает Н.В. Шелгунов, «как Кирсанов и Лопухов ее ни любят, как они с нею ни нежны, но во всех их отношениях к ней проглядывает сознание своего умственного превосходства, своей умственной зрелости, и за нежным вниманием их не трудно усмотреть покровительственное отношение сильного к слабому»¹⁹. Более того, мы наблюдаем покровительственное отношение к ней и самого автора. Описывая ее жизнь во втором замужестве, Чернышевский любит ее как беззащитным, слабым, балованным ребенком: «Просыпаясь она нежится в своей теплой постельке, ей лень встать, она и думает и не думает, и полудремлет и не дремлет»²⁰. Предметы дум Веры Павловны: Митя (сын), сладкая мысль о занятии, которое дает ей полную самостоятельность в жизни, другая мысль – Саша (муж). Мысль о муже часто бывает одна в ее думе: «тогда как это назвать? Дума это или дремота, спится ей или не спится: глаза полужакрыты, на щеках легкий румянец сна... да, это дремота»²¹. Очевидно, что автор по-доброму иронизирует над своей героиней.

Вера Павловна часто артикулирует неконформные позиции: после того, как она занялась медициной, у нее появилась мысль: «Через

несколько лет я уж буду в самом деле стоять на своих ногах»²²; она переживает, что для женщин закрыты «все пути гражданской жизни»²³, им нельзя смириться с этим положением вещей, нужно искать выход. Но ее образ жизни не подвижнический и не жертвенный, а скорее сибаритский. В описании ее образа жизни чувствуется ирония автора, так, три грани дня Веры Павловны составляют: чай утром, обед и вечерний чай, она любит подолгу принимать ванны: «Полчаса, иногда больше, иногда целый час не хочется расставаться с ванной»²⁴. Она то лежит на «диванчике», то нежится в «постельке». Н. В. Шелгунов объясняет характер Веры Павловны особенностями социализации. Она выросла и воспиталась в привычках старого общества и в старом мировоззрении, под влиянием социального легкомыслия своей матери и имея пред глазами пример генеральши Сторешниковой и ее сына. «Дурные примеры не пропадают даром. Грязь всегда оставляет свои следы на белом. И вот откуда явилась в Вере Павловне праздная нега, неумение распорядиться своим временем и романическое заблуждение в существовании какого-то особенного женского обаяния, как некоей небесной силы, нисходящей на всякую женщину подобно нисходящему на поэтов вдохновению. Усвоив новое, Вера Павловна сохранила в себе навсегда и печать старого. Таким и было большинство женщин или, вернее, молоденьких девушек, служивших, конечно, автору прототипом Веры Павловны»²⁵. Иными словами, Вера Павловна социализировалась в среде людей, по типу социального характера, нацеленных на «обладание», но во взрослой жизни она отдает предпочтение людям, ориентированным на «бытие», в результате в ее моделях действий можно видеть паттерны поведения обоих типов.

Фромм видит в проблеме «бытия» и «обладания» коренную проблему человеческого существования; эмпирические, антропологические и психоаналитические данные свидетельствуют о том, что обладание и бытие являются двумя основными способами существования человека, преобладание одного из которых определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера²⁶.

Теория, предложенная Фроммом, гармонично переплетается с идеями социолога и публициста-народника Петра Лавровича Лаврова, высказанными им много раньше в своих знаменитых «Письмах», изданных в 1869 г. Он выводит в качестве двигателей исторического процесса «критически мыслящих личностей», он их определяет как людей, обладающих образованием и нравственными, моральными ценностями. Это социально активные, образованные и прогрессивные люди, которые определяют вектор развития страны²⁷.

Понятие «критически мыслящая личность» было предложено немецким теологом Бруно Бауэром в начале 40-х гг. XIX в. Этим понятием он обозначал субъекта социально-исторического развития, опирающегося на деятельность самосознающего духа. Самая насущная

задача «критических личностей», по мнению Бауэра – критика церкви и официальной религии. Он подразделяет людей на отягощенных социальной плотью, материальными заботами по поддержанию существования и на людей, нацеленных на борьбу за достижение общественного идеала. Представители первой категории инертны и пассивны, второй активны и целеустремлены. Лавров полагал, что «Личность, действующая на общество на основании научного знания, необходимого и нравственного убеждения о справедливейшем, – есть источник истории. Столкновение личных деятельностей на тех же основаниях, различных для каждой личности, производит объективный процесс истории»²⁸.

Можно сделать вывод, что сегодня конформизм и нонконформизм определяются в новых условиях. Общество потребления задает новые параметры для развития конформных и нонконформных действий. В настоящий момент мы наблюдаем начало процесса формирования новых форм нонконформизма в российских условиях. В какой-то степени это может быть латентный нонконформизм, проявляющийся в ощущении, что «что-то не так». Рассматриваемые нами информанты, определенные как «белые вороны», ригидны в отношении моральных установок и действий, их подкрепляющих, но не могут определиться с гражданскими действиями. «Новые люди» сформировались и выросли в рамках старой морали и в неизменной среде, у них есть четкая программа действий. «Белые вороны» вынуждены находиться в новой, измененной среде, в какой-то степени враждебной и не совсем понятной для них среде.

Мы столкнулись с проблемой соотношения личного, индивидуального и общего. Нонконформизм «новых людей» и «белых ворон» достаточно органично проявляется в решении личностной задачи «быть не такими, как все». Задача «"новых людей"» – привнести гражданское сознание в массы. Герои Чернышевского хотят добра и для себя, и для всех. «Новые люди» Чернышевского – адаптанты особого типа. Они выигрывают за счет принципа разумного эгоизма. Новым людям принадлежит будущее. У «белых ворон» будущего нет. Они охраняют ценности прошлого. Мы показали сходства и различия современных нонконформистов и героев романа Чернышевского «Что делать?», но основное их сходство проявляется в том, что и для тех, и для других одинаково идеально подходит крылатая цитата из романа: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла, но они дают людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней – теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат: это цвет лучших людей, это двигатель двигателей, это соль соли земли»²⁹.

Примечания

¹ См. об этом: Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под общ. ред. *И. М. Клямкина*. М., 2007. 621 с.; *Молокова М. А.* Гражданское общество как фактор политической модернизации : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Ярославль, 2012. 48 с.

² *Никифоров Я. А.* Модернизация в социологическом дискурсе Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2013. С. 202-222.

³ Критически мыслящая личность [Электронный ресурс] // Русская философия: словарь. М., 1995. Эл. версия печ. изд. URL: <http://terme.ru/dictionary/198/word/kriticheski-mysljaschaja-lichnost> (дата обращения 25.10.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

⁴ Социологическая энциклопедия : в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 487.

⁵ Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 203.

⁶ *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб., 2009. С. 14-32.

⁷ *Чернышевский Н. Г.* Избранные произведения : в 3 т. Л., 1978. Т. 1. С. 28.

⁸ Там же. С.29.

⁹ Там же. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 317.

¹¹ Там же. С. 125.

¹² Фромм Эрих. Интервью на телеканале «Эй-би-си» [Электронный ресурс] : (эфир от 25 мая 1958 г.) URL: <http://www.youtube.com/watch?v=911dbzLV-V4> (дата обращения: 10.09.2014). Загл. с экрана. Яз. оригинала англ., пер. на рус.

¹³ *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 2014. 314 с.

¹⁴ *Чернышевский Н. Г.* Избранные произведения : в 3 т. Л., 1978. Т. 1. С. 46.

¹⁵ Например: *Сазонова Л. А.* Философско-мировоззренческие основания теории и практики женского нонконформизма в контексте формирования русской ментальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Владивосток, 2004. 21 с.

¹⁶ *Чернышевский Н. Г.* Избранные произведения : в 3 т. Л., 1978. Т. 1. С. 41.

¹⁷ *Чехов А. П.* Душечка [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Машкова : [полнотекстовый ресурс]. М., 1994. – URL: <http://www.lib.ru/LITRA/CHENOW/dushechka.txt> (дата обращения: 21.10.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹⁸ *Шелгунов Н. В.* Русские идеалы, герои и типы [Электронный ресурс] // Lib.ru: «Классика» : [полнотекстовый ресурс]. М., 2004 – URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_0030.shtml (дата обращения: 01.10.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Чернышевский Н. Г.* Избранные произведения : в 3 т. Л., 1978. Т. 1. С. 362.

²¹ Там же. С. 363.

²² Там же С. 361.

²³ Там же. С. 359.

²⁴ Там же. С. 363.

²⁵ *Шелгунов Н. В.* Русские идеалы, герои и типы [Электронный ресурс] // Lib.ru: «Классика» : [полнотекстовый ресурс]. М., 2004 – URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_0030.shtml (дата обращения: 01.10.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

²⁶ См.: *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 2014. 314 с.

²⁷ *Малинин В. А.* Критически мыслящая личность [Электронный ресурс] // Русская философия: словарь. М., 1995. Эл. версия печ. изд. URL: <http://terme.ru/dictionary/198/word/kriticheski-mysljaschaja-lichnost> (дата обращения 25.10.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

²⁸ Там же.

²⁹ *Чернышевский Н. Г.* Избранные произведения : в 3 т. Л., 1978. Т. 1. С. 295.

**ПОНЯТИЕ «ЛИБЕРАЛИЗМ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Понятие «либерализм» – одно из ключевых понятий общественно-политической сферы эпохи Современности (Модерна). Перипетии смысла понятия «либерализм» в русском общественном сознании конца XX – начала XXI в., происходившие на фоне разрушения самого проекта Современности, делают актуальным историко-семантический анализ этого понятия в политическом дискурсе Н. Г. Чернышевского – одного из творцов русской политической традиции.

Цель статьи – проследить становление и кристаллизацию смысла понятия «либерализм» в политическом дискурсе Чернышевского на основе анализа значения слова либерализм, используемого в его текстах, и выявить социальные и политические факторы, оказавшие влияние на этот процесс.

В статье использован метод историко-семантического анализа, исходный тезис которого: естественный язык – это изменяющаяся во времени знаковая система семантически организованного общественного сознания. Соответственно анализ общественного сознания какой-либо эпохи невозможен без анализа языка этой эпохи. Более того, если принимать тезис Л. Витгенштейна о совпадении границ познанного мира с границами языка, то сфера общественного сознания конкретной исторической эпохи должна совпадать с границами языка данной эпохи¹.

С начала 1820-х и до конца 1840-х гг. в русском общественном сознании понятие «либерализм» означало политическое течение, которое для достижения своих целей использует противозаконные радикальные, революционные средства, воспринимаемые все тем же общественным сознанием как безнравственные. А слово либерал означает «безнравственный» и, как следствие этого, «неумный человек»². В сознании Чернышевского в конце 1840-х – первой половине 1850-х гг. смысл понятия «либерализм» вряд ли отличался от семантики этого понятия в русском общественном сознании того времен.

Пространство политического в сознании Чернышевского и соответственно его политический дискурс выстраивались под влиянием революционных событий 1848 г. во Франции. «Специфически политическое различие, – к которому можно свести политические действия и мотивы, – это, – как полагал Карл Шмитт, – различие друга и врага»³. Именно в 1848 г. Чернышевский проводит различие – кто его друг и кто его враг. События мая – июня 1848 г. во Франции, описание политических перипетий революции во французской прессе определяют его выбор. 28 июля 1848 г. двадцатилетний Чернышевский записывает в дневнике:

«...все более утверждаюсь в правилах социалистов»⁴. 2 августа 1848 г. новая запись: «Кажется я принадлежу к крайней партии, ультра; Луи Блан особенно, после Леру увлекают меня, противников их я считаю людьми ниже их во сто раз по понятиям, устаревшими, если не по летам, то по взглядам, с которыми невозможно почти и спорить» (1, 66).

2 сентября 1848 г. Чернышевский, рефлексировав над пережитыми эмоциями, записывает: «...мне показалось, что я террорист и последователь красной республики». Добавляя при этом: «Я несколько поопасался за себя» (1, 105). 18 сентября 1848 г. он пишет: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно, но мне кажется, что противники этих господ нисколько в сущности их не понимают и обезображивают и клеветуют на них, как я убедился» (1, 122). (Монтаньяр – представитель крайней левой партии Конвента во время Французской революции конца XVIII века.)

Спустя год 11 июля 1849 г. Чернышевский уже однозначно определяет себя в политической теории как «...красный республиканец и социалист...», а в политической практике – «друг венгров», который желает «поражения там (в Венгрии. – М. К.) русских и для этого готов <...> многим пожертвовать» (1, 297). Проходит ещё полгода, и 20 января 1850 г. Чернышевский записывает в дневнике: «По образу своих мыслей принадлежу я сам не знаю, к какой именно партии социалистов-демократов, став не то черным, не то красным; не знаю, к какой именно...» (1, 357).

15 мая 1850 г. Чернышевский, ретроспективно определяя вектор своих политических взглядов в последние два с лишним года, пишет из Петербурга своему другу М. И. Михайлову: «С самого февраля 1848 года и до настоящей минуты все более и более вовлекаюсь в политику и все тверже и тверже делаюсь в ультра-социалистском образе мыслей. Главные предметы моего поклонения Луи-Блан (которого почти не читал), к последователям которого я принадлежу, Прудон, Фейербах и т. д. <...> Года полтора я только и дела делал, что читал газеты, и выдавалось часто по несколько месяцев таких, что я каждый день бывал у Вольфа или где-нибудь в другой кондитерской» (14, 198).

Накануне Крымской войны 7 марта 1853 г. Чернышевский, находясь в Саратове, уже констатирует: «мои политические и социальные убеждения» вошли в мою натуру, стали «частью моего существа» (1, 501).

Во время Крымской войны в русском общественном сознании происходят тектонические сдвиги. Во второй половине 1855 – начале 1856 гг. Б. Н. Чичерин осуществил новую концептуализацию (перереформатирование) понятия «либерализм», вложив в него новый смысл. Именно Чичерин летом 1855 г. в статье «Современные задачи русской жизни» первым из современников применил понятие «либерализм» не для описания существ-

вующей реальности или ретроспекции политического, а для концептуализации будущего переходного состояния. Обосновав политическую программу реформ, Чичерин писал: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение <...> В либерализме вся будущность России. Да столпятся же около этого знамени и правительство и народ...»⁵.

В концепции реформ, предложенных Чичериным в 1855 г., понятие «либерализм», говоря словами Райнхарта Козеллека, «отсылает к будущему, превращаясь из понятия в проект будущего»⁶. Также понятие «либерализм» выступает у Чичерина и как знак-символ. Получая метафорическую предметность («знамя»), оно оказывается не только проективным знаком будущего, но и символом этого будущего.

Политическая ситуация в стране менялась стремительно. Не менее стремительно менялось и общественное сознание. Известная речь Александра II, с которой он выступил 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства, сделала достоянием гласности понимание властью необходимости отмены крепостного права – главной из числа всех насущных реформ.

И уже в июне 1856 г. сенатор К. П. Лебедев записывает в дневнике: «...в современной атмосфере искренне или притворно – все либералы»⁷. То есть все – сторонники курса на реформы, которые должны осуществляться, как писал Чичерин в январе 1856 г. А. И. Герцену, «путем постепенного развития» и в согласии общества и правительства⁸. И пока не суть важно: искренни эти сторонники или притворны – летом 1856 г. именно их называли либералами. Либерализм, который надо понимать скорее как общественное унастроение, связанное с желанием перемен, в 1856 г. овладевает русским общественным сознанием до такой степени, что по воспоминаниям современников становится модой. Все тот же Чичерин тридцать лет спустя писал: «...с новым царствованием, либерализм вошел в моду...»⁹.

В этой атмосфере лета 1856 г. Чернышевский впервые определяет свое понимание смысла понятия «либерализм». Отметим, что именно летом 1856 г. понятие «либерализм» впервые появляется в его политическом дискурсе. В 9-м номере «Современника» за 1856 г. была опубликована шестая статья из цикла «Очерков гоголевского периода русской литературы». В ней Чернышевский дал характеристику общественной жизни Франции второй половины 1810-х – начала 1830-х годов. Помянув недобрым словом знаменитых тогда французских доктринёров – Виктора Кузена, Франсуа Гизо и Адольфа Тьера, – Чернышевский писал: «Кстати, припомним, что такое был знаменитый тогда “либерализм”, за который особенно прославлялись эти знаменитости. События (здесь Чернышев-

ский, конечно, имел в виду революцию 1848 г. во Франции. – М. К.) обнаружили пустоту и решительную бесполезность этого либерализма, хлопотавшего только об отвлеченных правах, а не о благе народа, самое понятие о котором оставалось ему чуждо» (3, 213).

Далее, выявляя мотивы использования понятия «либерализм» в политической практике Франции эпохи Реставрации и первых лет Июльской монархии, Чернышевский писал: «У лучших проповедников его (либерализма. – М. К.) это было легкомысленное заблуждение относительно истинных потребностей нации; другие пользовались этим так называемым либерализмом, как приманкою для привлечения нации на свою удочку, – а для чего нужно было им привлечь нацию, оказалось потом, когда они успели захватить власть: они искали власти для того, чтобы набить себе карманы» (3, 204). Вполне понятно, что «лучшие проповедники» либерализма у Чернышевского – это французские доктринёры, а «другие», которые «искали власти для того, чтобы набить себе карманы» – это французские банкиры, впервые ставшие не только реальной, но и главной политической силой в годы Июльской монархии.

Отмена крепостного права стала для русского общественного сознания тем событием, отношение к которому стало определяющим задолго до 19 февраля 1861 года. К началу 1858 г. реформаторские намерения власти начинают воплощаться в жизнь. Вследствие этого в русском общественном сознании происходит перелом сложившегося в предыдущую эпоху семантического тренда понятия «либерализм». И, как это не покажется парадоксальным, изменение смысла понятия «либерализм» в русском общественном сознании того времени оказалось связано именно с действиями правительства.

В этой ситуации в начале 1858 г. Чернышевский в статье «Кавеньяк» вновь пытается напомнить, что «узкий либерализм хитрого эгоизма» является атрибутом владычествующего во Франции «класса капиталистов» с его «промышленной спекуляцией» и «биржевыми правилами» (5, 38). То есть, по мнению Чернышевского, либерализм – это специфически французская и специфически классовая идеология банкиров-ростовщиков и финансовых спекулянтов.

В апреле 1858 г. Чичерин подготовил к изданию сборник своих статей – «Очерки Англии и Франции»¹⁰. Введение к «Очеркам» представляет собой квинтэссенцию взглядов Чичерина этого периода. По сути, это манифест политического направления, которое почти в одиночестве представлял сам Чичерин. Обращает на себя внимание то, что Чичерин явно под воздействием изменений в общественном сознании размышлявших тот смысл понятия «либерализм», который он в него вкладывал, позиционировал уже свой либерализм как «истинный».

Прошло несколько месяцев, и в 8-м и 9-м номерах «Современника» за 1858 г. была опубликована большая статья Чернышевского «Борьба пар-

тий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (5, 213–291). Не называя впрямую имени своего оппонента, Чернышевский выступил не против предложенного Чичериным понимания либерализма, а именно с критикой либерализма как политической доктрины. Причем сделал он это с демократических позиций. Впрочем, Чернышевский попытался развенчать либерализм не только как политическую доктрину, но и стремился вложить свой смысл в само понятие «либерализм». Это выступление Чернышевского можно квалифицировать как начало его размежевания не только с Чичериным, но и с «либеральной партией» как идеологическим направлением.

Уже в начале статьи Чернышевский вполне определенно обозначил свою позицию. Он писал: «От времен Реставрации досталось в наследство нашему времени пресловутое и, по правде говоря, превздорное слово “либерализм”, которое до сих пор порождает столько путаницы в головах, столько глупостей в политической жизни и приносит столько бед народу, о благе которого так суетливо и так неудачно хлопотали либералы от Кадикса до Кенигсберга, от Калабрии до Нордкапа» (5, 215).

Далее Чернышевский, пытаясь определить значение понятия «либерализм», производит и собственное идеологическое позиционирование. Он пишет: «Впрочем, несмотря на то, что слово "либерализм" повсюду очень употребительно, его значение и в Западной Европе, а тем более у нас остается очень сбивчивым. Либералов совершенно несправедливо смешивают с радикалами и с демократами». Главная задача Чернышевского, как он сам об этом пишет, «определить либерализм в точном смысле слова». Высшие интересы «либеральной партии», согласно Чернышевскому, это «право свободной речи», то есть свобода слова, и «конституционное устройство» (5, 215–216), то есть институционализация законодательной власти в виде представительного органа (парламента) на основании принципа разделения властей.

По мнению Чернышевского, «...либерал почти всегда находит, что только при известной степени аристократизма общество может достичь либерального устройства. Поэтому либералы, – как он считает, – питают к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведет к деспотизму и гибели для свободы» (5, 216).

Характерно, что согласно Чернышевскому, эволюционизм, противопоставленный революционности, – необходимое и обязательное свойство, присущее либерализму. Он пишет: «Из всех политических партий одна только либеральная непримирима с радикализмом, потому что он расположен производить реформы с помощью материальной силы и для реформы готов пожертвовать и свободой слова, и конституционными формами. Конечно, – замечает Чернышевский, – в отчаянии либерал может становиться радикалом, но такое состояние духа в нем не натурально, оно стоит ему постоянной борьбы с самим собою, и

он постоянно будет искать поводов, чтобы избежать надобности в коренных переломах общественного устройства и повести свое дело путем маленьких исправлений, при которых не нужны чрезвычайные меры». «С теоретической стороны либерализм, – по мнению Чернышевского, – может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливой судьбой от материальной нужды: свобода – вещь очень приятная. Но либерализм, – продолжает Чернышевский, – понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения» (5, 216–217).

Вероятно, по цензурным соображениям из статьи Чернышевского был исключен небольшой, но достаточно важный пассаж, в котором он определял главную цель своей статьи: «...разоблачить это обманчивое понятие [либерализм], обнаружить его совершенную пустоту, показать, что между так называемыми либералами было с самого начала так же мало здравых понятий о свободе, как и между так называемыми роялистами...» (5, 220). Либералами в точнейшем смысле слова, по мнению Чернышевского, являются приверженцы английской конституции (5, 223). Иными словами – государственного устройства и политической системы Великобритании.

Чичерин создавал новые для русского общественного сознания смыслы понятия «либерализм». Чернышевский же, подвергая их критике с радикально-демократических позиций, разрушал эти положительные, но эфемерные и ситуативные смыслы. Течения мысли, представителями которых были: с одной стороны – Чичерин, с другой – Чернышевский, размежевавшись не только аксиологически, но и семантически – становятся с этого времени партийными, по сути. Собственно, только с этого времени о двух этих направлениях, то есть о либерализме и демократии, и возможно говорить как об идеологиях, складывающихся в русском общественном сознании. Начавшийся весной-летом 1858 г. процесс идеологического оформления либерального и демократического направлений становится необратимым зимой 1858–1859 гг. и окончательно завершается в 1862 году.

В русском общественном сознании 1859–1862 гг. происходит семантическая фрагментация понятия «либерализм», которая свидетельствует о начавшейся идеологической фрагментации, или парцелляции самого общества. Обнародование манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. усиливают идеологическую и политическую дифференциацию русского общества. Одновременно с этим уже в начале 1860-х гг. понятие «либерализм» в русском общественном сознании вновь начинает ассоциироваться с безнравственным поведением. Вспоминая в январе 1884 г. эпоху конца 1850-х гг., Чернышевский назвал либеральные тенденции «тенденциями смутными и шаткими» (1, 734).

Вместе с тем конец 1850-х – начало 1860-х гг. – это короткое время торжества реформаторской политики правительства. Именно этот период до петербургских пожаров мая 1862 г., связанный с подготовкой и началом крестьянской реформы, Герцен в сентябре 1863 г. назвал в «Колоколе» «медовый месяц казенного либерализма»¹¹.

В августе 1859 г. Чернышевский констатировал: «В настоящее время <...> каждый стыдится называть себя человеком нелиберальным, врагом реформы и прогресса...» (6, 338). В сентябре 1859 г. Чернышевский писал: «...отличительными чертами (либералов. – М. К.) <...> служат два качества: верить и восхищаться». И с явной издевкой добавлял: «...либеральные оптимисты ничего не разбирают. Как юношам необходимо быть в состоянии влюбленности, так им необходимо быть в состоянии благонадежности, и как юноши готовы влюбляться в каждого уroda, лишь только услышат шорох шелкового платья, так и они восторгаются при одном звуке слов "либерализм, реформа, улучшение"» (6, 406–408).

В первом номере «Современника» за 1862 г. Чернышевский с иронией замечал: «Ныне все либеральничают, и мы волей-неволею должны подделываться под эту моду. <...> В настоящее время приличие требует от каждого <...> чтобы он старался иметь либеральный образ мыслей» (8, 602).

Осенью 1861 г. ситуативный либерализм Чичерина становится консервативным. А в конце февраля 1862 г. в четырех номерах газеты «Наше время» была опубликована статья Чичерина «Что такое охранительные начала?». Чичерин поднял знамя либерального консерватизма. «Только энергия разумного и либерального консерватизма, – по его мнению, – может спасти русское общество от бесконечного шатания». В заключение статьи Чичерин писал: «теперь истинный либерализм измеряется не оппозицией, не прославлением свободы, не передовым направлением, а преданностью "Положению" 19-го февраля <...> Этому же должно держаться и разумное охранительное мнение. Консерватизм и либерализм здесь одно и то же (то же. – М. К.)»¹². Соединение двух понятий требовалось Чичерину для определения политической позиции в условиях начала реформ.

И уже в марте 1862 г. Чернышевский, с характерным для него сарказмом и явно под влиянием превращения либералов в консерваторов, пишет: «...в нынешнее весеннее время человек расположен быть веселым, и хочется ему чем-нибудь позабавиться. Для нас нет лучшей забавы, как либерализм, – так вот и подмывает нас отыскать где-нибудь либералов, чтобы потешиться над ними» (8, 634).

В середине 1860-х гг. в русском общественном сознании, одновременно с процессом формирования национального самосознания, начинается отторжение понятия «либерализм» как не присущего русской традиции и русской культуре. И Чернышевский с его пониманием либера-

лизм оказывается в общем семантическом тренде. В письме жене и сыну от 24 ноября 1873 г. совершенно в духе М. Е. Салтыкова-Щедрина он писал: «Я всегда был человеком, смеявшимся над прогрессистами всяких сортов» (14, 551). Некто Зелинский, польский социалист, участник восстания 1863 г., отбывавший каторгу вместе с Чернышевским, на одной из сходов польских революционеров в 1899 г. так передавал слова Николая Гавриловича: «Всякий русский либерал – это потенциальный помпадур...»¹³.

Себя же Чернышевский даже в шестидесятилетнем возрасте менее чем за год до смерти называл человеком «крайних прогрессивных мнений» (15, 786).

Примечания

¹ Калашников М. В. Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М., 2011. С. 368–390.

² Калашников М. В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 464–513.

³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 40. См. также: Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М., 2012.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939. Т. 1. С. 59. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках номера тома и страницы.

⁵ Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. 1–9. 1856–1860. Лондон. Факс. изд. в 3 вып. Коммент. и указ. – 4 вып. М., 1975. Кн. 4. С. 26.

⁶ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. М., 2010. С. 26.

⁷ Лебедев К. П. Из записок сенатора К.П. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1, № 4. С. 353.

⁸ Голоса из России. Кн. 1. С. 30.

⁹ Чичерин Б. Н. Воспоминания Б. Н. Чичерина // Русское общество 40–50-х годов XIX в. : в 2 ч. М., 1991. Ч. 2. С. 50.

¹⁰ Чичерин Б. Н. Очерки Англии и Франции. М., 1858.

¹¹ Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 250.

¹² Чичерин Б. Н. Что такое охранительные начала? // Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 162, 181.

¹³ Конарский Ю. (Мошинский И. Н.) На путях к 1-му съезду Р. С.-Д. Р. П. 90-тые годы в Киевском подполье. М., 1928. С. 147.

О. В. Шиндина

**ТЕКСТЫ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОБЛЕМА БРАКА
В РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И ЕЕ МОДЕРНИСТСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ**

Значительность фигуры Чернышевского, который являлся одним из самых влиятельных журналистов и критиков своего времени, отстаивавшего в эстетике и философии материалистические и позитивистские идеи, неоспорима. О сильнейшем общественном резонансе его литературного творчества свидетельствовали оценки не только его единомышленников, но и идейных противников.

Будучи соредактором «Современника», пожалуй, самого популярного журнала своей эпохи, и одним из авторов, определяющих художественную политику этого издания, своей литературной и общественной деятельностью, самой своей биографией Чернышевский выражал всю сложность и противоречивость эпохи 60-х годов XIX века, для которых была характерна трансформация всех парадигм общественного и частного существования – от научных, философско-эстетических до политических, социальных, экономических. В этом контексте закономерным становятся размышления русских интеллектуалов о роли личности, о ее «преображении» и появлении «нового человека»¹.

Отметим, что изучение утопической идеи формирования нового человека в социалистическом проекте является одним из актуальных и востребованных направлений современной отечественной и зарубежной гуманитаристики. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать? Из рассказов о новых людях» является, безусловно, тем важнейшим источником целостной программы поведения, которая регламентировала все стороны частной и общественной жизни поколения «новых людей». Сознательная установка Чернышевского на действенное преобразование реальной жизни посредством воспроизведения в ней моделей поведения сконструированных литературных типов позволяет говорить о формировании в его творчестве метатекстуальных приемов: взаимовлияния литературного и жизненного, биографического текстов, оказавшего огромное воздействие не только на современников, но и на культурную мифологию Серебряного века в целом и на концепцию «жизнетворчества» в частности.

Влияние личности Н. Г. Чернышевского и его романа «Что делать?» на многие поколения читателей отражено не только в литературно-критических статьях, мемуарах, эпистолярном наследии, но и в формах интертекстуального влияния на публицистические, художественные, философско-эстетические тексты современников Чернышевского и последующих поколений. Один из первых исследователей творчества Чернышевского, Г. В. Плеханов, который неустанно подчеркивал огромную роль писателя в формировании этики «новых людей» и становлении в русской литературе именно реалистического направления, настойчиво акцентировал внимание на сущностной черте поэтики романа Чернышевского – доминирующем положении идеи, что впоследствии позволило М. М. Бахтину,

разрабатывавшему концепцию полифонического романа, назвать Чернышевского в числе основоположников этой формы².

Роман «Что делать?» для автора, который ко времени окончания университета, как пишет И. Паперно, «был человеком сформировавшимся и хорошо владевшим языком своей культуры»³, стал не только отражением собственного жизненного опыта (когда «личное и особенное переводилось в общепонятное и социально значимое»⁴), но в большей степени манифестацией этических принципов и философских установок позитивизма на осуществление эксперимента. Результатом его становится последовательно воплощаемая в жизнь модель брака, «реализованная им в личной жизни и описанная в романе “Что делать?”»⁵, который мы вправе рассматривать как художественное отражение личностных жизненных стратегий и практик и, одновременно, как образец для подражания «новыми людьми».

Брак, будучи одной из центральных культурных универсалий и одной из определяющих собственно европейскую культуру парадигм, переосмысливается в России второй половины XIX века как важнейшая проблема этого времени, приобретая прочную связь с реальной действительностью и общественной деятельностью в противовес представлениям идеалистов 1830-х годов о романтическом характере неудовлетворенной, нереализованной любви. Теперь новое понимание любви соединяется с браком, супружескими отношениями, в которых любовь реализуется, осуществляется, стимулирует человека к личностному становлению и общественно значимой деятельности; сам Чернышевский подтверждает эту эмоционально-психологическую связь между браком и деятельностью одним из признаний, объясняющим его решение жениться: «Я должен стать женихом О. С., чтобы получить силу действовать, иначе <...> Крепкой воли мне нет»⁶.

И. Паперно в своей книге «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» видит несколько объяснений тому переосмыслению института брака, которое возникает в русском обществе в это время и которое связывает в целостное смысловое единство такие понятия, как «брак», «действительность» и «деятельность»: во-первых, это закрепленный традицией, характерной для среды разночинцев, питающих формацию «новых людей», статус социальной, имущественной и профессиональной самостоятельности, которую обретают молодые люди, семинаристы, получающие после женитьбы приход; во-вторых, имеющее общественно значимые последствия влияние этико-философских идей Гегеля об институте семьи, которые находились в тесной связи с вопросами морального обновления современного общества. В новых культурно-исторических условиях брак превращается в общественно значимую тему: «Для новых людей идея женитьбы связывалась и с мечтой об общественном служении, и со всем

комплексом идей, связывавших освобождение человечества и уравнивающих переустройство супружеских отношений с общественным переустройством»⁷. Свое новое понимание брака, воплощенное в личном жизненном опыте супружеских отношений, Чернышевский излагает в романе, который мы вправе рассматривать как уникальный пример метатекстуального прочтения собственной биографии и изложения целостной программы реализации брака, когда «биографический текст» и текст художественный становятся взаимообогащающими комментариями друг к другу: «Супружеская жизнь главных героев “Что делать?” воспроизводит модель брака, воплощенную Чернышевским в собственной жизни и в его мелких художественных произведениях»⁸.

Помимо собственного опыта, Чернышевский не мог не учитывать некоторые литературные образцы, созданные «рациональным веком» и изображавшие некую утопию идеальных отношений (например, «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо), в которых представлена попытка изобразить гармоничные формы семейного общежития (со всеми далеко идущими социальными и экономическими последствиями), коммуны, нивелирующей вечные проблемы любовного треугольника. Кроме этого, жизненным материалом, трансформированным в литературу, становятся примеры реально существовавших экспериментов супружеских отношений: от фиктивного брака до тройственного союза, который может быть интерпретирован как в романтическом ключе (литературный и биографический опыт Герцена), так и в сугубо реалистическом, когда супруги сознательно предоставляют друг другу свободу отношений (опыт четы Шелгуновых и публициста Михайлова из круга «Современника»)⁹. В значительной степени сформированные под влиянием этико-философских концепций, социально-экономических утопий «века просвещенного», эстетики романтизма новые представления о браке Чернышевский приспособляет к глубоко личному опыту собственной семейной жизни и ее эмоционально-психологическому осмыслению.

Идеи Чернышевского о природе и сущности брака, в художественной форме выраженные в литературном тексте и в каком-то смысле апробированные им в «жизненном, биографическом тексте», имели сильнейшее воздействие на формирование своеобразной традиции, которая «сыграла значительную роль в русской культуре, передаваясь из поколения в поколение»¹⁰ и в которой воплотились религиозно-мистические, этико-философские искания определенной части русской интеллигенции начала XX века, обращенные не только к социальным акцентам понимания института брака, но и к вопросам мистического постижения пола в сложном контексте гендерного определения души. Так, крупнейший философ России Н. А. Бердяев насыщает свой философский дискурс гендерными определениями, связанными с важнейшей общественно-исторической темой взаимоотношений интеллигенции и народа, с осмыслением религиозных

аспектов русской идеи, которая для него в значительной степени определяется соотношением мужественного и женственного начал¹¹. Недостаток маскулинности в русском интеллигенте, по мысли Бердяева, не позволяет ему исполнить роль «мужественного Логоса» по отношению к женственной народной стихии. Проблема гендеризации души и ее особого места при вступлении в брак становятся одной из центральных идей в его философии, «но за подобной обработкой темы стояли и индивидуальные переживания», как считает А. Е. Эткинд, подчеркивающий, что «мужественность духа, как центральный принцип философии Бердяева, любопытным образом контрастирует с не вполне маскулинной организацией жизненного поведения»¹².

Начало русской традиции браков, не реализованных во всей полноте супружеских отношений (Чернышевские, Бакунины, Шелгуновы, Ковалевские, Мережковские, Блоки, Белый и Ася Тургенева, Сологуб и Чеботаревская и др.), исследователь связывает именно с романом Чернышевского «Что делать?» и в этой традиции видит ответ на поставленный в названии романа вопрос. Потерянная человеком, вследствие грехопадения Адама, целостная андрогинная природа становится, во всей сложности и неоднозначности нового понимания антропологии тела, особым предметом для художественных поисков и религиозно-философских размышлений Серебрянного века; по мысли многих русских интеллектуалов этого периода «сексуальная жизнь есть мучительное искание утраченного андрогинизма»¹³, а не реализованной в браке энергии пола должно дать другое направление. Для самого Бердяева оно связано с творчеством, смысл которого он видит в неразрывном единстве «с оргийно-экстатической стихией»¹⁴. Для «новых людей» эпохи модерна понимание института брака связано более с религиозно-мистическими, философскими проблемами постижения природы пола и трактовки сексуальности, нежели с социально-экономическими, общественно-идеологическими аспектами просветительских утопических проектов, интерпретирующих, в числе прочего, институт брака и семьи. Одним из безусловных источников влияния на новый ракурс в культурной кодификации института брака, вопросов любви и взаимоотношения полов, предложенный русскими модернистами начала XX века, на новое прочтение ими философии истории и онтологии творчества является роман Чернышевского, не только отразивший его эстетически-философские, идеологические, социально-общественные установки и личностно-биографический опыт их воплощения, но и вобравший в себя мощный пласт европейской литературной традиции, социальной и философской утопической мысли, равно как и беллетризированный обобщенный жизненный материал, который был известен автору романа и имел несомненный резонанс в общественной

жизни России времени написания этого программного для «новых людей» произведения.

Примечания

¹ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 10.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 76-79.

³ Паперно И. Указ. соч. С. 79.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939. Т.1. С. 485.

⁷ Паперно И. Указ. соч. С. 80.

⁸ Паперно И. Указ. соч. С. 113.

⁹ И. Паперно отмечает: «Разрабатывая модель брака в романе “Что делать?”, Чернышевский отталкивался от многих литературных источников и от попыток их жизненной реализации, которые приобрели в России широкую известность» (Паперно И. Указ. соч. С. 128).

¹⁰ Эткин А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 242.

¹¹ Бердяев Н. А. Духовное христианство и сектантство в России // Бердяев Н. А. Собр. соч. : в 4 т. Париж, 1989. С. 240.

¹² Эткин А. Указ. соч. С. 241.

¹³ Эткин А. Указ. соч. С. 242.

¹⁴ Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 243. – Показательно само название книги Бердяева – «Смысл творчества», которое отсылает к «Смыслу любви» Вл. Соловьева.

Т. Д. Роллингс

ПОЛЕМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: МЕТАФОРЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО О НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Метафора Н. Г. Чернышевского, гласящая, что «Исторический путь – не тротуар Невского проспекта», стала узнаваемым политическим высказыванием в связи с ее повторением В. И. Лениным. Отталкиваясь от тогдашней ленинской партийной интерпретации этой метафоры¹, наша статья имеет целью проследить полемический контекст фразы Чернышевского, основательно забытой при обсуждении ее значения в XX веке.

Свою задачу мы реализуем на основе методологических подходов Кембриджской школы в области политического дискурса. Ключевые принципы школы, изложенные Квентином Скиннером еще в 1960-е годы, опираются на положение, что слово есть поступок, то есть что автор выражает свои интенции в своем языке². Скиннер изучал авторские интенции через анализ языкового контекста, чтобы показать, что «автор делал» («was doing»), то есть как он проявлял свое активное отношение к

языковому контексту. В соответствии с теорией Скиннера, речь пойдет ниже о статье Чернышевского, в которой впервые появилось его высказывание о Невском проспекте в связи с отзывом о переводе писем американского экономиста Генри Кэри (1793–1879)³.

Рецензия Чернышевского является ярким примером оппозиции между общеизвестным языком, концентрированным в полемическом контексте («langue»), и свойственным автору стилем («parole»). По Скиннеру, в реконструкции языка автора надо различать эти языковые составляющие, чтобы оценить инновационный вклад изучаемого писателя, выраженный в его «parole». В случае с рецензией Чернышевского, опубликованной в январе 1861 года, его полемический оппонент Михаил Катков сразу распознал авторство Чернышевского, несмотря на его анонимность. «Parole» Чернышевского раскрывался уже с самого начала, когда автор иронически написал: «Читателю известно, что если в чем другом Россия и имеет недостаток, то уже никак не в знаменитых экономистах» (VII, 909). Он предложил русским экономистам, которые агитировали за свободную торговлю, опровергнуть протекционистскую позицию Кэри, которую сам опровергать как бы и не собирался: «Мы сами, вовсе не сочувствуя протекционизму и полагая, что теория свободной торговли гораздо более соответствует выгодам наций, никогда не имели счастья находить, что хлопоты о низком тарифе должны быть для нас предметом первостепенной важности при нынешнем положении дел» (VII, 909). Выходило, что Чернышевский, по сути, игнорировал аргументы оппонентов. По публикациям Чернышевского Катков знал о его скептических оценках идей современных отечественных экономистов, и для него не оставалось тайной имя автора рецензии на Кэри, в которой «тоном шарлатанской иронии говорится о великих русских экономистах, гг. Вернадском, Бунге, Ржевском, Безобразове, к которым причисляется г. де-Молинари, и наконец Кери» (Русский вестник. 1861. Февраль. С. 903).

Ирония Чернышевского включала интенцию критики бюрократического процесса начавшейся крестьянской реформы и тех экономистов, включая Ржевского и Безобразова в «Русском вестнике» Каткова, которые защищали интересы аристократов в ущерб интересам как крестьян, так и развития русской социальной жизни в целом. Но при чем тут Кэри?

Чернышевский объяснил, что он не собирался писать о Кэри в связи с экономическими вопросами, поскольку есть другие, более общие социальные вопросы. И он обозначил контекст своей рецензии в длинной цитате из книги Кэри, в которой Кэри перечислил многие американские беды, и потом рецензент добавил от себя, что «в те самые годы, которые оплакивает Кэри, образовалась и стала быстро усиливаться партия, поставившая себе целью искоренение этого обычая и всех

действительных недостатков из числа фактов, перечисляемых Кэри в его очерке. Теперь эта партия уже достигла власти» (VII, 913). Чернышевский затем вскрыл реакционность политики плантаторов, которая привела к отмеченным Кэри бедам, и предложил читателю угадать рецепт Кэри выхода из кризиса: «в чем может состоять средство к очищению конгресса от отвратительных сцен, к очищению выборов от подкупов <...> В том ли, чтобы свободные люди Соединенных Штатов, убедившись в несовместимости свободы с невольничеством, вырвали власть над Союзом у плантаторов, как теперь и решились они сделать?» (VII, 917). Чернышевский повторил, что Кэри, будучи протекционистом, считал, что высокий тариф представлял собой решение всех проблем в США. Формально он оспаривал позицию Кэри, но понятно, что на самом деле публицист вел разоблачение политики плантаторов. Интенция выражена в ссылке автора на Кэри: придерживаясь рамок книги Кэри, он придавал абстрактный, теоретический характер его прикладным, социальным мыслям.

Из дальнейшего изложения рецензентом своей аргументации выясняется, почему ему была нужна видимость теоретических рассуждений. После разоблачения узости позиции Кэри Чернышевский вдруг повторил вслед за ним, что протекционизм в США можно защищать потому, что пошлинные сборы были важным источником доходов для федерального правительства (VII, 920). Однако Чернышевский добавил мимоходом, что поддерживать протекционизм нужно потому, что выступавшие за него также боролись против невольничества. Но он здесь не стал развивать мысль о борьбе против невольничества, а вернулся к рассуждениям Кэри о тарифе. Сообщения в прессе о борьбе против невольничества не были запрещены цензурой. Предполагается, что Чернышевский смягчил развитие темы об этой борьбе потому, что его собственная авторская позиция перешла грань дозволенного цензурой.

На деле же перед нами применение композиционно-стилистического приема, характерного для Чернышевского-публициста. Он создает эффект противоречивости своей позиции, то критикуя протекционизм, то поддерживая его ради укрепления федеральной кассы, то вдруг противопоставляя ему свободную торговлю, в то же время ставя вопрос об искренности своей формальной защиты ее. Он даже специально внушал читателю мысль, что уступил принципу свободной торговли из-за финансового расчета, приведя вымышленную реплику оппонента, который возразил, что «вы признаете гибельный принцип, что следует иногда уступать заблуждению и ставить финансовый расчет выше научных требований» (VII, 921). Интенция заключалась в подмене тезиса, чтобы делать вид, будто он собирался говорить об одной теме (т.е. о финансовом расчете), а затем, по ходу критикуя отвлеченность, абстрактность

рассуждений сторонников протекционизма или свободной торговли, писал о чем-то другом, более важном, а именно о борьбе против невольничества.

Эта важная тема завуалировано получала подкрепление еще одним рассуждением. Мысль о том, что он уступил защитникам свободной торговли ради принципа финансового расчета, создала мост, через который он перешел к теме о самопожертвовании, которая никак не соответствовала его исходному тезису о финансовом расчете. Автор удачно подменил свой тезис увлекательным примером о Юдифи, героине одноименной пьесы «Юдифь», роль которой на петербургской сцене 1861 года исполняла итальянская актриса Ристори. Чернышевский и на этот раз перебивает ход размышлений репликой читателя, на этот раз в связи с тем, что автор рецензии сделал вид, будто он говорил о реальном примере самопожертвования, а не о пьесе, которая была известна всем в городе (VII, 922). Согласно Старому Завету, Юдифь соблазнила военачальника вражеской армии, чтобы его убить и спасти еврейский народ. Как будто оправдывая себя, Чернышевский констатировал, что редко приходится героически жертвовать собою, как сделала Юдифь, но тем не менее «постоянно через всю гражданскую жизнь каждого человека тянутся исторические комбинации, в которых обязан гражданин отказываться от известной доли своих стремлений для того, чтобы содействовать осуществлению других своих стремлений, более высоких и более важных для общества» (VII, 922). И вот здесь за этими размышлениями об исторических комбинациях, тем более ничего как будто общего с финансовыми расчетами не имеющих, последовало известное высказывание Чернышевского: *«Исторический путь – не тротуар Невского проспекта, он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность...»* (VII, 923).

Пафос метафоры о Невском проспекте резко выделялся на стилистическом фоне статьи. Это, по Каткову, «одно замечательное место» в рецензии «Современника» в связи с Юдифью привело редактора «Русского вестника» к выводу, что «поэзия» фразы о Невском проспекте несовместима с суждениями о тарифе⁴. В своем ответе Каткову в «Полемических красотах» в июне 1861 года, в которых Чернышевский признал свое авторство в отношении статьи о Кэри, он вроде бы согласился с оппонентом, допуская, что «патетический тон эпизода о Юдифи действительно очень забавен своим не совсем удобным помещением в статейке о сухом предмете, тарифе и Кэри» (VII, 717). Однако на самом деле его ответ отнюдь не означал интенцию признать правоту Каткова. И здесь никакого лукавства. Его призыв к общественной деятельности в действительности исподволь

подготавливался всем содержанием анализа книги Кэри. Именно поэтому Чернышевский критиковал Кэри за то, что его интерес к тарифам был очень узок.

Здесь полезно учитывать, что ссылка на «Юдифь» была частью «langue». Да, последующая метафора о Невском проспекте стала частью его «parole», но отсылка к пьесе «Юдифь» не была инновацией. Энгельс в 1858 г. подчеркнул, что значение пьесы «Юдифь» было хорошо известно современникам. На юге Италии герцогиня Пармская, невзирая на присутствие поблизости австрийского гарнизона, «позволила Ристори агитировать против австрийцев в роли Юдифи, проповедующей священную войну с ассирийцами»⁵. Комментаторы второго издания собрания сочинений Маркса и Энгельса отметили, что в конце пьесы Ристори пела гимн, содержащий слова: «Пусть они знают, что свята война, коль чужеземец отчизне грозит» (Т. XII, 802). Чернышевский дал четкий намек, что он говорил о том же. Опять возвращая читателя к фигуре Кэри, он, как будто высказываясь только теоретически, отметил, что: *«Он выводит свое мнение из политико-экономических оснований, которые никак не могут быть примирены с протекционизмом. Это все равно, что вопрос о войне. Бывают обстоятельства, в которых сами Адам Смит и Рикардо стали бы требовать энергического ведения войны – например, если бы иностранная армия хотела вторгнуться в Англию, но из этого вовсе не следует, что война сообразна с принципами политической экономии»* (VII, 923).

Что натолкнуло Чернышевского на тему войны? Уместно вспомнить о тех же событиях в Италии, но обзор иностранной политики, который Чернышевский написал в том же январе 1861 года, дает повод считать, что автор имел в виду прежде всего события в США. Такой вариант тем более вероятный из-за американской тематики рецензии, в частности ее намеки на борьбу против невольничества. Необходимо выяснить, что именно ознакомление с политическим обзором Чернышевского за январь даст нашему пониманию его рецензии и, следовательно, его метафоры о Невском проспекте.

Когда Чернышевский цитировал из Кэри об американских бедах, он не назвал победителей на президентских выборах в Америке. Данное умолчание может привести к мысли о цензуре. Но еще в «Политике» за ноябрь 1859 года он заявил, что «6 ноября, день, когда победа осталась на стороне партии, имевшей своим кандидатом Линкольна, этот великий день – начало новой эпохи в истории Соединенных Штатов» (VIII, 352), и потом так же свободно говорил о Линкольне. Речь идет не о цензуре, а возможно, о самоцензуре, что наводит на мысль лишь намеком сказать о некоей горячей поддержке Линкольна? Но такой вариант также отпадает. В декабре 1860 года он уточнил, что Линкольн только собирался противодействовать распространению рабства в «свободных» штатах, а

не отменить его на Юге, и в январе он повторил этот анализ: «Ничто не может быть скромнее программы, исполнить которую обязался Линкольн, и намерений самого Линкольна: он являлся представителем того оттенка республиканской партии, который желал только охранение законов» (VIII, 398). Можно предложить гипотезу, что Чернышевский не назвал Линкольна по имени, потому что он не надеялся на существенные меры от избранного президента.

Ключевые новости январского политического обзора за 1861 год послужили известием о том, что произошло в США, после того как Южная Каролина провозгласила себя независимой в декабре. С тех пор в Южной Каролине сбор пошлин в порту Чарльстона перешел в кассу штата, а не федерального правительства, и местные войска уже заняли два форта и стали наступать на третий форт (форт Сёмтер), который был защищен федеральными войсками. Чернышевский имел все основания заявить, что «сецессионисты уже начали фактическое нападение на союзную власть, и можно сказать, что война началась, хотя еще не объявлена» (VIII, 404). Можно поэтому, полагаем мы, рассматривать упомянутое выше место в рецензии на Кэри о поддержке финансового расчета как поддержку Севера в предстоящей гражданской войне. Но что еще важнее – из-за публичной умеренности Линкольна, Чернышевский не надеялся на него, а последовательно подчеркивал значение рядовых американцев, искренне борющихся против невольничества различными способами. В частности, он упомянул о примере Джона Брауна, с именем которого он ознакомил своих читателей еще в октябре 1859 года. Браун был лидером группы аболиционистов (т.е. борцов против невольничества), которая заняла форт в Гарперс-Ферри в невольническом штате Виргинии. Они провозгласили освобождение рабов, но их попытка кончилась неудачей и все участники погибли во время перестрелки или были приговорены к смерти. В связи с этим примером, Чернышевский сделал вывод, что «по своему размеру случай этот вовсе не важен, но он очень многозначителен как первый в своем роде». Если раньше аболиционисты держались в оборонительном положении против наступления приверженцев невольничества, то теперь их «уверенность в своих силах возросла у них», и «являются стремления действовать наступательно <...> Без всякого сомнения, борьба станет постепенно принимать новый характер, и аболиционисты через несколько времени отомстят за первых своих мучеников, Брауна, предводителя горстки людей, геройски сражавшихся в Гарперс-Ферри, и его неустрашимых товарищей» (VI, 453). Имя Брауна могло появляться в прессе, но активный призыв сочувствовать ему было другим делом, тем более в непредсказуемых условиях эмансипации крестьян в России. Отсюда и ссылка на героиню Юдифь в качестве замены новых примеров из США.

В итоге его обзор американской политики дает его рецензии на книгу Кэри повод начать тему войны. Ведь он написал свою рецензию в том же январе 1861 года, в промежутке времени после победы Линкольна на выборах в ноябре 1860 года, но до момента его вступления в должность. За этот период Буханан, пока еще действующий президент, был на стороне приверженцев невольничества и поддерживал мятежников в их атаке на федеральные войска в форте Сёмтере. На Севере соответственно готовились как раз к вторжению не иностранной армии, но армии Юга. Представление о текущем моменте в США проливает новый свет на значение его высказывания об историческом пути, полного глубокого историзма. Широта исторического пути, который не ограничивается узостью Невского проспекта, соответствует подъему прогрессивного движения против невольничества в США.

Предположение о том, что зерном метафоры об историческом пути является глубокий историзм, вписывается в ряд подобных высказываний Чернышевского, включая другую его фразу: «История, как бабушка, страшно любит младших внучат» (V, 387). Закономерность его представлений об историзме позволяет нам реконструировать его интенции в его рецензии на Кэри. Формально метафора о Невском проспекте не является примером персонификации истории. Слова «он идет» не относятся к образу человека, а к маршруту исторического процесса, представленного в виде недвижимых грязных и пыльных полей. Соответственно, на первый взгляд, кажется, что история, обозначенная здесь «общественной деятельностью», противопоставлена индивиду, т.е. тому неопределенному «кто», который либо боится, либо не боится грязи и пыли. Но если глубже вникнуть в образную систему рассматриваемой метафоры, то участие в общественной деятельности, как на примере Юдифи или Джона Брауна, предполагает слияние личностного и общественного. Общественная деятельность существует не абстрактно, не отдельно от людей, а в их поступках и чувствах. Персонификация истории поэтому имплицитна.

Эта персонификация выражена знаками костюма, который представлял собой часть «langue» из-за известной критики представлений славянофилов о европейском пути развития в России. Ведь после того как Петр Первый заставил бояр сбрить бороду и надеть европейскую одежду, те, которые носили дорогой европейский костюм, боялись грязи. Но если славянофилы ограничивались русской культурой и прославлением прошлого, то Чернышевский имел в виду интернациональный, общечеловеческий процесс, развивающийся в настоящем. Если у этого «кто» нет дорогого костюма и он не боится грязи, то он способен на действие, где бы он ни был в начале 1860-х годов. Нововведение же Чернышевского состоит в масштабе представлений об историческом процессе.

Сравнение с другими текстами Чернышевского укрепляет данную интерпретацию. Например, в своей полемической статье 1859 года «Г. Чичерин как публицист» он настаивал на том, что во Франции централизации не свойственна демократия и пояснил конфликт между централизацией (прошлым) и демократией (будущим) в образе «горожанина, недавно переселившегося в деревню и прогуливающегося по полю в палевых перчатках и лакированных сапогах» (V, 654). Из-за повторения противопоставления между городом/денди и полем/простым, не коррумпированным цивилизацией человеком, выходит, что образ горожанина точно совпадает с образом человека, привыкшего гулять по Невскому проспекту, но который боится грязи. Между тем, по Чернышевскому, грязь имеет очищающую силу и связана с перспективой дальнейшего развития общества. Если по схеме XVIII века Просвещение развивалось по инициативе верхов, по примеру аристократической Франции, то в 1860-е годы прогресс представляется автору как реакция против искусственного, элитарного характера Просвещения. В рамках такой инверсии культурного процесса Чернышевский закончил образ горожанина мыслью, что можно надеяться, что, «поживши в деревне, он отвыкнет от этой великосветской дряни» (там же). Если денди, которые боятся грязи, откажутся от общественной деятельности, то хорошо. История уже идет шире, чем деятельность подобных людей в столицах, оторванных от народа.

В связи с данной инверсией нарратива о развитии культуры несложно понять, как образ Америки в статьях Чернышевского служил маркером для краха старого миропорядка и торжества нового, о котором публицист открыто сказал своим читателям в феврале 1861 года (VIII, 409). Антитезой образа денди в городе дан образ бедных ирландских иммигрантов в США. Если в Ирландии человек пил из-за произвола английского колониализма, который явным образом напоминал о ситуации в России, то по другую сторону океана ирландец замечает, что деньги, заработанные им, остаются у него, и в скором времени вы увидите его «переродившимся». Он трудолюбив, бережлив, «у него есть уже небольшой капитал, он отправляется в западные штаты, приобретает участок земли, строит дом, становится примерным земледельцем, он заботится дать образование своим детям и сам он, несмотря на свои 40 или 45 лет, выучивается читать» (V, 333). Вот ход просвещения не сверху, а по самостоятельной инициативе простых людей, как только у них появляется возможность самообразования.

В научной литературе отчасти выражено положение о симметрии во взглядах Чернышевского на Россию и Америку. Редакторы VII тома собрания сочинений Чернышевского подчеркнули его интенцию критиковать не только американского и русских экономистов, но и реакционную элиту обеих стран: «Критикуя американских плантаторов-

рабовладельцев, Чернышевский направляет острие своей статьи не только против «североамериканских патрициев», но и против самодержавия и российских крепостников-помещиков» (VII, 1045). Но если американский Юг (и также угнетенная Ирландия) напоминал крепостную Россию, то Новая Англия и, в результате переселения выходцев из Новой Англии, западные штаты показали пример будущей жизни для России. На это редакторы и комментаторы собрания сочинений Чернышевского не указывали, несмотря на то, что Чернышевский подчеркнул, что в отличие от плантаторов Юга «северным свободным людям они братья по происхождению, по прежнему дружному и славному прошедшему» (VIII, 408). Если в России Чернышевский мог, с учетом конкретных исторических реалий, защищать общину, то в своем февральском политическом обзоре он защищал быт тамошних землепашцев: *«На Севере земля занималась простолюдинами, до энтузиазма любившими труд и бежавшими из Англии, чтобы стать за океаном людьми независимыми: каждый из этих людей отыскивал себе кусок земли, который мог бы дать полное занятие труду его семьи, но не больше, потому что единственными работниками на него были он сам и его подраставшие сыновья. Север с самого начала был, как теперь остается, страной поселян-собственников, перед массой которых исчезают все другие сословия»* (VIII, 410).

Чернышевский здесь четко выражает свою поддержку быту американских фермеров, их борьбе за независимость.

В итоге можно утверждать, что метафора о Невском проспекте не является скрытым призывом к революционной перестройке общества, но включает в себе глубокий скепсис в лидерах. (Чернышевский не знал, что Линкольн все-таки справится с поставленными задачами.) Чернышевский выражал поддержку глубокому историческому процессу в США, который вдохнул в него надежду, что победа прогрессивных сил даст толчок к сдвигу ситуации в России, на что он намекал открыто в своем февральском обзоре «Политика» (VIII, 409).

Разумеется, местная русская топография метафоры о Невском проспекте передает некоторый особенный национальный колорит, который можно более подробно рассмотреть. Но задача данного сообщения сводится к тому, чтобы заново описать полемический контекст в связи с рецензией на перевод писем Кэри и январским политическим обзором о США, в которых главная тема все-таки – предстоящая гражданская война в США.

В заключение, которое можно рассматривать в плане перспективы изучения Чернышевского, можно сказать, опираясь на подход Скиннера: Чернышевский не мог иметь те интенции, которые были приписаны ему Лениным уже потому, что современный Ленину язык еще не

существовал в 1861 году. Разумеется, такой итог не должен являться сюрпризом, но он проливает свет на то, что в течение десятилетий анализ Чернышевского Америки не был всесторонне изучен (в том числе на Западе). Если Чернышевский критиковал Линкольна за его умеренность, то есть основание предположить, что он бы приветствовал более решительную позицию Линкольна после 1862 года, которая выражена в 13-й поправке к американской конституции, запрещающей невольничество во всех штатах. Между прочим, подобное предположение находит дополнительное оправдание в том, что Маркс критиковал Линкольна за его умеренность (как и Чернышевский), но потом лично написал Линкольну письмо, поздравляя с победой на президентских выборах в 1864 году⁶. В 1950 году, когда VII и VIII тома собрания сочинений Чернышевского были изданы, редакторы отметили только критику Маркса в адрес Линкольна.

Предположение о том, что стоит переосмыслить отношение Чернышевского к Линкольну, является ответом на пробел в научной литературе по этому вопросу. В результате этого пробела возник парадокс в работе Франко Вентури о народничестве, где имя Линкольна косвенно связано с именем Чернышевского тем, что убийство Линкольна в 1865 году будто бы повлияло на покушение в 1866 году на Александра II Дмитрием Каракозовым, якобы поклонника Чернышевского⁷. Необходимо твердо подчеркнуть, что имя Чернышевского находит свое место тут рядом с именем Линкольна, а никак не рядом с террористами 1860-х годов, как в США, так и в России.

Примечания

¹ Вопрос о рецепции фразы Чернышевского затронул профессор Кантор в своей статье «Что значил разумный эгоизм в общинной стране?» (*Н. Г. Чернышевский*. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 2013. Вып. 19. С. 9).

² О вкладе Кембриджской школы см. обзор о ней и перевод двух статей *Джона Покока* в «Новом Литературном Обозрении». Стоит отметить отдельно, что автор обзора *Олег Хархордин* особо упомянул о Чернышевском (НЛО. 2015, №4 (134). С. 21-132. Особенно С. 124).

³ *Чернышевский Н. Г.* Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. *Г. К. Кэри*. Пер. с англ. // Современник. 1861. № 1 (январь). Отдел II. С. 35-52 (VII, 909-923).

⁴ <*Катков М. Н.*> Старые боги и новые боги // Русский вестник. 1861. Февраль. С. 894.

⁵ *Маркс К, Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. М., 1958. Т. 12. С. 673-674.

⁶ Вопрос о статьях *К. Маркса* об Америке является на Западе предметом переоценки, см.: *Karl Marx. Dispatches for the New York Tribune : Selected Journalism of Karl Marx.* Penguin Classics. London, 2007. С. 259.

⁷ *Franco Venturi. Roots of Revolution.* 2nd edition, London, 1983. С. 344.

**ИДЕИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЖИТЕЙСКОЙ ЭТИКИ**

Понятия и основные принципы профессиональной и житейской этики всегда являлись достаточно актуальными, острыми, спорными, вызывали бесконечные дискуссии как в XIX–XX вв., так и в настоящее время в научной, профессиональной и житейской среде. Это связано, по нашему мнению, с целым рядом регламентирующих обстоятельств:

во-первых, затрагивающих мировоззренческие, профессиональные, нравственные, психологические аспекты личности;

во-вторых, подвергающих внутренний мир личности некоторой унификации, то есть приведению присущих норм поведения к единой системе и форме;

в-третьих, идентификации личности, представленной в качестве специалиста в конкретной области, с определенной профессиональной группой, в которую он входит.

Человеку, как известно, достаточно трудно менять свои принципы, расставаться с той свободой, которой он ранее обладал как в пределах своей непосредственной работы, так и в условиях семьи. Для того чтобы процесс реализации на практике принципов профессиональной и житейской этики проходил менее болезненно, необходимо четкое понимание важности их освоения как для самого человека, представителя конкретной профессии, организации, семьи, так и для дела, которому он служит, для благополучия родных и близких, которыми дорожит.

Бесспорно, что политические, педагогические, социокультурные¹ идеи Н. Г. Чернышевского всегда оказывали решающее воздействие, особенно на образованную, читающую часть населения, прежде всего, на молодежь. Считаю, что исследование идей мыслителя относительно рассмотрения принципов профессиональной и тесно связанной с ней житейской этикой является своевременным и позволит не только продвинуться вперед в освоении бесценного наследия Н. Г. Чернышевского, но и использовать на практике разработанные им актуальные принципы и технологии реализации.

В настоящее время в научно-исследовательской литературе профессиональную этику рассматривают как совокупность определенных обязанностей, норм и правил поведения, регулирующих отношения и поддерживающих моральный престиж определенной профессиональной группы. По своей сути профессиональная этика представляет собой специфический нравственный кодекс работников конкретной профессии². Одновременно, используется и более широкое понятие общепрофессиональной этики, которая опирается на общечеловеческие

принципы морали применительно к условиям специальной деятельности в рамках определенной профессии, выполняющей в обществе одинаковые функции, выработанные в процессе этой деятельности и единые по своим нравственным нормам.

Менее разработанным в современной научной литературе является понятие житейской этики, хотя используются близкие ему по смыслу понятия повседневной этики, бытовой этики, этики семейных отношений и другие. Нам представляется, что Н. Г. Чернышевский нашел и использовал очень емкий по содержанию и соотношению с действительностью термин «житейское дело». В статье «Характер человеческого знания» он утверждает, что в любое житейское дело надо «всматриваться и вдумываться, когда желаешь не наделать слишком много...грубых ошибок»³. В немногочисленных работах по житейской этике и психологии авторы отмечают их взаимосвязь с житейской мудростью (В. Н. Красных), с житейской психологией (А. Н. Занковский). Можно констатировать, что основу житейской этики составляют подтвержденные практикой знания и опыт, накопленные человеком в повседневной жизни и ставшие нормой его самосуществования, регулятивом замыслов и поступков в окружающем жизненном пространстве.

Обратимся к выделению и анализу некоторых принципов профессиональной и житейской этики, представленных в творческом наследии Н. Г. Чернышевского.

Основной принцип рассмотрения нравственного начала применительно к производственной деятельности Н. Г. Чернышевский определяет⁴. Именно нравственные качества человека, а не обладание эксклюзивными «внешними предметами» позволяют ему добиваться «обширности результатов» в своей работе. В процессе любой деятельности важно не просто желать добра другому человеку – своему коллеге, наставнику, члену семьи, – а хорошо «знать сущность того дела, о котором принимаешься судить».

С 1885 г. по день смерти Н. Г. Чернышевский работает над переводом «Всеобщей истории Г. Вебера» и переводит одиннадцать с половиной томов, кроме того, успевает полностью подготовить к печати один том для второго издания. «В статьях, приложенных к переводу «Всеобщей истории Г. Вебера», он отмечает важность привычки мыслить, необходимость умственного развития человека (в нашей интерпретации это относится и к его профессиональной, и к семейной жизни), потому что «имеет тенденцию улучшать понятия человека о его обязанностях относительно других людей, делать его более добрым, развивать в нем понятия о справедливости и честности»⁵.

Полагаем, что в настоящее время актуальна также идея Н. Г. Чернышевского о самоуважении человека к собственной личности;

его понимание близко по содержанию к современным понятиям – «самодостраивание» и «самодостаточность» личности. Однако, с любовью относясь к себе, – считает мыслитель, – невозможно быть довольным абсолютно всем и принимать как благо весь окружающий мир, потому что в действительности много боли, несправедливости, страдания, которые требуют своей нравственной оценки и соответствующего отношения.

Приступая к ведению отдела «Политика», Н. Г. Чернышевский своей целью видит использование исторического опыта Западной Европы для освещения наболевших вопросов русской жизни и поиска путей к их разрешению. Вне поля его зрения не остаются и простые граждане, которые, как известно, бывают разными. Так, «дурные люди бессильны: их мало на свете, без помощи честных людей они могли бы заниматься разве только мелким плутовством» и в целом «добро невозможно без оскорбления зла», которое «само в себе носит противоядия против себя»⁶. Вывод суров, но справедлив: реально существующее в мире зло противоречит законам нравственности и должно понести наказание, тем более что в потенциале оно уже содержит внутри себя свое разрушение.

Не менее важным для Н. Г. Чернышевского является принцип взаимосвязи нравственного начала с языком и характером человека, потому что, действительно, «бойкость речи, бойкость характера не ведут ни к чему полезному для людей, если мотивом слов и поступков бывает не чувство любви к людям»⁷. С точки зрения мыслителя, правильным и благородным является способность «держаться свое слово», не изменять ему, действовать и говорить с человеком «начистоту», «без всяких затаенных мыслей», потому что «колкости и намеки ровно ничего не доказывают и непозволительны в серьезном деле», а профессиональную деятельность, как мы полагаем, следует считать очень важным делом, составляющим материальную основу семьи, самого работника, дающую ему возможность творчески развиваться, самосовершенствоваться. При этом нужные, вовремя сказанные слова делают человека сильным, способным совершать великие дела и поступки.

Каждый специалист, стремящийся сделать карьеру, подняться вверх по служебной лестнице, вынужден вступать в достаточно сложные, порой конфликтные взаимоотношения с начальством и сослуживцами. Н. Г. Чернышевский прозорливо пишет о карьеристах, которые кажутся вначале достаточно умными людьми, однако, добившись «первого места в каком-нибудь деле», они в действительности «оказываются очень плохи». Всю свою энергию, ум они тратят на изворотливость, мелочность, а не на важные государственные дела, что, по своей сути, уже является безнравственным и бесперспективным.

В диалоге и споре как естественных формах общения, по мнению Н. Г. Чернышевского, важно вести себя столь профессионально, этично, достойно, чтобы «самолюбивый противник сознал себя виновным и

раскаялся». Полагаем, что нахождение вербальных и невербальных аргументов в изложении содержания и декларировании собственной позиции в настоящее время является весьма актуальным для профессионалов разных областей. Кроме того, воспринимая речь другого человека, слушатель часто понимает «невинные слова в низком смысле», как часто говорят в повседневной жизни – «судят по себе». Подобная позиция также является безнравственной как в профессиональной, так и в семейной жизни и может только осложнить и так непростые взаимоотношения на разных уровнях и в различных сферах жизнедеятельности.

Особо пристальное внимание Н. Г. Чернышевский уделяет рассмотрению положения женщины в семье, ее взаимоотношениям с супругом и детьми. Такая направленность весьма своевременна и объяснима значимостью женского и связанного с ним материнского начала не только на уровне семьи, но и общества в целом. В каждодневной повседневной жизни, когда приходится решать множество больших и малых бытовых проблем, отмечает он, может пройти влюбленность, но это совсем не значит, что «нельзя перестать быть другом». Рассматривая любовь, радость материнства и отцовства в качестве наиважнейших общечеловеческих ценностей, Н. Г. Чернышевский справедливо полагает, что семейная любовь, семейные отношения, семейный очаг влияют на человека и как на работника, и как на мужа, отца, сына. Если супруг честен, заботлив, внимателен, нежен на протяжении всей семейной жизни, то его спутнице ничего не следует бояться ни за себя, ни за своих детей – именно из этих отношений она черпает внутреннюю свободу, работоспособность, стабильность и веру во все хорошее.

Отсюда следует, что дружба, по мнению Н. Г. Чернышевского, является не менее важным нравственным чувством. Настоящий друг, проводящий целые недели у постели больного товарища, делает пожертвование гораздо более тяжелое, чем, если бы он просто отдавал ему свои деньги на лечение и уход, потому что в процессе их общения происходит сопереживание, сочувствие, соучастие в выздоровлении. При этом затрачивается личное время, возможно, в ущерб каким-то другим, не менее важным делам, которые тоже не терпят отлагательства. Но что может быть дороже жизни и здоровья друга? Скорее всего, именно подобное соучастие в судьбе нуждающегося, больного, страждущего придает тому силы для выздоровления и победы над своими недугами. И, наоборот, глупость, пошлость, высокомерие одного человека доставляют страдания, боль, унижения другому, то есть, по своей сути, являются безнравственными, весьма болезненными и крайне обидными для каждого, кому необходимы реальная помощь и поддержка.

Таким образом, в творческом наследии Н. Г. Чернышевского содержатся достаточно перспективные в теоретическом и практическом аспектах идеи, актуальность которых в современном многополярном мире с быстро изменяющейся архитектурой мировых связей и отношений, глобальными конфликтами и рисками, возрастающим хаосом, отсутствием адекватной системы управления, глобальной этики и глобального права, не вызывает сомнения.

Выделенные выше в творческом наследии Н. Г. Чернышевского идеи о «приоритете нравственного над материальным», «самоуважения человека к собственной личностной индивидуальности», «безнравственности зла, в потенциале разрушающего самого себя», «взаимосвязи нравственного с языком и характером человека», по нашему мнению, можно идентифицировать как принципы, которые определяют содержание и направленность профессиональной и житейской этики. Данные принципы, сформулированные еще в XIX в., предстают в настоящее время как основания культурно-цивилизационного диалога, являющегося, по мнению первого вице-президента Российского философского общества, профессора А. Н. Чумакова⁸, единственным способом преодоления современных глобальных противоречий и рисков.

Примечания

¹ См. подробнее: *Лысикова Н. П.* Социокультурные идеи Н. Г. Чернышевского : современная интерпретация // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 18; *Лысикова Н. П.* Идеи Н. Г. Чернышевского о культурной самоидентификации человека // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. Саратов, 2013. Вып. 19.

² См. подробнее: *Александров Д. Н.* Логика. Риторика. Этика : учеб. пособие. М., 2004; *Философия и этика : сборник научных трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова.* М., 2009; *Назаров В. Н.* Прикладная этика. М., 2005.

³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1951. Т. 10. С. 732.

⁴ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1948. Т. 4. С. 473.

⁵ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1951. Т. 10. С. 910.

⁶ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1949. Т. 6. С. 281; 1947. Т. 3. С. 22; 1939. Т.1. С. 129.

⁷ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 598.

⁸ Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления [Электронный ресурс] // Вестник глобализации. 2010. № 2(6). С. 3-15. Эл. аналог печ. изд. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130853/> (дата обращения: 05.10.2014).

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЛЬВОВСКАЯ ГАЗЕТА «СЛОВО»: К ВОПРОСУ О ЛИДЕРСТВЕ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ РУСИНОВ

История Галиции, в частности история проживающих там русинов, довольно сложна. Уже в XII веке на территории нынешней Западной Украины существовало Галицкое княжество, которое считалось частью православной Киевской Руси. Естественно, население Галицкого княжества можно считать “русским”. Недаром русины звались “русскими”. А после распада Киевской Руси в XIV веке земля Галиции вошла в состав королевства Польского, потом в состав Речи Посполитой. Сформировалось привилегированное феодальное сословие шляхты. Пошла полонизация верховной части русинского общества. Под влиянием поляков после “Брестской унии” в конце XVI века униатская церковь укоренилась и стала местной религией Галиции. Ситуация стала еще сложнее, когда произошел первый раздел Польши в 1772 году, в результате которого Галиция была присоединена к Австрийской империи, было искусственно создано Королевство Галиции и Лодомерии со столицей во Львове.

Известно, что после Наполеоновских войн в Европе возникло пробуждение национального самосознания, формировались национальные государства. В Австрийской империи, в частности, «будители» разных наций стремились восстановить свой язык, литературу, национальность. Еще в 1826 году в Пеште австрийскими сербами было основано общество «Матица» с целью пробуждения национального самосознания. А в Галиции ко времени революции 1848 года была создана «Галицко-русская матица», и сформировалось прорусское движение, которое получило прозвище «Москофильство». Сначала участники движения пытались обработать свой язык, так называемое «язычие», смешением разговорного, древнерусского, церковно-славянского и русского языков, а к началу 60-х годов они начали признавать русский литературный язык как общеславянский язык¹. Естественно, среди них появилась идея издавать свою газету на своем языке. Таким образом 25 января 1861 года во Львове вышел первый номер газеты «Слово». Издателем газеты стал М. А. Качковский, первое время ему помогал митрополит Григорий Яхимович.

Рецензия Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность» на эту газету появилась на страницах VII книги «Современника» за 1861 год. Рецензируя первые два номера львовского «Слова», Чернышевский подверг критике его направление за то, «что они не хотят соединиться с другими малороссами», и за то, что «львовское «Слово» предпочитает Австрийцев полякам», и «из-за воспоминаний о старине проникаются они

преданностью к нынешнему общему неприятелю их» (VII, 777). Привычно считать, что в условиях обострения революционного движения в Польше критика Чернышевского была направлена на узкий национализм русинского «Слова» в его активной поддержке требования независимости Польши. Утверждали, будто его критика могла бы восприниматься как предупреждение русинскому «Слову», чтобы оно не мешало польскому революционному движению. И считали, что «эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно демократической и пролетарской точкой зрения». Но если Чернышевский понимал, что «*шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»², как отметил В. И. Ленин, то, требовал ли он от угнетенных русинов подчиниться шляхте, чтобы освободить последних?

Вчитаемся в рецензию внимательнее. Прежде всего, отметим, что Чернышевский хорошо понимал, что «поляки в течение 400 лет угнетали малорусскую народность в Галиции» (VII, 777). Он признает, что долгое время русины в Восточной Галиции были угнетены польской шляхтой. Более того, нужно обратить внимание на то, что в этой рецензии Чернышевский не раз выражает свою «симпатию», свое «сочувствие» к русинам, что явно противоречит вышеуказанной точке зрения. Следовало бы понимать, что эта рецензия была написана не только для поддержки успешной революции поляков, но и для блага самих русинов. Скорее, в центре его внимания был вопрос благополучия русинов, собственно говоря, благополучия русинских крестьян.

На самом деле, хотя в результате революции 1848 года и отменены крепостные повинности в Галиции, русинские (по их самоназванию, «русские») крестьяне находились в тяжелом положении. Были отменены сервитуты, крестьяне потеряли права на лес и пастбище, права на рыболовство, помол хлеба и т. д.³ Русинские крестьяне попали в бедственное состояние, попали в класс «сельских пролетариев».

В этих обстоятельствах Чернышевский видит основу данной проблемы в материальном положении русинских крестьян. Он отмечает, что «тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а нисколько в национальностях или вероисповедании» (VII, 792). Более того, хотя нет непосредственного упоминания (наверное, по цензурному соображению), вполне возможно полагать, что здесь Чернышевский имеет в виду не только судьбу «русских» (т.е. русинских), но и судьбу русских крестьян, потому что, хотя царским манифестом 19 февраля и было отменено крепостное право в России, русские крестьяне были обязаны по-прежнему нести повинности и работать на помещиков. Нарастало недовольство крестьян, обострялась ситуация. В некоторых районах только что формально «освобожденные» крестьяне поднимали восстания, которые

подавлялись. Были принесены напрасные жертвы. Когда Чернышевский писал эту рецензию, Бездненские волнения в апреле 1861 года еще не стали далеким воспоминанием.

Таким образом, надо особенно обратить внимание на двусмысленность слова «русский». В этой рецензии под словом «русский» Чернышевский иногда подразумевает и «русинский», и «русский». Например, когда он говорил, что «мы признаем и убеждены, что русскому (русинскому) народу нужно больше просвещения» (VII, 778), «русинскому» поставлено в скобках. Отсюда ясно, что он имеет в виду не только русинский, но и русский народ, которому тоже «нужно больше просвещения». Говоря о Галиции, он одновременно имел в виду и Россию.

Несомненно, что, не говоря уже об освобождении русского народа, Чернышевский совсем не против освобождения русинского народа вообще. Он рассматривал судьбу русинов параллельно с судьбой русских крестьян. Только проблему он видел в руководителях, в их органе «Слово». Тогда в чем же Чернышевский видит недостатки газеты «Слово»?

Критика Чернышевского в адрес русинской газеты «Слово» начинается с цитат из первой страницы первого номера «Слова»: «Благослови нас на дело, на добрый подвиг духа, да соблюдем веру и отечество», «честно служивший богу своим словом» и т. д. (VII, 776). Мы не можем установить, в каком контексте написаны эти фразы «Слова», потому что у нас в руках нет оригинального текста данной цитаты. Но все-таки, вероятно, эти фразы были написаны по-русски. И Чернышевский тоже так считал. Он отметил, что «это язык, которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде⁴, а не в Киеве или Львове» (там же). По его мнению, так как русины являются одной ветвью малорусского народа, «Слово» должно было печататься по-малорусски.

Кроме вопроса о языке, Чернышевский подверг строгой критике влияние духовенства в национальном движении русинов. Из вышеуказанной цитаты ясно, что львовское «Слово» носит религиозный оттенок. Дело в том, что когда во Львове в ходе революционных событий 1848 года была организована «Галицко-русская матица», почти одновременно по инициативе австрийского правительства была создана «Головна руська рада», чтобы поддерживать русинскую национальность против поляков. Такова была политика «национального раздора» Меттерниха⁵. Большинство членов «рады» составляло духовенство. Тогдашний епископ Григорий Яхимович был избран председателем этой «рады». Поэтому его можно считать одной из центральных фигур русинского национального движения. Недаром, как уже сказано, изданию Львовского «Слова» помогал митрополит Григорий Яхимович.

Ссылаясь на вторую статью первого номера «Слова», который вышел в день одноименного святого Григория Богослова, Чернышевский резко

критиковал тесную связь между редакцией газеты «Слово» и митрополитом Григорием. Прежде всего, Чернышевский сомневался в способности русинского лидера: «Руководителями в каждом деле должны быть те люди, которые наиболее способны управлять этим делом успешно, хорошо, ... Но политика никогда, конечно, не была и не будет специальностью русинского первосвященника» (VII, с. 782). «О мирских делах надобно заботиться мирским людям» (VII, с. 783).

К сожалению, такой способный мирской руководитель не появился в истории русинского национального движения. Чернышевский говорил: «Если в племени (по нашему, «нации») слишком мало людей, которые могли бы быть журналистами, администраторами, ораторами, этому племени еще рано думать о политической роли, это племя еще слишком неразвито, и, задумав играть самостоятельную политическую роль, оно только впало бы в руки интриганов» (VII, 783).

По оценке Чернышевского, «малорусское племя – племя из 15 миллионов человек», а русинов «только 3 миллиона». «Одна галицийская часть малороссов так мала, что не в состоянии иметь своей отдельной порядочной литературы» (VII, 776). Поэтому русины не способны составлять свою отдельную народность. Более того, среди русинов нет способного руководителя. Они не способны вести борьбу, освободить себя. Вообще, в этой рецензии Чернышевский отрицательно относился к национальному движению русинов.

Но нужно понимать, что это только одна сторона медали. Его рецензия была написана не только для успешной поддержки польского революционного движения, но и для блага русинских крестьян. Он был убежден, что нужно удерживать безрассудное национальное движение русинов, не потому что оно мешало бы польской революции, а потому что это приведет к вооруженной борьбе. А неудачная борьба принесет напрасные жертвы. В неподходящей ситуации, в нехватке условий никто не виноват, а виноват тот, кто ведет народ к неравной борьбе ценой любых жертв.

Поэтому Чернышевский резко упрекал руководителей русинов, которые вопреки их неспособности, вопреки нехватке условий, разжигают национальное сопротивление. Чернышевский упрекал их за их «наивное заблуждение», «младенческую неопытность и неразвитость», и осудил их: «Вы – действительно не больше, как дети в политических делах» (VII, 782-783). Таким образом, критика Чернышевского была адресована не русинскому народу, а была адресована его руководителям.

Вместо заключения отметим, что в данной рецензии Чернышевский поставил вопрос о руководителях политического движения. Вопрос о необходимости «людей энергического ума и характера, способных обдумывать данное положение, понимать данное сочетание обстоятельств, сознавать свои потребности, соображать способы к их

удовлетворению при данных обстоятельствах и действовать самостоятельно» (VII, 887). Именно по этому вопросу Чернышевский развернул свои идеи в статье «Не начало ли перемены?», которая опубликована в XI книге «Современника» 1861 года. Беря в качестве примера лошадь, которая «вдруг встанет на дыбы или заржет и понесет» и «искусную и сильную руку», он подчеркивал необходимость появления мудрого руководителя, который «искусной и сильной рукой» схватит вожжи и даст «надлежащее направление порыву» (VII, 881). Рассматривая эту проблему, Чернышевский связал национальное движение русинов с крестьянским движением в России и поставил вопрос о необходимости руководителя как общую задачу политического движения.

Примечания

¹ См.: Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2001. С. 47.

² Ленин В. И. Решение лондонского международного конгресса 1896 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 25. С. 297.

³ Пашаева Н. М. Указ. соч. С. 63

⁴ Родной город Минина, символа народного ополчения 1612 г.

⁵ См.: [Аксаков И. С.(?)] Сноски к статье «Протест Галицких русинов» // Русская беседа. 1869. №. 6. Смес. С. 81-82.

Т. Д. Белова

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ОЦЕНКЕ КРИТИКОВ И ЖУРНАЛИСТОВ 1910-х ГОДОВ (Е. А. ЛЯЦКИЙ И ДРУГИЕ)

Судьба выдающегося русского мыслителя, просветителя, одного из умнейших людей в России, автора многотомного собрания сочинений, трагична вдвойне. Обреченный несправедливым царским судом на многолетние тяжелые физические и нравственные страдания, он испытал на себе прижизненное гонение собратьев по перу, сторонников «чистого искусства». Нападки на Н. Г. Чернышевского, как основоположника «крайнего материализма» реалистов, продолжались и после его смерти. Начатый эстетствующими модернистами 1890-х годов после резких выступлений Д. Мережковского («О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе», 1892 г.) и А. Волынского (Флексера), автора напумевшей книги «Русские критики», поход против Чернышевского, Добролюбова, Писарева продолжался в литературной среде и в начале XX века. Хотя ещё в 1893 году Вл. Соловьёв признал переиздание литературно-критических статей и диссертации Чернышевского «первым шагом к положительной эстетике»¹.

«Каких только небылиц не возводят и поныне на литературную деятельность Белинского, Чернышевского, Добролюбова! – писал Вл. Кранихфельд в статье «О критике и критиках». – Кто только не плюёт на эти светлые страницы русской критики!»². При этом среди имён «плюющих», кроме А. Волынского, были названы имена М. Гершензона, Ю. Айхенвальда и др.³

К сожалению, официальная критика не заметила выпущенную в петербургском издательстве «Огни» книгу «Н. Г. Чернышевский в Сибири. Переписка с родными» (1911–1913), три части (выпуска) которой были подготовлены и снабжены объемной, содержательной вступительной статьёй Е. А. Ляцкого. Не стала, к большому сожалению, эта публикация важным явлением и для составителей «Летописи литературных событий в России конца XIX – начала XX вв. (1891 – октябрь 1917)»⁴. Правда, здесь отмечен факт выражения благодарной памяти Чернышевскому на страницах газеты «Дело народа» 19 мая 1917 года статьями Р. В. Иванова-Разумника «Крестный путь (Н. Г. Чернышевский как революционер)» и Н. С. Русанова «Н. Г. Чернышевский как нравственный тип социалиста»⁵. Конечно, названные авторы акцентировали социально-политические стороны воззрений мыслителя. А. Горнфельд, В. Чудовский писали о Чернышевском-«атеисте», «публицисте». Об «абсолютной, в истории преломлённой, в личности отражённой, правде» Чернышевского писала в декабре 1915 года З. Гиппиус⁶. Даже А. Волынский, к 1916 году снизивший градус критических оценок реалистов, порицая В. Розанова за хулу, возводимую на русских писателей, подчеркнул, что «в тирадах ... Чернышевского, даже самых неумеренных по своему характеру, никогда не переставала звучать струна благородного мужества»⁷.

Как видим, разброс мнений о Н. Г. Чернышевском в начале XX века был очевиден, но позитивные оценки и суждения уже не были редкостью. Смена вектора ценностных критериев в общественном сознании россиян была налицо. Свою роль в оздоровлении общественного мнения о Чернышевском, думается, всё же сыграла книга «Н. Г. Чернышевский в Сибири...». Её основу составила, казалось бы, частная, но на редкость содержательная переписка с родными гениального русского мыслителя-философа, образованнейшего человека, отправленного царским судом на семнадцать лет в далекие сибирские снега и болота. М. Горький, неоднозначно оценивший идеи романа Чернышевского «Что делать?», в своих лекциях для слушателей Каприйской школы нелестно охарактеризовал русскую разночинную интеллигенцию, вынужденную выдумывать «революционное старообрядчество, Рахметова, Стожарова и кучу других святейших интеллигентов, ... кучу всевозможных иллюзий»⁸. Теперь, после прочтения первого выпуска книги о Н. Г. Чернышевском в Сибири, он изменил свое отношение к одному из этих «выдумщиков». В

марте 1912 года он написал Е. А. Ляцкому: «...почтительно кланяюсь Вам за превосходную работу о Чернышевском»⁹.

Тогда ещё не вышел в свет третий выпуск книги. Познакомившись с первым выпуском труда «Чернышевский в Сибири», Горький 29 сентября 1912 года обратился с вопросом к А. В. Амфитеатрову: «Читали Вы переписку Чернышевского с женой? Какая ужасная книга! Я читал и чуть не плакал»¹⁰. В письме к А. С. Черемнову также в сентябре 1912 г. он спрашивал: «Читали Вы письма Чернышевского к жене, изданные Ляцким? Какая трагическая книга и как «житиен» этот удивительный русский революционер. Да, можно писать «Житие преподобного Николая Чернышевского». Иже во святых. *Иже во святых*» – (курсив М. Г.)¹¹.

Всё это, естественно, привлекает внимание, вызывает вопросы и побуждает к рассмотрению очень своевременного, важного вклада Евгения Александровича Ляцкого в затянувшееся исследование о Чернышевском. Авторитетный в 1910-х годах историк литературы, журналист, издатель и писатель, редактор организованного по инициативе М. Горького журнала «Современник», находившийся в близких отношениях с семьей А. Н. Пыпина, он опубликовал на протяжении 1908-1913 годов в столичных журналах («Современный мир», «Современник», «Познание России») серию статей о Чернышевском¹². Среди работ Ляцкого, безусловно, важное место занимает фундаментальное историко-философское исследование о жизни Н. Г. Чернышевского в Сибири¹³.

Однако имя Е. А. Ляцкого, фольклориста и этнографа, ученика В. Ф. Миллера, литературоведа и публициста, последователя культурно-исторической школы А. Н. Пыпина и волею судеб оказавшегося в родстве с семьей академика после женитьбы на старшей дочери Пыпина, Вере Александровне, оказалось незаслуженно забытым. Мельком назван он в сравнительно недавно вышедшей книге, подготовленной к переизданию саратовским исследователем А. Озерянским «А. Н. Пыпин. Мои заметки» (1996 г.)¹⁴. Профессор А. А. Демченко, автор научной биографии Н. Г. Чернышевского в четырех частях, справедливо назвав Ляцкого одним из первых биографов Чернышевского, в контексте своей научной биографии писателя, с учетом вновь найденных документов, упоминает Ляцкого, как правило, чтобы устранить неточности в деталях, допущенные предшественником¹⁵. Не упомянут Е. А. Ляцкий и в антологии «Н. Г. Чернышевский: pro et contra» (СПб., 2013). Не названо его имя и в обстоятельной статье Н. М. Чернышевской «К истории создания дома-музея Н. Г. Чернышевского (Сотрудничество с В. А. Пыпиной в 1920-1930-е годы)»¹⁶.

Причины умолчания либо упоминания этого имени в критическом контексте, разумеется, есть, и они разные. Очевидно, имеются не известные нам этические обстоятельства. Но одно из них, и немаловажное, объясняется фактором времени: имя эмигранта

исключалось из научного оборота по вполне понятным идеологическим соображениям. После Октября 1917 года, не приняв революционные преобразования в стране, сын белорусского дворянина Е. А. Ляцкий выехал сначала в Финляндию, затем в Швецию, где организовал издательство «Северные Огни». Обосновавшись с 1922 года в Чехии до своей смерти в 1942 году, он жил в Праге, занимая должность профессора русского языка и литературы в Карловом университете. Кстати, здесь Ляцкий, по примеру Горького, возглавлял Комитет по улучшению быта российских учёных, оказавшихся в эмиграции. Почётный доктор Белградского университета, почётный член Союза русских писателей и журналистов, он много сделал для популяризации русской литературы в славянских странах¹⁷.

Тема «Чернышевский в оценке русской критики и журналистики 1910-х годов» назревала давно, после прочтения переписки М. Горького с Е. А. Ляцким, опубликованной в 95-м томе «Литературного наследства» «Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка» (1988). Однако развернутая вступительная статья к переписке и освещение причин «охлаждения» Горького к редактору журнала «Современник» (Ляцкому инкриминировалась приверженность «к культурно-исторической школе в литературоведении», тогда числившейся буржуазной, нежелание критика выходить «за круг культурно-просветительских задач» и то, что он не оправдал надежд Горького на создание журнала, как идейно выдержанного органа освещения «широких общественных идей и вопросов»¹⁸) в известной степени явились сдерживающими факторами. Тем не менее, волновал вопрос: почему Горький, расходясь с Ляцким по организационным вопросам, называл его деятелем «очень культурным», обладающим «ценнейшим историко-литературным материалом».

Показательно и то, что в письме к А. В. Амфитеатрову (не ранее 23 сентября 1910 г.) Горький с возмущением отзывался о статьях Н. Минского, М. Гершензона, «нововременца» В. Розанова как о «гносном шепоте могильщиков, которые поносят мертвых, но – и боятся их»¹⁹. Выразительно здесь примечание к статье Розанова «Тьма», в которой, критикуя статью В. Богучарского «Из истории политической борьбы в 80-е годы», В. Розанов одновременно яростно нападал и на Чернышевского, и на Добролюбова, обвиняя революционеров «в дикости и самой грубой азиатской элементарности»²⁰.

Однако вскоре и Розанов написал о Н. Г. Чернышевском совсем в другом тоне. В его «Уединенном» (1912 г.) читаем: «Конечно, не использовать такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства было преступлением, граничащим с злодеянием». Признавая, что не всегда прикидывал к Чернышевскому справедливые «мерки», Розанов теперь уподобил Чернышевского Петру

Первому. Подобной природы, у которой «каждый час бы дышал, каждая минута жила, и каждый шаг обвеян «заботой об отечестве», по его мнению, со времён Петра такой «паровой машины», вернее «электрического двигателя», не было в России. «Что такое все Аксаковы, Ю. Самарин и Хомяков или «знаменитый» Мордвинов против него как деятеля, т.е. как возможного деятеля, который зарыт был где-то в снегах Виллюйска?». Позволяя себе неліцеприятно отозваться о литературных трудах и даже «коммунальных и социал-демократических идеях» Чернышевского, Розанов настаивал: «Такие лица рождаются веками; и бросить его в снег и глушь, в ели и болото... это... это... чёрт знает что такое. Уже читая его *слог* (я читал о Лессинге, т.е. начало), прямо чувствуешь: никогда не устанет, никогда не утомится. <...> Именно «перуны» в душе. Теперь (переписка с женой и отношения к Добролюбову) всё объяснилось: он был духовный, спиритуалистический «S», ну а такие орлы крыльев не складывают, а летят и летят, до убоя, до смерти или победы. <...> В сущности, он был как *государственный деятель (общественно-государственный)* выше и Сперанского, и кого-либо из «екатерининских орлов», и бравурного Пестеля, и нелепого Бакунина, и тщеславного Герцена. Он был действительно *соло*»²¹.

Такая перемена в оценках, такие страстно выраженные мысли о личности «общественно-государственного деятеля» невозможны были бы без знакомства с книгой «Чернышевский в Сибири», изданной Е. А. Ляцким.

Безусловно, обстановка 1910-х годов в России отличалась от ситуации 1890-х, когда «дело» Чернышевского оставалось всё ещё «тайным», когда статья Вл. Соловьёва о Н.Г. Чернышевском для «Закаспийского обозрения», которая, по свидетельству Веры Александровны Пыпиной, «после знаменитой статьи Герцена в “Колоколе”, была первым горячим словом о неправом суде над Чернышевским»²², но не могла быть напечатана по цензурным условиям. В 1905 году в журнале «Русское богатство» (№ 11-12) были опубликованы материалы В. Кокосова «К воспоминаниям о Чернышевском». В 1911 году в журнале «Современник» (кн. 8) Е. Я. Колбасин в статье «Тени старого “Современника”» с восхищением писал о Чернышевском, превосходном знатоке истории: «Он владел самыми обширными сведениями по истории – это был его любимый предмет, его специальность...»²³. Статьи Е. Ляцкого об отдельных периодах жизни Чернышевского до его ареста в журнальной периодике 1908–1909-х годов были первыми серьёзными обобщениями о сибирском узнике, о невосполнимой утрате его наследия в культурной жизни России конца XIX – начала XX века.

Вступительные статьи первого биографа сибирских лет Чернышевского, приуроченные к каждому из трёх выпусков по годам: 1865–1875, 1876–1877, 1878–1883, – возможно, и не свободны от

некоторых неточностей в деталях. Тем не менее, они ценны не только глубоко прочувствованным, лирически окрашенным повествованием о трагической судьбе невинно осуждённого человека, «умнейшего из всех нынешних голов» (А. Н. Пыпин), но и верно расставленными акцентами в, казалось бы, частных письмах политического каторжанина.

С первых страниц рассказа о пути Чернышевского в Сибирь автор обращает внимание на особенность поведения интеллигента, не сломленного ни кандалами, ни трудностями перемещения по этапу. Используя свидетельство Кокосова, сославшегося на рассказ С. Г. Стахевича о встрече с Чернышевским в Тобольске на вечере в его честь, Ляцкий акцентирует тот факт, что ссыльный попросил книгу немецкого физиолога Функе и «с большим удовольствием нашел в этой книге почетное упоминание о научных работах наших русских людей: Сеченова, Якубовича, Овсянникова» (Вып. 1, с. XII).

Показателен и другой эпизод, характеризующий могучий дух Чернышевского и его неугасимый интерес к людям. Его образ представлен словами одного из служащих в горном правлении Нерчинского завода. Запечатлев портрет нового поднадзорного: «сухощавый, загорелый, с длинными волосами в очках, с бородкой. Когда он оглядывал нас через очки, – чиновник признался, – нам стало не по себе, и мы вышли... За что его в каторгу сослали?..» (Вып. 1, с. XII). Далеко не все «стражи государства», выполняя предписания по охране «государственного преступника», понимали его вину и причину осуждения.

Снабдив книгу о Чернышевском в Сибири подзаголовком «Переписка с родными», издатель намеренно переводил своё исследование в жанр семейного эпистолярия. Но это был вынужденный прием: за внешним слоем частной переписки скрывался глубинный пласт серьёзных размышлений не столько публициста, сказочника, сочинителя, сколько ученого, философа, историка, этнографа, педагога. Лишенный каких бы то ни было возможностей общения с людьми своего круга, Чернышевский стремился в письмах к родным донести свои историческо-социальные, социокультурные, просветительские, педагогические и иные идеи, не утратившие своей актуальности и в наши дни. Будучи убежденным интернационалистом, он писал для людей всех наций. «Для него, – подчеркивал Ляцкий, – была важна сущность высказываемых идей, а не то, в какой форме они станут понятны людям» (Вып. 1, XXVIII). «На каторге эти стремления и идеалы не изменились. Расширилась только область фантастических образов, и все надуманное и пережитое свелось к ряду простых неоспоримых и потому невятных людям истин» (там же, XXIX). Очевидно, к таким «невятицам» можно было бы отнести прозорливые рассуждения Чернышевского о франко-прусской войне: «если бы они (французы. – Т.Б.) отдали Страсбург, один только

Страсбург, дело было бы кончено. И скольких зол милитаризма, народного разорения, скольких народных бедствий неизбежной в будущем общеевропейской войны избавлена была бы Европа. ...Ведь не туркам отдали бы они его. Просто одна крепость из рук одной культурной нации перешла бы в руки другой» (Вып. 1, с. XXIV). До сих пор мы, видно, не доросли до уровня такого общекультурного сознания.

Изоляция Чернышевского в расцвете его творческих сил, по мнению Ляцкого, подобна аресту Спасителя. «Хотя его “не «распяли”, но отняли у него возможность служить человечеству так, как он понимал это в своих пламенных, восторженно-религиозных мечтах. Это было хуже распятия, – это была мучительная пытка, длившаяся двадцать лет, и он встретил её с тою же тихою радостью самоотречения, с какой христиане первых веков встречали известие о муках во имя Христа» (Вып. 1, с. VII). И это не фигура речи, а проникновение в самую суть трагедии исключительной личности и трагедии соотечественников, лишенных мудрого путеводителя.

Ценность статей Е. А. Ляцкого, с одной стороны, в том, что они были основаны на кропотливом изучении и отборе документов, архивных материалов семьи Пыпиных, принимавших самое живое участие в судьбе осуждённого и его семьи, оставшейся без средств к существованию. С другой, – в том, что он извлек из-под спуда и предал гласности то существенное в социокультурных суждениях Н. Г. Чернышевского, что десятилетиями хранилось, и, можно сказать, томилось в руках одного семейства.

В рамках статьи невозможно передать всё богатство мыслей Чернышевского, учёного, философа. Так, о Гегеле он писал сыну: «Он нынче вышел из моды и, точно, устарел; но по силе ума и громадности знаний никто из нынешних учёных в подмётки не годится ему...». При этом многозначительно добавил: «в аттестате ему написали: “Посредственных способностей человек”» (Вып. 1, с. 138). Столь же важны и его отзывы о Фейербахе, которого он называл единственным мыслителем XIX столетия, достойным преемником Спинозы. Об устойчивости воззрений Чернышевского свидетельствует его отношение к взглядам Ньютона на систему мироздания. Симпатией к ним он проникся ещё в юности и остался верен «основаниям небесной механики Ньютона, ...которые не допускали никакого сомнения в реальности пространства и исключали всякую возможность иных не объективных способов его познания» (Вып. 2, с. XXII).

Совсем иным было его отношение к модному тогда Канту. В письмах к сыновьям (но за этим слышались призывы к современным философам, соотечественникам, усомнившимся в познаваемости мира) он советовал: «Не принимайте на веру Канта, ибо Кант отвлечёт вашу мысль от изучения реальных фактов действительности». По мнению

Чернышевского, подчёркивал Ляцкий, Кант «не будил непосредственно мысли к активному исканию реальных способов устранить реальные недуги человеческого общежития, и потому можно Канта знать, но руководящая нить мышления должна исходить не от него» (там же, с. XXI).

Говоря с сыновьями о необходимости самообразования, развития собственного самостоятельного мышления, он стремился пробудить у них «несочувствие к патентованной науке», напоминал, что знание есть «мысль в её динамическом состоянии. По данным опыта она должна была подниматься всё выше и выше. Служа людям, но не задерживаясь, не коченея по пути, не объявляя себя абсолютной истиной, конечным пределом человеческого ума» (Вып. 2, XVI-XVII).

Многие другие советы детям, в частности, «выучиться говорить на трёх языках (французском, немецком и английском) и читать книги на всех этих языках, призывы спешить, догонять европейскую науку путем самостоятельного «приобретения знания из книг и из жизни, а не из школ», важны, по мнению Е. Ляцкого, «как общая предпосылка к характеристике <...> научных взглядов Чернышевского <...> на математические, исторические и философские темы» (вып. 2, с. XVIII).

Несомненный интерес представляют и не утратившие, особенно актуальные сегодня, нравственно-этические представления Н. Г. Чернышевского, всей жизнью своей подтвердившего верность своим убеждениям и идеалу. Речь идет о непростых отношениях, фактах недопонимания, порой возникавших серьезных ссор Ольги Сократовны с семьей Пыпиных, её жалобы в письмах к мученику несвободы на нездоровье, на кажущуюся несправедливость к ней родственников. Комментируя эту ситуацию, Ляцкий, по существу, воссоздал реальную картину дополнительных страданий узника, скорбевшего и без того от сознания невозможности облегчить участь оставленных им одинаково любимых людей: и жену с детьми, и двоюродного брата с семьей.

Допуская известную долю субъективности автора комментариев, располагавшего не только материалами из архива Пыпиных, но и некоторыми устными преданиями с их стороны, тем не менее, не без основания заявившего, будто Чернышевский «скоро понял, что Ольга Сократовна, по натуре своей жизнерадостной, жаждущей личного счастья, не была создана для подвижнической жизни». Однако нельзя не сказать о деликатности пояснения Ляцкого: «в его (Н. Г. Чернышевского. – Т. Б.) отношении к ней совершилась глубокая и по-своему трогательная перемена», но она (Ольга Сократовна. – Т. Б.) «оставалась для него всё той же единственной женщиной, которую он ещё юношей решил полюбить, как “душу свою”» (Вып. 2, с. X). В статье неоднократно говорится о безграничной любви Чернышевского к жене, которую он помнил «прелестной молодой девушкой», увиденной «им когда-то на

промышленной выставке в манеже». Сибирскими темными ночами виделось ему «юное существо с нежными и строгими чертами лица, со скромно опущенным взором добрых глаз» (Вып. 3, с. VI). Это видение скрашивало тяготы одинокого томления в «душном полусыром сумраке» худого человека, «с мягким взглядом близоруких глаз», наполняло его душу «сладкими мечтами восхищения и надежды», мечтами «о разумной и блаженной жизни на прекрасной земле». Это видение делало невыносимой тоску о той, «которой он доставил столько испытаний» (Вып.3, гл. XXII, с.1).

В то же время автор вступительного повествования не упускает возможности сказать о нежной отеческой любви своего героя к сыновьям, к семье брата, к умирающему Некрасову. Рассказав о впечатлении после письма Ю. П. Пыпиной о детях, Е. Ляцкий называет ответное письмо Чернышевского настоящим гимном «той возвышенной женственности, которая тихо и незаметно творит великое дело жизни, с каждым новым поколением углубляя и совершенствуя её любовью. В такой женственности Чернышевский готов был видеть синтез человечности, проникнутой началами высшей духовной культуры» (Вып. 3, гл. XXIII, с. VII).

Непроизвольно он призывает читателей задуматься над «вечной красотой и правдой любви и дружбы там, где человеческая жизнь идёт добровольно, о себе забывая, на подвиг во имя общего счастья» (Вып. 1, с. XV). Нетленной ценностью остаются представления Чернышевского о любви, которая покоилась бы не на инстинкте, а «на прочных основаниях разума». Такая любовь была «лишь одной из идей его о смысле и благе жизни» (Вып. 1, с. LXI). А это было актуально в эпоху модернистских исканий новых форм любви, новой морали и новой духовности.

Поэтизируя чувство «вечной красоты» и «правды любви и дружбы», автор статьи подтвердил реальную возможность такого эталона. В финальной части 3-й статьи, рассказывая о возвращении под строжайшей тайной Николая Гавриловича из сибирской ссылки, повествователь заметил, что Ольга Сократовна, жившая в это время в Петербурге, после семнадцатилетней разлуки «инстинктом любящей женщины угадала приближение» мужа, «быстро собралась и поехала в Саратов. Вскоре ей дали знать, что на постоялом дворе она может увидаться с Чернышевским» (Вып. 3, с. XXXIX).

Разумеется, нам известно далеко не всё о процессе рождения этого исследования, работа над которым, по словам автора, давала ему «величайшее удовлетворение: за ней становишься сам как-то лучше и чище»²⁴. Этот очистительный огонь посылал из минувшего века в век наступивший, не менее трагический век, главный герой книги «Н. Г. Чернышевский в Сибири».

Образ невинно осуждённого истинного гражданина и патриота своей родины, представленного в этом уникальном издании, покоряет удивительной силой духа человека, не сломленного ни физическими, ни нравственными страданиями, огромным запасом жизненных сил, готовностью поделиться своими мыслями о настоящем и будущем не только в письмах, но и в статьях, в произведениях, которые он писал с невероятным упорством. Ничто: ни запреты, ни невыносимые условия полуголодного существования в суровом климате сибирской зимы, без медицинской помощи – не могло убить его страстное желание думать и писать, писать... «Литературная деятельность в кругу излюбленных идей и интересов, – писал автор вступительной статьи, – была для него единственным средством приложения его стремлений к жизни. Пропагандист по натуре, он входил, благодаря ей, в общение с огромным миром мыслящих и борющихся людей, над которыми простиралась непреодолимая власть его горячего убеждения и страстной самоотверженной мысли» (Вып. 2, с. XIX).

Конечно, не всё бесспорно в суждениях Чернышевского: судя по комментариям Ляцкого, «неисчерпаемым источником идейного и художественного богатства для русских» Чернышевскому представлялись «европейские литературы» (Вып. 2, с. XVII). Не разделяя его оценок творчества Пушкина и Лермонтова как «слабых подражателей Байрона», надо отдать должное его великолепному знанию творчества Диккенса, Филдинга, Стерна, Свифта, Рабле, Вольтера и других классиков мировой литературы, прочитанных в подлинниках. Заслуживает уважения его неукротимое стремление раздвинуть границы мыслительных горизонтов своих соотечественников. Не мог смириться ученый с тем, что «русская наука столь отстаёт от европейской» (Вып. 2, с. XVII). Такие мысли волновали безвинно осуждённого затворника, лишённого права письменно излагать сокровенное, способное поднять уровень умственного развития человечества.

Интересна в связи с этим уточненная Е. А. Ляцким история заграничной публикации П. Л. Лавровым первой части романа «Пролог», «Пролог пролога». А. Н. Пыпин, поверенный в дела Чернышевского, имея на руках тайно переправленную рукопись романа «Пролог» и искавший пути его опубликования, чтобы получить гонорар для семьи писателя, готов был обвинить женева издателя в воровстве. Автору вступительной статьи к книге «Н. Г. Чернышевский в Сибири» удалось выяснить, что существовало два списка текста романа. «Воровства» не было, не было и гонорара автору, который, конечно, нуждался в средствах, но был счастлив узнать, что его произведение увидело, наконец, свет, стало доступно зарубежному читателю.

Таким образом, рассмотрев только некоторые стороны опубликованной и прокомментированной Е. А. Ляцким переписки

Н. Г. Чернышевского с родными, убеждаемся в том, что книга эта выходила далеко за пределы частной переписки и должна была стать событием социокультурной жизни страны накануне серьезных исторических смещений. Она представляла собой развернутый историософский, культурологический, этико-эстетический манифест одного из мудрейших людей России. Издание книги, адресованной широким читательским кругам в стране, пережившей поражение первой русской революции и вступившей на путь новой волны освободительного движения, должно было сыграть свою роль в развитии самосознания, духовной культуры его участников.

Примечания

¹ Вестник Европы. 1894. № 1.

² Современный мир. 1911. № 8.

³ См.: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. М., 2005. Вып. 3 : 1911 – октябрь 1917. С. 57.

⁴ См.: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. / ред.-сост. М. Г. Петрова. М., 2002. Вып. 1 : 1891-1900. 528 с.; 2009. Вып. 2 : в 2 ч. Ч. 2 : 1905-1907. 472 с.; 2005. Вып. 3: 1911-октябрь 1917. 672 с.

⁵ См.: Летопись литературных событий в России. Вып. 3. С. 559.

⁶ См. об этом: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики : Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 200. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; вып. 535). Цит. по: Летопись литературных событий в России. Вып.3. С. 427.

⁷ См.: «Биржевые ведомости» 26 и 27 января. Цит. по: Летопись литературных событий в России. Вып. 3. С. 443.

⁸ Нелицеприятно характеризуя интеллигента-разночинца за его неустойчивость в выборе жизненных позиций и идей, за готовность идти то за славянофилами, то за Герценом, то за Чернышевским в 60-х годах, то за Михайловским – в 70-х., за неспособность «достаточно хорошо ознакомиться с историческими условиями, среди которых жил народ» и прибегать к выдумкам, чтобы «создать новую жизнь», Горький писал: «и – выдумывали революционное старообрядчество, Рахметова, Стожарова и кучу других святейших интеллигентов...». См.: М. Горький. История русской литературы // Архив А. М. Горького. М., 1939. Т. 1. С. 233, 234.

⁹ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка// Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С.498.

¹⁰ См.: Горький и русская журналистика начала XX века // Литературное наследство. Т. 95. С. 41.

¹¹ М. Горький. Полн. собр. соч. Письма : в 24 т. М., 2003. Т. 10. С. 124.

¹² Н. Г. Чернышевский в годы учения и на пути в Университет // Современный мир. 1908. № 5, 6; Н. Г. Чернышевский в университете // Там же. 1908. № 12, 1909. № 3; Н. Г. Чернышевский и Ш. Фурье // Там же. 1909. № 11); Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли (Гегель, Белинский, Фейербах) // Там же. 1910. № 11, 12; Любовь в жизни Чернышевского; На перепутье к новой жизни. Этюды из биографии Н. Г. Чернышевского // Современник. 1911. № 5.

¹³ Н. Г. Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. СПб., 1911. Вып.1 : 1865-1875. С. I-LXIV; 1913. Вып. 2 : 1876-1877. С. I-XXXI; Вып. 3 : 1878-188. С. I-LIX.

¹⁴ См.: *Озерянский А. С.* «Мои заметки» *А. Н. Пыпина* // Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 4-45.

¹⁵ *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1994. Ч. 4: 1864-1889. С. 45, 73, 110, 123, 131 и др.

¹⁶ Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1978. Вып. 8.

¹⁷ Горький и русская журналистика начала XX века Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. Вступительная статья С. В. Заики (с Интернет-ресурса): URL: http://az.lib.ru/l/ljackij_e_a/text_0050.shtml (дата обращения: 11.12.2015). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹⁸ См.: Переписка с *Е. А. Ляцким* / вступ. ст. *С. В. Заики* // Литературное наследство. Т. 95. С. 494-495 и др.

¹⁹ Горький и русская журналистика начала XX века // Лит. наследство. Т. 95. С.217.

²⁰ См.: Литературное наследство. Т. 95. С. 217.

²¹ *Розанов В. В.* Уединённое. М., 1991. С. 15-16.

²² См.: П. А. Ровинский. [Электронный ресурс]: URL: <http://elssso.ru/cont/ppl/25.html> (дата обращения: 19.10. 2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

²³ Цит. по: *Н. Г. Чернышевский* в Сибири. Переписка с родными. СПб.: Огни, 1911. Вып.1 (1865–1875). С.XXX. Далее ссылки на текст вступительной статьи Е. Н. Ляцкого (в трех выпусках) даются по этому изданию (с указанием номера выпуска арабскими и страницы – римскими цифрами) в круглых скобках.

²⁴ См.: Литературное наследство. Т. 95. С. 499-500.

Л. М. Лазанчина

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В каталогах публичных библиотек четыре тома (IV, VI – VIII)¹ из 16-томного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского кодифицированы под рубрикой «правоведение и политические науки». Автор, рассматривая вопросы происхождения и сущности права, находил институт права необходимым объективным явлением общественного развития, пояснял роль правительства в развитии законодательства – и при этом за основу принимал экономическое развитие общества. Таким образом, Николай Гаврилович выявил путь исследования правовых вопросов, которому следуют и современные ученые – экономика-политика-право (политика есть концентрированное выражение экономики, право – концентрированное выражение политики, влияющее на экономику, поскольку любые экономические преобразования осуществляются правовым путем).

Автор указывал, что в обществе, во избежание столкновений противоположных интересов людей, должны быть установлены правила, определяющие отношения между ними. Одни правила необходимы для государственного устройства, другие – для отношения между частными лицами, третьи – для ограждения тех и других правил. «Таким образом, возникают законы политические, гражданские и уголовные. Дух и размер

этих законов могут быть при различных состояниях общества чрезвычайно различны, но без законов, в том или другом духе, в том или другом размере устанавливаемых рассудком и изменяющихся сообразно с обстоятельствами, не может обойтись общество, пока существует несоразмерность между средствами удовлетворения человеческих потребностей и самими потребностями» (V, 606-607).

Так просто для понимания, чему позавидует современный официозный учебник, автором пояснено назначение права и даже предсказано его отмирание с развитием общества. Таким же доступным языком пояснены и отдельные отрасли права.

В гражданском праве главным институтом является право собственности. Правом собственности, говорил автор, управляют принципы: наследство, приданое, духовное завещание, дарение, продажа и покупка. Эти принципы действуют различно в разные эпохи: «иногда большие недвижимые имущества распродаются по мелким частям, иногда малые скупаются в одну массу». Распродажа по мелким частям происходит во время экономических кризисов, когда крупные землевладельцы терпят коммерческий или общественный крах. Когда малые скупаются в одну массу, то поземельная собственность сосредоточивается все в меньшем числе рук и во все больших размерах, но абсолютному соединению поземельной собственности препятствуют войны, насилия, пороки и болезни. А самым сильным и болезненным является экономический кризис (IX, 389-390).

Николай Гаврилович выступал противником частной собственности, объясняя свое неприятие тем, что всякое недвижимое и значительное движимое имущество дают собственнику власть над другими людьми, ставят их в зависимость от хозяина, обеспечивают подавление и притеснение личности, поэтому владение недвижимостью автор определял как монополию (IX, 838) и противопоставлял ей общинную собственность.

В современном мире кризисных и антикризисных отношений мы наблюдаем споры о сосредоточении основных средств производства в централизованных или частных руках. Разные государства различно разрешают эти вопросы, но мысль автора о переходе права собственности актуальна и на сегодняшний день. А «принципы» перехода (кроме приданого): наследство (в том числе и завещание), дарение, купля-продажа урегулированы современным гражданским правом. К ним прибавился еще договор приватизации, то есть безвозмездная (бесплатная) передача имущества из централизованных фондов в частные руки.

В области уголовно-правовых исследований Николай Гаврилович особое внимание уделял вопросу о причинах преступности и мерах их преодоления. Автор отмечал, что в каждом сословии «есть люди

нравственно дурные, люди, которым дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурным страстям: тщеславию, самовластию, лености, низким порокам и т. п...» (V, 146), поэтому преступники выходят не только из среды пролетариев или угнетенных людей, как утверждают некоторые. Однако он указывал, что «Бедность ... главный источник невежества, пороков и преступлений» (V, 165). Вы вините человека, – писал Николай Гаврилович, – всмотритесь прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, – всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а беда». Вопрос о причинах преступности до сих пор является дискуссионным, при этом взгляд мыслителя выделяется как определяющий.

Николай Гаврилович убеждал, что бороться с преступностью следует не только мерами принудительного наказания, «само наказание есть зло» – писал он (IV, 496) и утверждал, что правительство не может бороться с преступностью только применением уголовной кары, оно должно улучшить материальные условия жизни населения, и тем самым уничтожить экономическую основу преступности (V, 589).

В плане соблюдения законности Николай Гаврилович обращал внимание на то, что Россию всегда отличал низкий уровень законопослушания, причины которого он видел, прежде всего, в невысоком уровне общей культуры человека.

В повести «Алферьев» (1863 год) им приводится взятый из жизни пример. (Действие происходит в кабинете губернатора Константина Григорьевича) – «нельзя, Ваше превосходительство, – произносит правитель канцелярии или старший секретарь губернского правления: – закон говорит противное»,

– «Какой закон, укажите?» – Препятствователь берет с этажерки том Свода законов, раскрывает, указывает статью. – «Этот закон?»

– «Закон».

– «Он мешает?»

– «Он мешает, Ваше превосходительство».

Константин Григорьевич выдвигает ящик стола, бросает туда Свод законов, задвигает ящик.

– «Где закон? Укажите».

Правитель канцелярии или старший секретарь молчит.

– «Ступайте, пишите, как я велю», – говорит Константин Григорьевич, разваливаясь в своем кресле.

Умолкнувший возражатель идет и пишет. И это выдвигание и задвигание сходило с рук Константину Григорьевичу» (XII, С. 8).

В приведенном примере мы видим нарушение закона государственными служащими, более того, наблюдаем их пренебрежительное отношение к закону. Это потому, что несоблюдение,

нарушение, пренебрежение им сходит с рук, они знают, что ответственность им не грозит.

В современном обществе совершение подобных действий, а также совершение уголовных преступлений (взятка и мошенничество) государственными и муниципальными служащими называется коррупцией². О борьбе с коррупцией ежедневно твердят СМИ, приняты законы на федеральном уровне и уровне субъектов федерации, в течение последних четырех лет работают правительственные стратегии и планы по борьбе с коррупцией, требующие от всех и вся разработки и осуществления мер по борьбе с коррупцией. В результате – борьба с коррупцией нарастает, так как в прямо пропорциональной зависимости нарастают факты проявления коррупции. Отчего это происходит?

Николай Гаврилович утверждал, что в борьбе с преступностью ведущая роль принадлежит государству: «вмешательство государства требуется тем чаще, чем больше совершается преступлений, чем чаще нарушается порядок»; «правительство обязано всеми своими силами поддерживать правосудие, наблюдать за исполнением контрактов, карать преступления» (V, 106).

И действительно, кто такие государственные и муниципальные служащие? Это люди, принятые на работу федеральным органом, правительством субъекта федерации или муниципалитетом. Работодатель обеспечил им работу в соответствии с правилами закона о государственных и муниципальных служащих. В этом же законе следует установить и ответственность за его нарушение. Например, за совершение уголовного преступления, связанного с работой – штраф в размере стотысячнократной средней годовой заработной платы самого чиновника. Если у него нет имущества для оплаты – наказание в виде лишения свободы, пока чиновника не выкупят родственники, которым он обеспечивал хорошую жизнь. В дореволюционной России так поступали с купцами, растратившими чужие денежные средства – сажали в яму. Должен же нести ответственность взяточник, вымогатель, мошенник, наделенный госслужбой особыми полномочиями, и ответственность также должна быть особой. Госслужба и должна наводить порядок внутри себя, а не обязывать всех граждан и предпринимателей усугублять свой порядок проживания и поведения на работе разработкой антикоррупционных мер против своих действий. Получается, что ужесточением мер по поведению населения, которое провоцирует чиновников к совершению проступков, правительство намерено снизить уровень коррупции. Не на граждан и предпринимателей должно направлять острие правительства, а на руководимых им собственных служащих.

Приведу поясняющий пример. Правительством РФ Торгово-промышленной палате РФ (далее – ТПП) и соответственно ее отделениям

в регионах предписано разработать антикоррупционные меры. Но правительство не вправе давать такие указания ТПП, потому что, во-первых, торгово-промышленная палата – это негосударственная некоммерческая организация, осуществляющая свою деятельность на базе частного права своей волей и в своем интересе (ст. 1 ГК РФ) и Конституция РФ и ГК РФ провозглашают принцип невмешательства кого-либо в частные дела; во-вторых, ТПП – это союз предпринимателей, добровольно объединившихся для совместного решения вопросов своей деятельности. Согласно ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность – это деятельность, осуществляемая законными предпринимателями на свой риск с целью получения прибыли по договорам на передачу вещей, выполнения работ, оказания услуг и уплаты денег. Какие здесь против себя разрабатывать антикоррупционные меры?

Если виды работ, то предприниматель осуществляет их на основании договоров, перечисленных в законе, а к исполнению договора его обязывает и закон, и партнер по договору, чуть что не так – предприниматель отвечает своим рублем.

Если риск, то точно предугадать риск невозможно, поэтому нельзя дать клятву, в какой мере ты будешь или не будешь рисковать: сунешься в воду, не зная броду или нет, для крайностей законом установлены страхующие предпринимателя правила крайней необходимости и необходимой обороны.

Таким образом, предприниматель действует на основании закона и в соответствии с законом. Он совершает то, что законом не запрещено, его деятельность регламентируется только федеральными законами, законы субъектов федерации к нему не применимы – так почему подзаконный акт правительства обязывает его разрабатывать антикоррупционные меры против своей законной деятельности? Это противоестественно.

В трудах Николая Гавриловича мы находим почву для размышления о современной действительности, они требуют изучения и осмысления.

Примечания

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1939-1953. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках в тексте тома и страниц.

² О противодействии коррупции: федер. закон № 273-ФЗ: принят Гос. Думой 19 декабря 2008 г. Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 г. : офиц. текст по состоянию на 21 ноября 2011. М., 2011.

II. СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

А. А. Гапоненков

АРХИВ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА В САРАТОВЕ¹

До сих пор мало кому известно, что значительная часть рукописей философа, религиозного мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева с 1921 по 1942 год находилась в Саратове. Как могло попасть в наш город столь значительное собрание, и каким образом оно осталось неприметным в анналах саратовской истории культуры? Уж чем только местные краеведы и архивисты ни занимались, а необходимые разыскания сведений об этом важнейшем для русской философии архиве не были предприняты. Несколько лет назад сотрудница Отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ Светлана Викторовна Клеймёнова показала мне следующий документ (публикуем его впервые):

А К Т

О ПРОДАЖЕ РУКОПИСЕЙ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА С. М. СОЛОВЬЕВЫМ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1. Перечисленные на обороте сего рукописи Владимира СОЛОВЬЕВА продаются их законным владельцем Сергеем Михайловичем СОЛОВЬЕВЫМ Историко-Филологическому Факультету Саратовского Университета за один миллион (1.000.000) рублей.

2. Из этой суммы Историко-Филологический Факультет Саратовского Университета немедленно выплачивает С. М. СОЛОВЬЕВУ шестьсот тысяч (600.000) рублей через посредство Гос<ударственного> Издательства или, если это окажется невозможным, другим способом, по усмотрению Факультета.

3. Остальные четыреста тысяч (400.000) рублей Факультет обязуется выплатить С. М. СОЛОВЬЕВУ в будущем, в срок, указанный СОЛОВЬЕВЫМ, причем: 1) С. М. СОЛОВЬЕВ должен предупредить Факультет о желании получить деньги за две недели до срока и 2) Означенная в этом пункте сумма будет увеличена соответственно курсу денег.

Владелец рукописей. Серг. Соловьев

Представитель Факультета. <Подпись нрзб>.

Москва 3-го февраля 1921 г.

Примечание. В случае невозможности произвести уплату на условиях, указанных в п. 3 (с соответствующим повышением суммы), владелец рукописей С. М. Соловьев имеет право получить обратно рукописи: «Теократия», «Великий спор», «Речь о Владимире Святом» и «Смысл любви».

<Подписи:> <нрзб>. Серг. Соловьев.

<На обороте листа>

С П И С О К

Рукописей Владимира СОЛОВЬЕВА, проданных
С. М. СОЛОВЬЕВЫМ Историко-Филологическому факультету
Саратовского Университета:

Перевод диалога Платона Евтидем (60 л.). Рассуждение о диалоге Платона Лисид (8 л.). Несколько слов о наших светских ересьях (20 л.). Историческое дело философии (55 л.). Мнимая борьба с Западом (14 л.). О духовной власти в России (48 л.). Талмуд (60 ст.). Двуязычие и двоеверие наших лжепатриотов (21 л.). О светских ересьях. Великий спор и христианская политика. Государственная философия и программа Министерства Народного Просвещения. Церковные дела (16 ст.). История теократии (609 с.). Записи лекций. Право и нравственность. Письма В. С. Соловьева к брату Михаилу. Смерть христианства в Истории. Искусственный туман в ясном деле (6 ст. и 14 л. фрагм.). Красота в природе (66 ст.). Письмо царю. Оккультические фрагменты (98 ст.). Еврейство и христианский вопрос (117 ст.). Смысл любви (56 ст.). Речь о Владимире Святом (40 ст.). Письмо к Кирееву (37 ст.). Письмо Рачинскому (8 ст.). Три речи о Достоевском (52 ст.). Речь о Канте (28 ст.). Лекция о Платоне (36 ст.). Фрагменты по метафизике (121 ст.). Тетрадь выписок на греческих отцов. Наброски статей (88 ст.). – Кроме того, проданы 103 (сто три) письма к Владимиру СОЛОВЬЕВУ (Самарина, Пирлинга, Страхова, Стасюлевича, Хитрово и др.<угих> лиц).

С подлинным верно:

8 / III 21 г.

сдал – <нрзб>.

Приняла – Н. Крупянская.

Это машинопись, в верхнем правом углу проставлено: «Копия». Все подписи под документом подлинные. «Примечание» написано от руки. Оригинал, наверняка, хранился у владельца рукописей.

Поэт, прозаик, филолог, религиозный мыслитель, автор фундаментального труда «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева» (1923) Сергей Михайлович Соловьев (1881–1942) был сыном Михаила Сергеевича (1862–1903), педагога, переводчика, издателя, младшего брата Владимира Соловьева. Сергей Соловьев окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1911 г. Первая книга его стихов называлась «Цветы и ладан» (1907). Затем были выпущены поэтические книги «Апрель» (1910), «Цветник царевны» (1913), «Возвращение в дом отчий» (1915). Все они были окрашены религиозной мистикой. В 1911 г. Сергей Соловьев покушался на самоубийство, находясь в состоянии нервно-психического расстройства, находился на лечении в психиатрической лечебнице. Осенью 1912 г.

обвенчался с Татьяной Алексеевной Тургеневой, младшей сестрой спутницы А. Белого Аси Тургеневой. «Дом отчий» – это не только родовое понятие, но и лоно церкви². С. М. Соловьев поступает в Московскую духовную академию и 2 февраля 1916 г. рукоположен в сан священника (весной 1918 г. заканчивает ее и становится кандидатом богословия). Его религиозно-философская публицистика ортодоксального направления была собрана в книгу «Богословские и критические очерки» (1916). Он приветствовал падение самодержавия как шанс воссоединения христианских церквей (давняя идея Вл. С. Соловьева о создании Вселенской церкви).

С. М. Соловьев перебрался на жительство в Саратовскую губернию вместе с семьей осенью 1918 года, прежде всего, чтобы прокормить детей и скрыться от преследований новой власти. Поселился в селе Большой Карай, в доме мельника. И здесь С. М. Соловьева застала гражданская война, а вместе с ней и угроза гибели от рук бандитов или красноармейцев. Летом 1920 года он переезжает в Балашов, тяжело болеет, попадает в больницу (умирает его средняя дочь Маша)³. С весны 1921 г. С. М. Соловьев перебирается в Москву, и в это время его настигает еще одно личное горе – от него уходит к другому человеку любимая жена (дочери остались жить с матерью и отчимом Г. Е. Омитириным в Балашове). Страдания и ужас, которые перенес С. М. Соловьев в годы гражданской войны, вылились в страшные строки из цикла «Дневник изгнанника»: «Проклятый, кровавый, развратный // Саратовский край!»⁴.

С. М. Соловьеву после смерти отца Михаила Сергеевича принадлежали по наследству почти все рукописи дяди-философа. Еще находясь в Саратове, С. М. Соловьев договаривается с проф. С. Л. Франком и деканом проф. Б. М. Соколовым о продаже части архива Вл. С. Соловьева. «Акт о продаже...» подписан в Москве 3 февраля 1921 г., рукописи приняты 8 мая в Саратове Надеждой Юрьевной Крупянской. Не вызывает сомнений, что именно С. Л. Франк инициировал покупку рукописей Вл. С. Соловьева. Он был первым деканом историко-филологического факультета (1917–1918 гг.), профессором Саратовского университета в 1917–1921 гг., преподавателем в кантонах немцев Поволжья (1919–1921 гг.)⁵.

Н. Ю. Крупянская была любимой «семинаристкой» С. Л. Франка, студенткой Философского отделения историко-филологического факультета Саратовского университета. Известны ее воспоминания⁶ уже под фамилией мужа – Н. Н. Фиолетова, правоведа, православного богослова и философа. Они распространялись в самиздате. Когда С. Л. Франк был выслан из страны, именно Крупянская организовала заседание студенческого философского кружка осенью 1922 года: обсуждались социально-философские взгляды проф. С. Л. Франка, его книга «Очерк методологии общественных наук» (М., 1922): «Мы,

студенты, его ученики, с горечью и болью переживали это событие <высылку из страны. – А.Г.>»⁷.

После отъезда С. Л. Франка из Саратова местные «держатели» бумаг Вл. С. Соловьева из числа «новых» бюрократов пытались обвинить профессора в «присвоении» рукописей, над которыми ученый продолжал работать в Москве, вскоре он возвратил их обратно. А. Д. Скалдин, писатель и заведующий Радищевским музеем, управляющий театрами Саратова, в 1922 году на суде в качестве обвиняемого в обмене вещей из музейного фонда на продукты, вывозе экспонатов и наиболее ценных книг в «центр», сослался на историю с бумагами Вл. С. Соловьева, стремясь обосновать свою деятельность из лучших побуждений: «Известен ли вам случай, что профессор Франк, уезжая из Саратова, увез с собою из университет<ской> библиотеки рукописи Владимира Соловьева, необходимые ему для завершения работы?»⁸ Вопрос был обращен к историку проф. С. Н. Чернову, который считал, что культурные богатства, хранящиеся в Саратове, должны оставаться в нем. Многие же ученые и бюрократы полагали, что наиболее ценные экспонаты должны быть вывезены в «центр», Москву и Петроград. Вопрос этот был дискуссионным в начале 1920-х годов и окончательно разрешился в годы Великой Отечественной войны «приказом» в пользу столичного хранения.

Сохранилось ли что-нибудь из рукописей Вл. С. Соловьева в Саратове по настоящее время?

В 1992 году я, будучи библиографом Научной библиотеки СГУ, вместе с С. В. Дремовой (Клеймёновой) атрибутировал неизвестный автограф Вл. С. Соловьева «Программа публичных чтений о ходе просвещения в настоящем столетии», который располагался среди бумаг И. А. Шляпкина. Попал ли туда этот автограф из собрания самого Вл. С. Соловьева случайно – неизвестно, тем более что мы не могли предполагать состав рукописей архива. Публикация «Программы» была подготовлена нами в журнал «Вопросы философии» (поддержка была оказана В. К. Кантором, членом редколлегии). В шестом номере за 1993 г. автограф был напечатан с нашими очень краткими примечаниями⁹. Программа эта видится как еще один важный источник лекционной деятельности Вл. С. Соловьева.

Программа публичных чтений

о ходе русского просвещения в настоящем столетии

Чтение первое. Жизнь русского народа до петровской реформы и внутренний смысл этой последней. – Механический характер русского просвещения в XVIII веке. Начало его органического роста в настоящем столетии. Русское просвещение в эпоху Александра Iго. Мистицизм как господствующее направление. Масоны и Библейское общество. Оценка этого направления.

Чтение второе. Господствующее направление общественной мысли в Николаевскую эпоху (преимущественно в сороковых годах). Гуманизм и идеализм. Гуманисты-западники и гуманисты-славянофилы. Влияние отвлеченной философии. Оценка этого направления. – Преобладающее направление общественной мысли и жизни в настоящее царствование. Реализм теоретический и практический. Различные его проявления. Оценка этого направления.

Чтение третье. Результаты – отрицательные и положительные. Несостоятельность трех пережитых русскою мыслью направлений в их исключительности. Эта исключительность как явление преходящее. Внутреннее единство трех начал как вытекающее из самого их существа и удовлетворяющее требованиям духа личного, народного и общечеловеческого. Настоящие задачи общественной мысли в России.

27 Янв<аря> 1881 г. Влад. Соловьев.

Это белой автограф. Написан коричневыми чернилами на сложенном вдвое листе писчей бумаги (Stowford Mills, 1877). Текст занимает две с половиной страницы. Лист с «Программой...» подшит к свидетельству с гербовой печатью: «М. Н. П. Попечителя С.-Петербургского Учебного округа канцелярия. Стол в С.-Петербурге. 22 февраля 1881 г. № 1036.

Свидетельство

сие дано Члену Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения, доктору философии С. Петербургского университета Соловьеву, согласно ходатайству его в том, что на основании предложения Г. Управляющего Министерством Народного просвещения от 17го сего февраля за №2311м, разрешается г. Соловьеву прочесть несколько публичных чтений «о ходе русского просвещения в настоящем столетии» по представленной им и у сего прилагаемой программе, с тем, чтобы о времени и месте чтений распорядителем таковых заблаговременно было доведено до сведения г. С. Петербургского Градоначальника. Причитающийся гербовый сбор оплачен.

Управляющий Округом Д. Михайлов.

За Правителя Канцелярии Н. Колосов».

Программа публичных чтений о ходе русского просвещения датирована 27 января: она была составлена за день до смерти Ф. М. Достоевского.

В начале 1881 года В. С. Соловьев продолжал читать лекции в Петербургском университете и на Петербургских высших женских курсах. Ранее он писал матери в Москву: «Начал лекции на Бестужевских курсах. Слушательницы отличаются большим количеством и малой красотой»¹⁰. В январе 1881 года Соловьев ведет переписку с Министерством внутренних дел, добиваясь разрешения прочитать несколько публичных

лекций о ходе русского просвещения¹¹. Разрешение было дано с тем условием, чтобы программа предстоящих чтений была представлена лектором заранее. В связи с этим и был составлен публикуемый текст.

Обращает на себя внимание текстуальная и концептуальная близость приведенной программы к третьей речи в память Достоевского (произнесенной 19 февраля 1883 г.), где в таком же аспекте Вл. С. Соловьев рассматривает ход европейского просвещения: «Чрез такое пагубное разделение трех начал <т.е. Бога – Человека – Природы как трех начал царства Божия. – А. Г.> и трех вер прошло все свободное просвещение Европы»¹². В этой речи также говорится о смене трех этапов в ходе просвещения: мистиков (т.е. средневековые схоласты), гуманистов и натуралистов («реалисты и материалисты»). Для Соловьева стала абсолютно очевидной однородность всех трех направлений: «Все эти односторонние направления уличали друг друга во лжи и достаточно обличили свою несостоятельность. И наше зачаточное просвещение прошло через эти три отвлеченные направления. Но не в них духовная будущность России и человечества. Ложные и бесплодные в своей розни, они находят и истину, и плодотворную силу в своем внутреннем соединении – в полноте христианской идеи»¹³. Наиболее полное отражение эта одна из самых любимых идей Соловьева – о синтезе Бога – Человека – Природы как трех начал Царства Божия – получила в «Чтениях о Богочеловечестве» (1878–1881).

Автограф этот долгое время хранился в личном собрании профессора Петербургского университета И. А. Шляпкина (Зональная научная библиотека СГУ). Известный библиофил, филолог Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) не состоял в близком знакомстве с В. С. Соловьевым (в трехтомнике «Писем» опубликовано только одно письмо Соловьева к нему), но в составе его собрания рукописей были материалы из личного архива философа, приобрести которые он мог, вероятно, после смерти Соловьева. Э. Л. Радлов в предисловии к первому тому писем В. С. Соловьева благодарил всех, кто так или иначе оказал помощь в подготовке трехтомного издания, и отметил «живейшее содействие» И. А. Шляпкина.

В 1918 году библиотека Шляпкина, согласно завещанию владельца, поступила в Саратовский университет. В «Путеводителе по Научной библиотеке» (Саратов: Госиздат, 1936) говорится о «коллекции рукописей Владимира Соловьева» в составе рукописного фонда. Материалы из архива В. С. Соловьева в составе шляпкинских собрания хранились в библиотеке Саратовского университета до 1942 года, затем были изъяты из фонда, согласно приказу № 27 от 18 апреля, и вместе с целым рядом других рукописей в срочном порядке были отправлены в Москву, а впоследствии переданы в РГАЛИ (Ф. 446). Опись при этом не была составлена. По странному стечению обстоятельств, произошло это вскоре

после смерти С. М. Соловьева 2 марта 1942 года в психиатрической больнице Казани, куда он был эвакуирован из Москвы¹⁴. Автограф «Программы...» остался в Саратове.

Примечания

¹ Публикация документов в составе статьи: *А. А. Гапоненков, С. В. Клейменова*.

² О биографии и творчестве С. М. Соловьева см.: *Лавров А. В.* Продолжатель рода – Сергей Соловьев // *Лавров А. В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 371–394.

³ См. подробнее: *Скрипкина В. А.* Саратовский край в жизни и творчестве С. М. Соловьева (1885–1942) // *Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 5. С. 33–39.* «Край “глухой и зарубежный”, где поэт провел около трех лет жизни, стал для него не только местом тяжелых испытаний и бед, но и эпохой мужания, укрепления веры, яркого лирического воплощения пережитого, истинного духовного подъема и роста» (*Скрипкина В. А.* Указ. соч. С. 39).

⁴ *Соловьев С.* Стихотворения 1918–1928 гг. М., 1999. С. 34.

⁵ См.: *Гапоненков А. А.* С. Л. Франк в Саратовском университете // *Известия Саратовского университета. Новая серия. 2006. Т. 6 : Серия Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 4–9.*

⁶ *Фиолетова Н. Ю.* История одной жизни / предисл. *В. Кейдана* // *Минувшее : исторический альманах. М., 1992.*

⁷ Там же. С. 48.

⁸ *Скалдин А. Д.* Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии. СПб., 2004. С. 413.

⁹ См.: *Гапоненков А. А., Дремова С. В.* Из архива В. С. Соловьева // *Вопросы философии. 1993. № 6. С. 169–171.* К сожалению, редколлегия Полного собрания сочинений В. С. Соловьева не включила текст «Программы...» в состав очередного тома: *Соловьев В. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Соч. : в 15 т. М., 2011. Т. 4 : 1878–1882. 806 с.

¹⁰ *Соловьев Вл. С.* Письма : в 3 т. СПб., 1908. Т. 2. С. 33.

¹¹ См.: *Русская философия: философия как специальность в России. М., 1992. С. 144.*

¹² *Соловьев В. С.* Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 313.

¹³ Там же. С. 314.

¹⁴ См.: *Лавров А. В.* Продолжатель рода – Сергей Соловьев... С. 394.

А. В. Зюзин

ПИСЬМА НИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ЧЕРНЫШЕВСКОЙ-БЫСТРОВОЙ ВЛАДИМИРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ БУШУ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Владимир Владимирович Буш – советский литературовед, этнограф, фольклорист, краевед, библиограф, общественный деятель, был связан с Саратовом и Саратовским университетом почти 7 лет своей жизни¹. С 1924 года по 1931 год В. В. Буш – профессор кафедры русской литературы, декан педагогического факультета СГУ, руководитель аспирантуры, заведующий отделом редких книг и рукописей университетской Научной

библиотеки, организатор и первый председатель Общества литературоведения при СГУ, член совета Общества краеведения и еще много должностей, которые В. В. Буш занимал и активно работал на них, находясь в Саратове. Среди множества общественных и научных работ Владимир Владимирович интересовался экспозиционно-выставочной и научной работой музеев Саратова, и в частности, Дома-музея Н. Г. Чернышевского, возглавляемого Н. М. Чернышевской-Быстровой, с мужем которой Буш сотрудничал, работая в университетской библиотеке в одном отделе. Знаком он был с Ниной Михайловной и по Обществу литературоведения, куда молодой директор музея вошла с желанием привлечь внимание к научной работе по наследию Н. Г. Чернышевского.

За годы их знакомства Нина Михайловна и Владимир Владимирович вели переписку, сколько было всего писем, остается неизвестным. В архивном фонде Владимира Владимировича Буша в Российской Национальной библиотеке² (переданном после смерти мужа Верой Николаевной Буш) хранится 23 письма, которые занимают 52 листа и хронологически охватывают – начало – 5 июля 1928 года и конец – 19 мая 1934 года (выделяются два отправления, адресованные Вере Николаевне Буш – жене Владимира Владимировича с соболезнованиями). Количественно-хронологический разброс писем таков: за 1928 г. – одно письмо, два письма за 1930 г., двенадцать писем за 1931 г., одно за 1932 г., три за 1933 г. и два письма за 1934 г.

Основными темами писем Н. М. Чернышевской-Быстровой к В. В. Бушу были: 1) Работа с научным наследием Н. Г. Чернышевского, издательская деятельность; 2) Работа музея; 3) Личные события в жизни Н. М. Чернышевской-Быстровой.

Первое из сохранившейся корреспонденции письмо датировано 5 июля 1928 года. В. В. Буш в это время был в отпуске в Москве, хотя и работал в Саратове, проживал с семьей в Доме ученых (Приютская (ныне Комсомольская) ул., д. 41). Именно поэтому письмо адресуется в Москву на адрес Веры Андрониковны Дружкиной для передачи профессору В. В. Бушу. Приведем письмо:

«Многоуважаемый Владимир Владимирович.

Общество краеведения получает 2 тысячи на издание сборника, посвященного Чернышевскому. Сборник должен быть напечатан в Саратове. ГИЗ отказался издавать. Покровский берет на себя ответственное редактирование. К 20 августа корректурные гранки должны быть ему высланы за границу через его секретариат. Меня с А<лександром> П<авловичем> [Скафтымовым]. Просят приступить к работе. А<лександр> П<авлович> уехал в Вольск до 2 сентября и приедет на 1 день 14 июля. Программа до сих пор не выяснена, так как все в разъезде, и невозможно собрать комиссию и по этому, и по другому

сборникам. После 15 июля я уезжаю в командировку. Не откажите выслать Вашу статью.

Н. Чернышевская-Быстрова.

- Ваш приезд мог бы очень помочь делу, но, быть может, Вы напишите мне?»³

Из письма понятно, что Нина Михайловна находится в затруднительном положении, и обращается к Владимиру Владимировичу не только как к члену Общества, декану факультета, но, главным образом, как к человеку заинтересованному в положительном разрешении трудностей (особо смотрите приписку) Чернышевской-Быстровой. Следует отметить, что сборник, о котором идет речь, вышел и на сегодняшний день стал библиографической редкостью: и как издание 1928 года, и как сборник с неизданными ранее текстами, материалами и статьями. В состав редколлегии вошел В. В. Буш, а вот общую редакцию выполнил другой профессор факультета – С. З. Каценбоген. Кроме участия в редакции материалов сборника (об этом пишет С. З. Каценбоген в предисловии к сборнику «От редакции») Владимир Владимирович опубликовал статью «Заметки об "Очерках гоголевского периода русской литературы"», ставшую знаковой работой в оценке литературно-критических (историко-литературных) работ Н. Г. Чернышевского.

В этом же 1928 году в серии «Музейная листовка» выходит маленькая книжка (4 с. формата А6)⁴, которая знакомит посетителей с музеем Н. Г. Чернышевского в Саратове как частью Саратовского Областного музея, где отмечается комната для научных занятий, материалами для которых может стать библиотека и рукописное отделение музея, где свыше 2 тыс. рукописей самого Н. Г. Чернышевского.

В двух письмах 1930 года речь идет о материалах Н. Г. Чернышевского, которые готовит Нина Михайловна для саратовского сборника. Обращение к В. В. Бушу не только как к редактору, с которым согласовываются вносимые исправления и уточнения: «<...> прошу о предоставлении мне возможности внести одну дополнительную строчку в мою работу, в связи с ново-найденным материалом», но и как к старшему товарищу, с которым советуются о том, какие лучше материалы подготовить и представить, и еще к коллеге, у которого есть прекрасная библиотека, книгами из которой Нина Михайловна часто пользовалась: «<...>очень прошу Вас о присылке мне Лисовского «Библиография русской периодической печати», сроком не более недели если это не затруднит Вас».

В двенадцати письмах за 1931 год есть все: и чаяния о научной и издательской деятельности музея, и об издании «Избранного» Н. Г. Чернышевского, и о работе с рукописями, и о личном. В этом году в апреле месяце В. В. Буш уже переходит на работу в Пушкинский Дом. Письма становятся длиннее и неотъемлемой их частью – живая

заинтересованность Нины Михайловны в житейской устроенности семьи Буша («Вашем “житье-бытье”») в Ленинграде, его устроенности в работе. Не остаются без внимания и дела в Саратове, которые готовит Нина Михайловна, продолжая задуманное совместно с В. В. Бушем. Особо следует выделить стремление Чернышевской-Быстровой вовлечь в работу Владимира Владимировича в связи с юбилеем А. Н. Пыпина. Нина Михайловна предлагает Владимиру Владимировичу стать публикатором переписки и некоторых документов из саратовского архива: «<...> На днях, следуя библиографическим указателям Владиславлева и Пиксанова, я просматривала литературу о Пыпине в поисках опубликованных писем и документов. <...> Теперь имею полное основание считать находящуюся у нас в Саратове переписку неизданной и со спокойным сердцем буду снимать для Вас эти в высшей степени интересные страницы». К сожалению, все старания Чернышевской-Быстровой увлечь Буша пыпинскими материалами не имели успеха из-за окончания работы Владимира Владимировича над своей книгой, а потом и проблемами со здоровьем.

Отдельно в письмах рассказывается о детище В. В. Буша – Саратовском обществе литературоведения: «Все собиралась написать Вам об обществе литературоведения в Саратове: оно начало свои заседания в Рабисе по 2, 12 и 22 числам»; «<...> Как мне жаль, что не приходится вести с Вами в Саратове «Литературные беседы». Они остались только хорошим воспоминанием. Никто здесь не заменит Вас»; «<...> Те материалы, которые готовились было, но не могли войти в III т. О-ва литературоведения, за отсутствием организации такого обществом после Вашего отъезда, пошли сюда <...>».

Из единственного сохранившегося письма за 1932 год можно узнать и возможную причину такого события, и характерность ее для всей научной общественности того времени. В нём сообщается о письме Сталина и начавшихся проработках в связи с троцкистами и чистках в связи с обновлением партийных рядов: «<...> Последнее время у нас, в связи с письмом Сталина, были большие волнения, прорабатывались Друзин и Герчиков, обвинены в троцкизме. <...> По музейной линии были такие выступления против В. А. Сушицкого, но ВАРНИТСО признало их неосновательными»; «<...> Я очень призадумалась над словами Вашего письма "события в ИНЛИ и общее положение на литературном фронте заставляют меня поставить перед собой ряд методологических вопросов прежде чем снова пускаться в печатанье". <...> Мне очень трудно писать, точно ничего не зная, я только догадываюсь, что те дни прошли для Вас нелегко. Но хочется передать Вам свое искреннее желание, чтобы они именно "прошли" и сменились новым, плодотворным и дающим Вам более полное удовлетворение этапом». К сожалению, этим искренним пожеланиям Нины Михайловны не суждено было вполне исполниться.

Если в 1932 году волна троцкистских проработок для В. В. Буша и завершилась относительным затишьем, то теперь мы, знающие события его биографии, можем сказать, что это было затишье перед бурей, которая вырвала ученого из жизни.

События 1933 года сохранили для нас только три письма. И в каждом из них Нина Михайловна старается отвлечь Владимира Владимировича переключением на научную, архивную, публикаторскую работу от тревожных событий с заседаний комиссий по чистке и исключения из рядов партии. Ноябрьское (16/XI-1933 г.) письмо извещает Владимира Владимировича о печальном событии в жизни Нины Михайловны: «Два дня тому назад, я схоронила своего мужа. <...> Как я жалею, что в эти дни не могу повидаться с Вами и Верой Николаевной». Ответное письмо с сочувствиями и В. В. Буш и его жена В. Н. отправили, чтобы поддержать Нину Михайловну. Жаль, что нам неизвестно, сообщили ли Н. М. Чернышевской о декабрьском заседании по чистке, которая для В. В. Буша стала отправной для его болезни.

В 1934 году – всего два письма. Они адресуются Владимиру Владимировичу, когда он уже очень серьезно болен и находится на лечении в больнице. Нина Михайловна еще не знала, что ее последнее письмо было написано и отправлено, когда В. В. Буша уже не было в живых. Они полны благодарностью за участие семьи Бушей в сочувствии о смерти мужа и сложной обстановкой в семье, рассказами о постепенном возвращении к научной работе и делам музея, и живого участия, заботы и сострадания в том, что Владимир Владимирович еще не оправился от болезни: «<...> Все наши музейные работники очень огорчены Вашим нездоровьем и просят передать Вам сердечные приветы».

Последнее примыкающее к переписке письмо – это майское письмо к уже вдове Владимира Владимировича Буша Вере Николаевне с сочувствием и пониманием: «<...> зная по себе, каково Вам сейчас. Хоть немножко почувствуйте, как я переживаю вместе с Вами Вашу невзгону и как сильно я желаю Вам мужества и бодрости в дни, когда человеку особенно нужен такой верный и ценный спутник жизни <...>».

Наверное, переписка не имела продолжения, а возможно, просто из-за разных жизненных событий корреспонденция была утрачена.

Представленные письма из архивного фонда В. В. Буша интересны своим свидетельством активной научной жизни, трогательностью межличностного общения и, конечно, свидетельством времени трудного и интересного и в развитии музея, и в работе с творческим наследием Н. Г. Чернышевского. Хочется верить, что более полное представление об этом эпистолярном диалоге мы сможем получить, когда будут опубликованы письма В. В. Буша к Н. М. Чернышевской. Надеемся, что работа в фондах музея предоставит нам такую возможность, и тогда

полные тексты корреспонденции еще раз расскажут о двух замечательных людях и патриотах своего дела.

Примечания

¹ См. о В. В. Буше: Зюзин, А. В. Буш Владимир Владимирович // Литературоведы Саратовского университета 1917–2009. Материалы к биографическому словарю. Саратов, 2010. С. 53-55 : портр.; Зюзин, А. В. Лекционные курсы В. В. Буша в Саратовском университете // Проблемы изучения и преподавания литературы в ВУЗе и школе: XXI век : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. Саратов, 2000. С. 373–376; Зюзин, А. В. Забытые страницы: В. В. Буш в библиотеке Саратовского университета // Редкие книги : сб. ст. / отв. ред. Н. А. Попкова. Саратов, 2001. С. 43-51. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ ; вып. 21); Зюзин, А. В. В. В. Буш в истории Саратовского университета // Краеведение в школе и в вузе : сб. ст. и метод. материалов / под ред. А. А. Демченко. Саратов, 2002. Вып. 4. С. 31-38.

² РНБ. Отдел рукописей. Ф. 117: Владимир Владимирович Буш. Ед. хр. 235.

³ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 117: Владимир Владимирович Буш. Ед. хр. 235 : Чернышевская-Быстрова Н. М. Письма В. В. Бушу. Л. 1-Л. 1 об. Здесь и далее цитаты из писем приводятся по этому источнику.

⁴ [Рыков П. С.] Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928. 4 с. : ил. (Листовка Саратов. гос. обл. музея / ред. серии П. С. Рыков ; № 1).

Хироюки Хоризэ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ СЕРГЕЯ БУЛГАКОВА К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Старая дуалистическая классификация, делящая всю историю человеческой мысли на два лагеря – материализм и идеализм, – все же имела определенное значение и удобство. Однако очевидно, что при таком способе разделения было затруднительно находить общее, разделяемое мыслителями, приписываемое, согласно этой классификации, к противоположным лагерям философской традиции. Реалист-материалист, Николай Чернышевский и идеалист, религиозный мыслитель, Сергей Булгаков. Как можно связать двух русских философов, принадлежащих, согласно этой старой классификации, к совершенно разным направлениям философии? Цель статьи – наметить контур подобного сближения.

К счастью, Булгаков опубликовал небольшую статью под заголовком «Н. Г. Чернышевский» в 1904 году в журнале «Новый путь». Этот текст может стать звеном, которое может сблизить двух философов. Для начала вкратце изложим содержание этой статьи, приуроченной к 15-летию со дня кончины Чернышевского.

В начале этой публикации Булгаков, с чувством некоторой ностальгии вспоминая собственное прошлое разделение пафоса русских

шестидесятников, т.е. страсти к поиску социальных реформ на почве атеизма и веры к науке, отмечает позитивное значение исторической фигуры Чернышевского. Булгаков находит такое значение в духовном складе Чернышевского. Как отмечает Булгаков, именно у Белинского, Герцена и последующих деятелей шестидесятых «окончательно определился демократический и свободолюбивый дух русской литературы»¹. Чернышевский оценивается Булгаковым как «титан» духа русского просветительства, со свойственными ему демократизмом и гуманизмом. Как считает Булгаков, в современное ему время снова наступает эра освободительного движения, выраженного в политической борьбе за эмансипацию личности. Современное ему время сравнимо с эпохой, в которой жил Чернышевский. Поэтому «мы можем учиться у старшего поколения, как нужно нести эту службу»².

Во второй половине статьи, переходя к теме философских оснований творчества Чернышевского, автор меняет интонацию. По мнению Булгакова, «русское просветительство» и «рационалистическая и материалистическая философия» необходимы были в «историческом созревании человеческого духа», но в ту пору «наивная «вера в разум», т.е. в рассудок, еще не была для нее отравлена скептическим анализом Канта, Юма и дерзким сомнением Ницше, права и компетенция разума не сделаны были еще критической проблемой»³. Как считает Булгаков, философско-теоретический фундамент учений шестидесятников уже давно изжил себя, несмотря на актуальность духовно-этической составляющей этого направления мысли. Статья довольно короткая. Поэтому Булгаков не пытается подробно описывать, что это за новый фундамент, который, согласно его убеждению, должен заменить старую «веру в разум». Но все же вкратце формулирует свой ответ: «признание верховных и священных прав личности и весь гуманизм коренятся в учениях религиозного идеализма, в постулатах потустороннего мира»⁴. Автор заключает свое размышление мыслью о том, что, если бы Чернышевский был современником автора, то его живая мыслящая душа «способна была бы в дальнейшем развитии оставить далеко позади ступень, первоначально указанной ей историей»⁵.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что данная оценка главного героя шестидесятников довольно легко укладывается в рамках типичной для Булгакова критики «материализма-позитивизма». Одной из главных мыслей Булгакова того времени была необходимость доказать несоответствие материалистическо-позитивистской философии задаче настоящего обоснования *гуманистических*⁶ ценностей, отстаиваемых современным освободительным движением, и тем самым, с одной стороны, критиковать философско-теоретическое основание данного направления и, с другой, – спасти свойственный ему подвижнический дух. Булгаков того времени – бывший легальный марксист, перешедший на

позиции идеалиста. Но в отношении политического взгляда он оставался довольно ярким приверженцем освободительного движения и социализма. Среди других статей, написанных Булгаковым с тем же мотивом критики философской основы освободительного движения и спасения его духа, известные статьи о Герцене, Фейербахе и также в какой-то степени статья о Марксе и о герое романа «Братьев Карамазовых», Иване как символе русской интеллигенции, страдающей из-за собственного идейного противоречия. В этих статьях Булгаков усматривает подобное идейное противоречие или несоответствие философской позиции этическому настрою, главным образом, в том, что перед фактом неизбежности индивидуальной смерти представители русской атеистической интеллигенции все же не могут не переставать искать абсолютность человеческой жизни. Как убежден Булгаков, приверженцы материализма и позитивизма не в состоянии признать какую-либо абсолютность в ограниченном индивидуальной смертью индивидууме и невольно начинают подыскивать выражение искомой абсолютности в образе коллективного человечества. Оно, вопреки смерти своих отдельных членов, как бы вечно продолжает существовать через бесконечное чередование поколений. Однако, по убеждению Булгакова, данный образ вечного человечества страдает из-за двух неразрешимых проблем. Во-первых, данное представление все равно не в состоянии оправдать или компенсировать бессмысленные страдания и смерть многочисленных индивидуумов, попавших во тьму истории, т.е. страдания «деточек», о которых говорил Достоевский устами Ивана Карамазова. Представление о вечном существовании человечества не может разрешить эту самую фундаментальную трагедию человека и защитить абсолютную ценность отдельной человеческой личности. Во-вторых, как думал Булгаков, данная позиция, стремящаяся усматривать преимущественную ценность в коллективном человечестве или будущем счастливом поколении социалистического рая, плавно перейдет к резкой антигуманистической позиции, оправданию «мук родов», т.е. жертвы индивидуума в истории ради общей пользы или будущего человечества. Подобная тенденция антигуманизма, «человекобожие», проявлялась в некоторой степени в мысли Фейербаха и в еще большей степени в мысли Маркса, как считал Булгаков.

Согласно убеждению Булгакова того времени, единственно возможный путь к решению этих проблем может основываться только на христианском догмате уважения к личности, особенно на двух христианских идеях. Первая – это идея всеобщего воскресения как единственного пути к выкупу страдания и смерти каждой отдельно взятой личности, как единственная настоящая альтернатива против атеистического мировоззрения, неспособного, в конечном счете, выстоять перед соблазном прибегнуть к «мукам родов» ради будущего

гармоничного общества. Вторая – это идея Церкви-Собора как духовного сообщества верующих. Булгаков искал конкретную модель данного соборного сообщества, с одной стороны, в образе духовного уклада, описанного Достоевским через образы героев «Братьев Карамазовых», старца Зосимы и Алеши, т.е. в духовной установке, которая позволяет отдельно взятым членам соборного сообщества реально разделить страдание и вину чужого человека. Булгаков цитирует слова героя романа старца Зосимы: «все за всех и во всем виноваты, человечество едино и солидарно и нет в этом едином и живом целом возможности провести границу, где кончается вина одного и другого»⁷. Другими словами, здесь мистическая любовь как возможность чувствовать страдание чужого как своего и брать на себя чужую вину как свою. С другой стороны, такая модель усматривается в концепции Софии-мировой души Соловьева, как реального единого человечества, на котором, как отмечал Булгаков, основывается указанное мистическое чувство общечеловеческой солидарности...

Когда в статье о Чернышевском Булгаков отмечает как собственное решение, что «признание верховных и священных прав личности и весь гуманизм коренятся в учениях религиозного идеализма, в постулатах потустороннего мира», то следует считать, что он вкладывает в слова «религиозный идеализм и постулаты потустороннего мира» именно вышеуказанное значение. Как считал Булгаков того времени, свойственные русской интеллигенции идея освобождения личности, её идеалы гуманизма и нравственного энтузиазма, должны быть переустановлены на религиозно-философской основе, понятой именно таким образом.

Обратим внимание на то, что данная статья о Чернышевском, повторяя типичное содержание цикла булгаковских статей, посвященных опровержению атеистического позитивизма, опубликована в ноябрьском номере журнала «Новый путь» за 1904 год, редакционное право которого Булгаков фактически приобрел накануне – с предыдущего октябрьского номера. Как выясняет исследователь М. А. Колеров⁸, еще задолго до этого Булгаков хотел иметь собственный печатный орган – журнал, для своей группы идеалистов, которую он вместе с Бердяевым и другими инициировал, выпустив в 1902 году сборник «Проблемы идеализма». Редакционное право на «Новый путь» было приобретено именно с этой целью. В октябрьском и последовавших ноябрьском и декабрьском номерах размещены статьи под одним и тем же заголовком «Без плана. 1. «Идеализм» и общественные программы» – своего рода политические программы идеалистов. Ясно, что эти первые номера имели особое декларационное значение для идеалистов. В них заявлялась новая позиция идеалистов. Следовательно, есть основание полагать, что отдать дань памяти Чернышевскому, посвятив ему в ноябрьском номере отдельную

статью, – вполне сознательное и в определенном смысле даже демонстративное действие со стороны идеалистов как политической группы. А содержание данной «демонстрации» говорит читателям о том, что наследником героического духа освободительного движения шестидесятников являются не современные представители освободительного движения материалистического и позитивистского толка, то есть марксисты и народники, выдающие себя таковыми, а именно «мы» – идеалисты.

Объясним. Упомянутая серия статей под заголовком «Без плана. 1. «Идеализм» и общественные программы» представляет собой интересные документы, обнаруживающие конкретные социальные программы «идеалистов», и служат для нас аргументом, подкрепляющим нашу позицию.

Булгаков начинает данный цикл статей с мыслью, что провозглашаемая философско-теоретическая основа того или иного социального движения не всегда совпадает с его практическими социальными программами и, в частности, материалистическая теоретическая основа марксистов и народников является необязательным фундаментом их практической общественной программы. Таким образом, как бы расчищая поле для своего дальнейшего теоретического размышления, Булгаков заявляет, что провозглашаемая им группа идеалистов берет своей философско-теоретической основой именно идеализм. Однако вопреки популярному представлению о политической ориентации идеализма в сфере практической социальной программы, идеализм фактически не занимает самостоятельную от атеистических освободительных сил позицию, то есть в целом разделяет социальную программу, «которая в своих принципиальных основаниях была искони общепринятой в передовых слоях русской интеллигенции»¹⁰. Если говорить конкретно, как заявляет Булгаков, идеалисты должны поддерживать «принципиально отрицательное отношение к капиталистической частной собственности, к собственности на орудия и материалы производства, которая неизбежно является средством капиталистической эксплуатации»¹⁰, также «централистического коллективизма, при посредстве которого устраняется капиталистическая организация предприятия»¹¹.

Однако, согласно убеждению Булгакова, разница философско-теоретической основы проявляется в том, что в то время как марксисты рассматривают как фактическую высшую ценность «классовые интересы», а народники – понятие «народ», идеалистами в ранг таких высших ценностей возводятся именно «права человека и гражданина, права человеческой личности, свобода или, вернее, свободы, вся совокупность всяких свобод для этой личности»¹². И в сфере практической программы, по которой идеалисты могут идти вместе с

этими двумя силами, Булгаков выделяет преимущество идеалистов. Согласно его убеждению, при разработке конкретной социальной политики идеалисты расположены к «большому научному бесстрастию, большому научному реализму», в котором идеал освобождения личности выступает как единственная мерка для определения эффективности той или иной конкретной политики. В то же время, как считал Булгаков, марксисты и народнические силы страдают догматизмом. Догматизм марксизма заключается в том, что марксисты догматизируют понятие классовой борьбы для классовых интересов и не умеют привнести свой вклад непосредственно в дело улучшения условий труда рабочих, а также в том, что из-за механического применения своего закона концентрации индустриального производства в сельском хозяйстве, марксисты рассматривают пролетаризацию мелких крестьянских хозяйств и образование крупных хозяйств как неизбежный ход развития сельского хозяйства. Как отмечает Булгаков, с точки зрения опытного наблюдения и изучения, крестьянское хозяйство, которому свойственна семейная форма хозяйства, не обречено на вымирание, а наоборот, развивается. Марксисты не могут принять этот факт из-за своего догматизма. В то же время и народничество также страдает догматизмом. По убеждению Булгакова, семейное крестьянское хозяйство представляет собой форму общественно полезного аграрного производства, в котором средства производства не отделены от производства и нет места эксплуатации наемного труда. Однако народники, страдающие фобией частной собственности, наоборот, атакуют крестьянское хозяйство и фактически поддерживают государственную политику, направленную на сохранение крестьянской земельной общины, ограничивающей права крестьян. Согласно убеждению Булгакова, крестьянская община должна стать юридическим лицом со свободой права вступления и выхода.

Конечно, грубо просто сравнивать взгляды двух мыслителей, расходящихся во времени почти на полвека, тем более их взгляды на конкретные политические меры. Политическая программа Булгакова разрабатывалась после сознательного усвоения теоретического достижения марксизма и народничества. Однако, если все же попытаться найти точки соприкосновения социальных взглядов двух мыслителей, то можно указать, что вопреки прогнозируемому капиталистическому пути развития сельского хозяйства, оба мыслителя ориентировались на сохранение и развитие земельной общины в определенной форме и, в конечном счете, через это на преобладание коллективной формы сельского хозяйства. Оба они были убеждены в преимуществе коллективной формы хозяйства с точки зрения производительности. К тому же, Булгаков того времени был абсолютно далек от какого-либо утверждения существования универсального закона развития, который, как утверждает Чернышевский в статье «Критики философских

предубеждений против общинного владения», распространяется от закона развития физического мира до закона развития человеческого общества. Булгаков, как раз наоборот, своей целью считал опровержение догматического прогноза, основанного на каком-либо законе прогресса общества. Если Булгаков поддерживал сельское хозяйство определенной формы, то это именно потому, что она представлялась ему более этичной в силу ее совпадения с этическим принципом всеобщего труда и отсутствия эксплуатации, как в случае с семейным крестьянским хозяйством, или в силу высокой производительности и удобства в производстве, как в случае будущего «аграрного социализма, как перспектива отдаленного будущего»¹³. Стоит также отметить, что сельская земельная община, на которую как на ориентир указывал Булгаков, представляла собой «кооперативное объединение мелких трудовых крестьянских хозяйств»¹⁴, которые, однако, владеют землей как частной собственностью. А современные Булгакову сельские общины рассматривались им скорее как институты, обреченные на ликвидацию.

На фоне социального-политического взгляда Чернышевского более интересными кажутся описания должного направления развития общества Булгаковым, который к этому времени уже «прошел» через марксизм. Конечно, Булгаков, придерживающийся «научного реализма», был очень осторожен в выдвигании какой-либо конкретной модели будущего общества. Но все же мы обнаруживаем, что данная модель была описана им в сфере экономики, как «централистическая промышленная демократия, где промышленная жизнь регулируется совокупной республикой труда сверху вниз, из центрального представительства к периферии, и земледельческая демократия – с принципом федеративного устройства вечевое начала»¹⁵. В сфере политики его модель формулируется, как «изменения правовых и государственных учреждений в таком направлении, чтобы уменьшалось влияние централизованной бюрократии и увеличивалось свободное самоопределение самоуправляющихся общественных групп»¹⁶. Как мы видим, в сфере политики Булгаков противопоставляет понятие «общественного самоуправления» «бюрократии, орудию исполнительной власти», хотя и признает, что «самое идеальное самоуправление не может вполне вытеснить бюрократию, которой принадлежат известные необходимые функции в государственной жизни»¹⁷. Такой идеал самоуправления, противопоставленный «бюрократии», встречается и в статье «Неотложная задача», опубликованной в 1905 году в сентябрьском номере того же журнала, уже сменившего название на «Вопросы жизни». Как пишет там Булгаков, идеал является «развитием самоуправления и общественного самоопределения, при котором правительство, власть и общество постепенно сливаются друг с другом»¹⁸. В качестве наиболее конкретного идеала выдвигаются «свободный союз самоуправляющихся общин,

федеративный союз демократических республик, всемирные Соединенные Штаты»¹⁹.

Здесь наше внимание привлекает то обстоятельство, что ориентация на будущее общество, главным образом, выражалось Булгаковым того времени терминами: «самоуправление» и «федерация». Тут мы обнаруживаем интересное совпадение с Чернышевским. Как известно, в работе «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский берет в качестве среднего этапа развития человеческого общества «бюрократию», которую он усматривает в современных ему обществах Франции, Австрии и Пруссии. Как описывает Чернышевский, на данном этапе развития общества «житель округа по отношению своему к администрации есть лицо чисто пассивное, *materia gubernanda*»²⁰. Эти общества «лишены органического единства»²¹. А высший, завершающий этап развития, который, согласно теории Чернышевского, «по форме» совпадает с первоначальным этапом развития человеческого общества, он описывает так: «ученым образом подобное состояние называется самоуправлением и федерациею»²².

Интересно также последнее булгаковское выражение «всемирные Соединенные Штаты». Мы знаем, что в качестве наиболее близкой к идеалу модели подобных «самоуправления» и «федерация» Чернышевский упоминает современную ему Америку: «Швейцария и Северо-Американские Штаты по административной форме представляются совершенным возвращением от бюрократического порядка к первоначальному быту, какой имели люди до возникновения общинных государств»²³. Мы обнаруживаем, что и у Булгакова «Северная Америка» ассоциировалась с наиболее близким к идеальной модели примером общественного режима, хотя Булгакову к этому времени такой режим уже представлялся как наиболее христианская модель общества: «...христианской формой правления по преимуществу является никоим образом не деспотический автократизм татаро-турецкого типа, возведенный в этот ранг Византией и раболепствующей официальной церковью, но федеративная демократическая республика, как это хорошо понимали в свое время английские диссиденты, эмигрировавшие в Америку»²⁴.

Возможно, все это можно просто объяснить тем, что «самоуправление», «федерация» и «Соединенные Штаты» были крылатыми популярными ключевыми словами шестидесятников. Тем не менее, нам представляется интересным, что терминология Булгакова, который прошел через путь отрицания ортодоксальной и легальной веток марксизма, с одной стороны, и отрицания народничества – с другой, оказалась той же самой терминологией шестидесятников.

Примечания

- ¹ Булгаков С. Н. Н. Г. Чернышевский // Новый путь. 1904. Ноябрь (№11). С. 319.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 320.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Булгаков сам не особо любил использовать выражение «гуманизм» для выражения комплекса ценностей, направленного на уважение личности, и расценивал проявления «гуманизма» в большинстве своем как ограниченное добро.
- ⁷ Булгаков С. Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Два града : исследования о природе общественных идеалов. М., 2008. С. 100.
- ⁸ Колеров М. А. Не меч, но мир. Русская религиозно-философская печать от “Проблем идеализма” до “Вех”, 1902-1909. СПб., 1996.
- ⁹ Булгаков С. Н. Без плана : 1. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. Октябрь (№10). С. 262-263.
- ¹⁰ Булгаков С. Н. Без плана : 1. «Идеализм» и общественные программы. (Окончание). // Новый путь. 1904. Декабрь (№12). С. 310.
- ¹¹ Там же. С. 313.
- ¹² Булгаков С. Н. Без плана : 1. «Идеализм» и общественные программы. С. 269.
- ¹³ Булгаков С. Н. Без плана : 1. «Идеализм» и общественные программы. (Окончание). С. 313.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Булгаков С. Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 311.
- ¹⁶ Булгаков С. Н. Без плана : 1. «Идеализм» и общественные программы. С. 270.
- ¹⁷ Булгаков С. Н. Без плана : 1. «Идеализм» и общественные программы. (Продолжение). С. 344.
- ¹⁸ Булгаков С.Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 33.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. : в 3 т. М., 1950. Т. 2. С. 468.
- ²¹ Там же. С. 467.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 468.
- ²⁴ Булгаков С.Н. Неотложная задача. С. 33.

А. А. Демченко

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА А. С. ЗЕЛЕНОГО К Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

В русскую литературу псковский помещик-просветитель Александр Сергеевич Зеленой (1822–1875)¹ вошел в напряженную пору общественного подъема, связанного с начавшимся обсуждением будущих условий освобождения крестьян от крепостного права. С середины 1850-х годов его статьи стали появляться в «Земледельческой газете», «Санкт-

Петербургских ведомостях», журналах «Народное чтение», «Современник». Через И. И. Панаева он познакомился с Чернышевским, заинтересованно отнесшегося к выразителю настроения довольно значительного числа желавших реформ представителей дворянского сословия, на которое можно было опереться в создании единого антикрепостнического фронта. Завязалась переписка, впоследствии опубликованная и прокомментированная Н.А. Алексеевым, В.Г. Базановым, Б. В. Мельгуновым².

Разногласия наступили в связи со статьями Чернышевского в «Современнике» второй половины 1857 г., чрезвычайно задевшими Зеленого рассуждениями о феодалах-грабителях (особенно в «Заметках о журналах» – 1857. № 7 и в статье «О поземельной собственности» – 1857. № 9, 11, полемически направленной против одноименной статьи редактора «Экономического указателя» И. В. Вернадского, возражавшего против общинного землевладения и сторонника частной собственности на землю). Автор «Заметок», опровергая «безусловное» утверждение В. П. Безобразова в «Русском вестнике», будто государство только тогда обеспечит в обществе «порядок и движение», когда определит меру вознаграждения «старых интересов» (т. е. помещиков-крепостников), писал, намекая на русские дела: «Когда в XIII веке Рудольф Габсбургский уничтожил разбойничьи феодальные замки на берегах Рейна и в Швабии, разбойники, в течение ста или двухсот лет потомственно грабившие всех проезжих и всех соседей, неужели могли требовать вознаграждения, ссылаясь на право давности? Ведь они лишались части своих доходов. Но какое дело было до того Рудольфу Габсбургскому?» Другое дело, если б они отказались от награбленного «добровольно», «по юридическому же правилу, – заключал Чернышевский свои рассуждения, – грабитель не заслуживает ровно никакого вознаграждения за то, что отказывается от грабежа, – он счастлив должен быть уже тем, когда не взыскивают с него денег, заграбленных им» (IV, 799, 800). Свои соображения А. С. Зеленой изложил в двух письмах конца 1857 года, никогда полностью не публиковавшихся³.

Чернышевскому была видна не лишенная односторонности позиция его корреспондента, создавшего своими публикациями репутацию умеренного либерального деятеля, и приятельские отношения с ним строились, прежде всего, на основе взаимного уважения, порядочности, честности, искренности.

Публикуемые письма приобретают ценность и как выражающую обратную связь публициста «Современника» с одним из его читателей – редкий материал в наследии Чернышевского.

На первом листе тетради, содержащей текст первого письма⁴:

«1857! А. С. Зеленой.

Экспромт

под влиянием первого впечатления по прочтении статьи «О
поземельной собственности» (ноябрь, «Современник»))»

27 ноября 1857 г.

Милостивый государь

Николай Гаврилович,

не погневайтесь, что я позволяю себе несколько резких слов по поводу статьи Вашей (последней, я думаю!) в ноябрьской книжке «Современника» – «О поземельной собственности» «Экономического» «Указателя» №№ 22, 25, 27, 29⁵. – Если Вы непоколебимо убеждены в непогрешимости Ваших мыслей, в означенной статье изложенных, – то настоящего письма моего можно и не читать, – а писать его я чувствую потребность, ибо статья Ваша относится до всех помещиков вообще, следовательно и до меня. Буду разбирать по порядку.

Я полагаю, что г. Вернадский не отвечал на Вашу предыдущую статью⁶ вовсе не по той причине, какую Вы предполагаете⁷.

Резкость предыдущей статьи Вашей относительно г. Вернадского Вы объясняете тем, что имели в виду особую цель, а резкость была только средством⁸ – неужели цель оправдывает средство?..

Вы пишете, что «единственный пункт, который заслуживает серьезного разбора», – это то, что общинное владение препятствует успехам сельского хозяйства, – нет, есть пункт серьезнее: он убивает энергию и характеры. В многострадальной, но мощной груди пролетария больше свежих сил, нежели у общинника, успокаивающегося в своей скромной доле, довольного лоскутом земли, который дала ему «его родина» – тип общинника – Молчалин⁹. При фермерстве, пишете Вы, улучшения не выгодны ни для собственника, ни для фермера (стр. 2); в Англии – система фермерства – и нигде так «не улучшено» хозяйство, как в Англии. Неужели же там улучшали и улучшают его – для невыгод? – «Фермер теряет непременно всю сумму их (улучшений) (стр. 3)». Отчего же *всю*? – улучшил и в пять-шесть лет может вернуть *весь* капитал с процентами, употребленный на улучшение; он *ничего* не теряет. Например, самое лучшее улучшение хозяйства – отличное удобрение земли (теперь уже везде исчезают или значительно убавляются земли, не нуждающиеся в удобрении). Фермер покупает лишних десять голов скота. Земля удобрена отлично – пять-шесть сильных урожаев покроют издержку; кроме того он продаст масло и молоко, у него приплод – телята; перед окончанием контракта

он может, если нужно или если захочет, продать все стадо – он возвращает капитал, который уже одними урожаями принес высокие проценты. – Но входить в такие подробности бесполезно, потому что сущность не в этом. Вы сравниваете постоянно общинника с фермером – сравнение это не должно идти к делу. Оно не может иметь места, потому что – фермер обрабатывает чужую землю, а общинник – принадлежащую (как Вы предполагаете) – землю, принадлежащую общине, т. е. свою. Какое же тут сравнение? Общинника и его хозяйство можно – если нужно – сравнивать с собственником, а не с фермером. Если же с фермером, то надо предположить, что земля, которую занимает община, принадлежит не общине, а собственнику (частному лицу или государству). Вы же не предполагая этого, – сравниваете общинника с фермером, и из этого ложного основания делаете многочисленные выводы, – конечно, будет выходить не то, что требуется, будут и выводы ложны.

«Фермерство, – пишете Вы, – с точки зрения сельскохозяйственных успехов – это самое неудобное учреждение» (стр. 9). «Фермеры, – приводите Вы из Сисмонди¹⁰, – возводят земледелие на степень науки». Как же это?

Общинное владение покамест еще нигде не возвело сельского хозяйства на степень науки, а фермерство – возвело. – Но и не в этом дело. – Мысль Ваша та, что при общинном владении масса народа пользуется несравненно большим благодеянием, нежели при существовании частной собственности, и что, следовательно, частную собственность (и право наследства, конечно) *надо уничтожить*. Это уже не реформа, а переворот, и переворот доселе небывалый. Вы желаете, чтобы Россия первая произвела опыт в этом роде. Время благоприятствует: хотят отменить рабство, – так уж заодно ударить и по частной собственности. (NB. Даже «Пол<ярная> Зв<езда>»¹¹ и «Колокол»¹¹ не идут так далеко.) – Каким же образом? А вот каким: всю землю, которую обрабатывают в свою пользу помещ<ичьи> крестьяне – отобрать у помещиков в казну и отдать ее тем же крестьянам в общинное пользование (при этом Вы ничего не говорите, чья же это земля будет: общин или казны? Другими словами: будут ли за нее крестьяне платить (сверх податей) оброк в казну, – как теперь делают государственные крестьяне, – или нет??) – По великодушию Вы оставляете нам, разбойникам, т. е. помещикам, ту землю, которая теперь для нас обрабатывается. Это ирония. Земли этой некому будет обрабатывать, если и явится на ней крестьянин с плугом, то она – т. е. тот кусок, который ему вздумается пахать, – тотчас же делается его собственностью, ибо «всякий земледелец должен быть землевладелец...» Но допустим, что не явится, – у крестьян будет тогда довольно своей или государственной земли. Оставшиеся нам земли зарастут лесами, покроются мхами и болотами. – Что же в них?? Лучше

уж и их отдать земледельцам. Таким образом дворянство остается без ничего, оно погибло без гильотины. Государственная служба займет только ничтожную часть его, занятие литературой – не у всякого есть талант (уравнять умы и таланты – еще не приискано средств. Таланты, так же как и земля – от Бога, а что Божее, то общее, – но делить землю – средств приискано. А таланты – нет еще), ни по воспитанию, ни по привычкам, ни по физическим силам – дворянство не может обрабатывать само для себя землю, оно лишено всего. «Вы отнимаете у нас возможность жить, вы взяли у нас собственность – возьмите и жизнь», – скажут дворяне – прекрасно; «разбойники» погибли достойным образом с женами, чадами и домочадцами. Чувство мести ... удовлетворено. Они погибли, потому что им – деться некуда; хорошо еще, кто спозаранку продаст имение, у кого есть денежный капитал – тот прав. Переселиться на Делерзей? – Всем – нельзя, тесно будет, – да и опять-таки, деньги нужны. Хорошо еще у кого есть миллион в кармане, гений в голове и бездна знаний, – тот может раскланяться со «своей родиной», для которой «все дети равно милы...», – и бежать от милой «матери», которая его ограбила. Ну, а у кого нет ни миллиона, ни гения, ни громады сведений, тот погибай. – Зачинщики этого филантропического дела – не теряют ровно ничего, напротив, приобретают славное имя «друзей народа». Народ блаженствует. У каждого «сына своей родины» есть клочок земли, на котором «с умеренностью и аккуратностью» он «скромно» пройдет свой жизненный путь. Люди делаются ангелами, потому что нет причин ни к «злобе», ни к «зависти», к «презрению» и «опасению», – богатства у всех равные. Правда, лишняя корова на дворе соседа может подать повод (и подает *de facto*¹²) и к злобе, и к зависти, но подобные препятствия к ангельскому житию можно будет устранить: убить, напр<имер>, лишнюю корову у соседа и съесть целою общиною, разделяя порции так, чтобы всякий «получил столько же, сколько и его братья. Подобным образом поступить и со всякою другою причиною к «злобе» и к «зависти». Если безобразный «позавидует» красавцу, то последнему можно попортить личико порохом – и да погибнет повод к «зависти». – В одной назначенной для убийства противника табличке было изображено так:

«Участков с общинным пользованием 400 семей... каждая семья получает по 150 р. «–». «Вывод ясен». Ясен, но не верен. В жизни выходит не то, что в табличке. Из 400 семей с общинным пользованием – много что семей 20 живут в «изобилии», 40 – в «безбедности», 80 – в «нужде», 160 – в «крайней нужде», а остальные в «нищете» – батраками у первых 20 семейств – так бывает в действительности, несмотря на общинное владение. Но если употреблять вышесказанные способы к уравнению богатства и изгнанию у сердец «братии» злобы и зависти, то,

может быть, действительно и пойдет под табличку. Блаженство всесовершеннейшее.

Оно бы и водворилось, если бы «друзья народа» действовали в своем усердии к народу не по чувству (непонятой) мести, а по справедливости. Если бы, избивая касту «разбойников», которые имели непростительную наглость родиться или сделаться землевладельцами, они зацепили бы и тех, которые имели счастье родиться или сделаться капиталовладельцами. Но «друзья народа» почему-то напали *только* на одних дворян-помещиков... Аристократию денег они оставляют неприкосновенною. Господство буржуазии, угнетение капитала (денежного) – это для народа бремя, по их мнению, легкое?

Чувство мести заглушает чувство справедливости, – да и что такое: законность, истина, справедливость? Это все понятия обветшалые, – счастье народа заключается не в этих отживших свой век понятиях, которых еще держится «старая» наука, а в избиении дворянства и общинном владении. Дворянство надо избить, потому что оно дворянство, а общинное владение необходимо ввести потому, что оно, во-первых, из 400 семей каждому (!) даст поровну в год 150 рублей, и, во-вторых, потому, что оно приучает людей к «скромным жребиям», т. е. к умеренности и аккуратности, изгоняет из сердец «чувство злобы и зависти», вместо коих поселяет «чувство благорасположения» – и сверх всего сего приучает людей к табунному чувству.

«Старая наука» не так искала истины. Она анализировала факты без всяких предубеждений, пристрастий и ненавистий; какова бы ни вышла искомая истина – для нее было все равно, была бы только *истина*. Наука «новая» позволяет ученому обращаться с собою как с лошадью. Ученый заранее знает, какая именно искомая величина нужна ему и велит науке вести его, куда он прикажет; факты не нужны для его цели, он или объезжает, или топчет ногами своего Буцефала¹³; нужные подбирает тщательно и таким путем доезжает со славою¹⁴ до своей цели, т. е. до оправдания *путем науки* (!) мечтаний своих. Попалось на дороге целое сословие – топчи его, Буцефал; это все «разбойники»! Вот, напр<имер>, откупщики и миллионеры, те хотя и грабят народ, но народ чрез посредство их веселит сердце свое, а мы «друзья народа» любим, чтобы народ весел был! Тех – помилуем. Деньги, дома, фабрики капитала – оставим в целости, а земля – земля Божия! Отнять ее у грабителей. – Кто-то (Безобразов, кажется) заикнулся о вознаграждении – какое там еще вознаграждение «разбойникам»? Их мучить, пытаться надобно: «ломание членов», «отрубание рук и ног» – уже «не в нашем распоряжении» – мы подвергаем их пытке другого рода, пытке нравственной, – выругаем и озлобим «брата против брата», отнимем у них не только собственность, но и честь (какая уж честь у «разбойников»!)...

Да за что еще немилость такая и только к одному сословию? – Статья «О поземельной собств<енности>» веет ненавистью, желчным негодованием, мстью... Ей бы можно было дать заглавие: «Теория ограбления помещиков» – неудивительно, что «Современник» довольно равнодушно отзывается о взятках и взяточниках – что взятки? Вздор, грабеж по мелочи; а мы покажем средства, как произвести грабеж гуртом, общий, грабеж en masse¹⁵ !..

Спасайся, кто может!..

Я уверен, Николай Гаврилович, что Вы за мои резкости извините меня; ведь это не более, как «самозащитное». – Письмо же это прошу истребить по прочтении. – Статья Ваша произвела на меня тягостное впечатление, не потому, чтобы я был корыстолюбен и остервенился за посягательство на *всю* мою собственность; я знаю, что вследствие журнальной статьи собственность не отнимут у меня; я сам того мнения, что крестьян надо освободить с землею, – но тяжесть этого переворота не должна падать на одних помещиков, – а Вы напали на нас с страшною злобою... и *только* на одних нас – вот что возмутило меня. – Всегда и весь Ваш А. Зеленой.

Афоризмы

Всякий земледелец должен быть землевладельцем.

Всякий домоделец (каменщик, плотник) должен быть домовладелец.

Всякий печкоделец (печник) должен быть печковладелец.

Всякий в лавке-сиделец должен быть лавковладельцем.

Всякий кушанье-делец (повар) должен быть кушанье-сѣдец, т. е. съесть все, что он приготовит, хотя бы то было на 100 персон... и т. д. и т. д. — Дальнейший труд на этом поприще мог бы с большим успехом продолжить Кузьма Прутков.

2-е декабря, вечер, –¹⁶

Сейчас я имел удовольствие получить письмо Ваше, многоуважаемый Николай Гаврилович!¹⁷ По прочтении его первую мыслью было – не посылать Вам писанного в сей тетради, ибо вижу, что Вы слишком убеждены в Ваших мыслях, – а ссориться с Вами мне бы весьма и весьма не хотелось... Но потом раздумал – отчего не послать? Зачем таиться? – Письмо Ваше ко мне дышит не только негодованием против «волков», но и тяжелою грустию, – тут шутки неуместны, почему, не желая скрывать от Вас того, что навяла на меня статья Ваша, я посылаю все вышенаписанное, но прошу извинения и беру назад неуместные колкости против Вас... За исключением же оных ничего взять назад не могу.

Если помещики и волки, то и крестьяне их – не овцы. Посмотрели бы Вы поближе на этих овец – я 12 лет возился с ними и, право не знаю, чье положение тяжелее, помещика ли, который старается добросовестно

управлять крестьянами, или самих крестьян... Вы смотрите на «овец» слишком отвлеченно и издали, а известно, что «ничего нет легче, как издали видеть предметы такими, какими их хочется видеть» (не мое выражение). О «мнении» Смол<енских> Двор<ян> я думал точно так же, как и Вы, в чем, если пожелаете, можете убедиться, взяв у И.И. Пан<аева> мой разбор «Мнения» См<оленских> Дв<орян>, пересланный мною И. Ивановичу года 1 ½ назад, а писанный мною года три-четыре назад. Я вижу весь иезуитизм «Мнения». Но ужас, наведенный на меня Вашими мнениями и Вашею последнею статьею возбудил во мне реакцию. И, думаю, многие отшатнутся, подобно мне, прочитав ноябрьскую статью Вашу. Вы, как слишком пылкий воин, понесли во весь дух, Ваши сотоварищи не успели сжиться с Вами, отстали от Вас; Вы врубались в толпу неприятелей, которые окружают Вас и Вы: или будете вынуждены бросить оружие и сдать в плен на капитуляцию, – или погибнете... Таков должен быть исход Вашей полемики с «Эк<ономическим> Указателем». Вы слишком далеко пошли; да это бы еще ничего, что далеко — но по пути несправедливому. – Если бы Вы ударили по всем без исключения богатым собственникам, в чем бы ни заключались богатства их, в миллионах ли рублей или в нескольких десятках десятин земли (которыми множество помещиков едва могут кормиться) – я бы был весь Ваш (т. е. и все подобные мне), – до последней капли крови весь Ваш... Но Вы у помещиков, у богатых и бедных, имеющих собственность в земле, а не в домах и деньгах, хотите отнять последний кусок хлеба, пустить их решительно по миру с семействами, а Кокоревых, Громовых и множество им подобных – оставляете утопать в роскоши? И это справедливость?? И будет легче народу, когда вместо аристократии поземельной его возьмет в лапы богатая буржуа? – Посмотрите на Францию: денежная буржуа умеет душить народ с гораздо большим ехидничеством, чем аристократические породы.

Прошел здесь слух, что я будто бы уже определен на службу¹⁸, и Люба¹⁹ мне пишет, что она от Вас то же слышала. Полагаю, что слух справедливый. Я очень рад этому. Рад тому, что является возможность вырваться из этого ада, где я провел 12 лет агонической жизни, – ад этот есть главнейшим образом звание помещика и необходимость управлять крестьянами самому – верьте, что тяжело мне это звание, а Вы называете нас «волками». Эх, Николай Гаврилович!.. Попробовали бы Вы сами быть волком, увидели бы Вы, как легко возиться с «овцами»...

Я уже доказал Вам, что если, отдав землю крестьянам и не дав за нее помещикам никакого вознаграждения, оставить помещ<икам> только ту землю, которая теперь для них обрабатывается, – то это *пустить по миру* всех не имеющих денежных капиталов помещиков. – Вы пишете: «Они сами хотят того, что ужасно – пусть будет, что будет!» – Я отвечаю: когда у меня отнимут всю мою собственность – мне не нужна жизнь.; возьмите

у меня средства к жизни – возьмите и жизнь. Я все равно должен умереть с голоду, – лучше же я умру, защищая права мои на мои средства к жизни. Мошенник купец, подлец откупщик не теряет ни гроша от своих сотен тысяч и станет холодно давить народ своими капиталами и пользоваться всеми благами жизни, а у меня, бедняка в сравнении с ними, да еще *очень и очень не холодно* тратившего и досуг, и здоровье, и часть доходов на посильное попечение об улучшении крестьян. Хотят отнять *всё*, все средства к жизни – и это справедливость??? И я после этого испугаюсь смерти??. Полноте, Николай Гаврилович! Вы слишком увлеклись в сторону!.. Ударьте *по всем* собственникам (в том числе и по мне), – и я весь Ваш.

Я и теперь весь Ваш, но по другим причинам... Я не могу не уважать и не любить Вас не только по личным причинам, но и потому, что считаю, что Ваши заблуждения выходят из чистого источника, из убеждения и любви к угнетенным, которых Вы, из любви же к ним, уж слишком идеализируете... Посмотрели бы Вы вблизи, что это за «овцы».....о. хо-хо!.. Но смею уверить Вас, что я люблю народ не меньше Вашего, хотя далеко не представляю его в таком виде, как он Вам представляется.

Сейчас опять получил из третьего уже места подтверждение слухов, что я определен на службу... Как я рад! Я вырвусь из этого ужаса, из этой духоты, из этого ада!!!

Одного жаль сердечно – школы²⁰, но я постараюсь устроить так, чтобы она и без меня шла; перерыв будет может быть месяца два – не более. Опять увижу Вас, увижу Петербург! Увижу милейшего Ивана Ивановича!.. Очень я люблю его... Он человек со странностями, но это также в нем привлекательно. – Рад я очень... Одна только «Последняя туча рассеянной бури» несется по ясной лазури²¹... Это болезнь Любы – надо будет Любу в деревню отправить. Нам и то совестно, что мы из Вашего дома нечто вроде лазарета сделали. Домой Любу, – а я – в Петербург!!!! Ольги Сократовны²² целую ручки. – И Вас целую, Николай Гаврилович! Примите лобзание «разбойника»... Эх, Вы!.. Сами Вы разбойник!

Весь Ваш А. Зеленой.

P.S. Вы не хотели приехать ко мне в деревню посмотреть, как я разбойничаю, – ну теперь милости прошу ко мне в гости на мою петербургскую квартиру!! У меня будет одна комната, но это ничего. – Только болезни Любы отравляют радость мою...

P.P. S.S. Александрам Никол<аевичу> и Васильев<ичу>²³ свидет<ельствую> мое глубокое почтение, и Вас, Николай Гаврилович, искренне благодарю за передачу г. Карновичу моего сердечного ему приветствия... О, если б Бог дал здоровье Любе!.. Одна только болезнь ее сокрушает меня...

Примечания

¹ Биографические сведения о нем см.: Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 5. С. 604-621; Орлов Виктор. Горжусь тобой, прадед // Просторы России. Орел, 1996. № 17. С. 10. Митрофанова С. Е. «Я питаю убеждение...»: (А. С. Зеленой – псковский помещик и гражданин России) // Псков. 2001. № 15. С. 99-103.

² Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым, 1855–1862 : по рукописям Музея им. Чернышевского в Саратове и Пушкинского дома в Ленинграде / введение, примеч. и ред. Н. К. Пиксанова. М. ; Л., 1925; Базанов В. Г. Н. Г. Чернышевский и А. С. Зеленой : (к проблеме народного просвещения) // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М. ; Л., 1958. С. 168-176; Из переписки А. С. Зеленого / публикация Б. В. Мельгунова // Некрасовский сборник. СПб., 2001. Вып. 13. С. 218-227.

³ Фрагменты писем публиковались в кн.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М. ; СПб., 2015. С. 523-533.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 1 – 6 об.

⁵ Полное название: «О поземельной собственности. Критику «Современника». Статьи г. И. В-ского: «Экономический указатель», №№ 22, 25, 27 и 29. Первая статья Чернышевского печаталась в сентябре, вторая в ноябре; *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1939-1953. Т. 4. С. 349-469. Далее цитаты по этому последнему изданию. Римская цифра – том, арабская цифра – страница.

⁶ Первая (сентябрьская) часть статьи.

⁷ Чернышевский: оппоненту «совестно» было отвечать после «ушибов, понесенных им от падений в ямы, которых такое множество он сам вырыл себе, но он все еще не оправился» (IV, 420).

⁸ «...формой будто бы жаркого спора возбужден интерес общества к вопросу, которым оно гораздо меньше занялось бы, если бы дело было изложено без полемической приправы» (IV, 419). А в недатированном письме к А. С. Зеленому 1857 года пояснил цель начатой полемики с «Экономическим указателем»: «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею о преобразовании сельских отношений» (XIV, 348).

⁹ Отличающийся приспособленчеством персонаж пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума».

¹⁰ Сисмонди Ж-Ш-Л-С де (1773–1842), швейцарский экономист и историк, отстаивал социальное законодательство в пользу трудящихся.

¹¹ Заграничные бесцензурные оппозиционные издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

¹² Фактически, на деле.

¹³ Кличка коня Александра Македонского, царя Македонии.

¹⁴ Следующие две строки густо зачеркнуты.

¹⁵ Здесь: всеобщий

¹⁶ РГАЛ И. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 6 об. – 8 об.

¹⁷ Ответное письмо Чернышевского не сохранилось.

¹⁸ Речь о службе в Министерстве государственных имуществ.

¹⁹ Любовь Николаевна Калитина, племянница А. С. Зеленого.

²⁰ Школа для крестьянских детей, основанная А. С. Зеленым в 1850 году в его родовом имении селе Ивановское-Матенец Холмского уезда Псковской губернии на свои средства. В письме к редактору «Земледельческой газеты» А. П. Заблоцкому-Десятковскому от 26 ноября 1857 года А. С. Зеленой сообщал, что здесь «всего учащихся и обучившихся уже грамоте 35 человек» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 207. Л. 8).

²¹ Из стихотворения М.Ю. Лермонтова.

²³ А. Н. Пыпину, двоюродному брату Н. Г. Чернышевского, и А. В. Захарьину, родственнику О. С. Чернышевской.

О. А. Хвостова

М. Н. КАТКОВ И П. В. АННЕНКОВ

Павел Васильевич Анненков ненамного старше Михаила Никифоровича Каткова, и умерли они в один и тот же год – 1887-й. Свое первое знакомство с Катковым он запечатлел в «Замечательном десятилетии. 1838–1848» (1880): «По осени того же 1840 г. явился в Петербург молодой человек, М. Катков, из Москвы, переводчик «Ромео и Юлии», уже составивший себе репутацию человека с основательными филологическими познаниями и с замечательными способностями к отвлеченному мышлению и к критике идей»¹. Анненкова привлекла «страстная, увлекающаяся натура» Каткова, сочетающая энциклопедическую образованность (философия, поэзия, искусство) с «порывами совершенно фантастического характера, частью искренними..., а частью придуманными, в виде украшения»². Несколькими штрихами Анненков рисует романтический портрет молодого Каткова с «демоническим выражением физиономии», облик его не совпадал с амбициозными «планами ученой и труженической жизни»³, представляя загадку для окружающих.

С 1837 года до своего появления в Петербурге Катков входил в московский кружок Н. В. Станкевича. Среди ближайших знакомых молодого человека были известные в литературно-журнальном мире люди: В. Г. Белинский, И. И. Панаев, А. А. Краевский. Начав печататься в «Московском наблюдателе» как переводчик и пропагандист немецкой классической философии, идей Гегеля, Катков продолжил сотрудничество с журналом «Отечественные записки» Краевского, в том числе в «Литературных прибавлениях». Включившись в эту литературно-журнальную работу вместе с Белинским и Панаевым, он показал себя как деятельный сотрудник журнала, «в числе главных его руководителей»⁴.

Период дружеского сближения с Белинским сменился быстрым охлаждением. В 1840 году Катков идейно разойдется с Белинским навсегда. И все это происходило на глазах Анненкова, который объясняет этот разлад личными обстоятельствами, особенностями характера молодого Каткова («выражение некоторого легкого презрения к *интеллигенции*», «высокое понятие о самом себе», «резкие выходки и несправедливости к друзьям»⁵). Белинскому были чужды идеи «метафизики ума и воли»⁶ (этюда «Сарра Толстая»), увлеченность Каткова философией Шеллинга.

Молодой человек, остро нуждавшийся в деньгах, как ведущий сотрудник «Отечественных Записок» рассчитывал на «безбедное существование на всю жизнь»⁷. Разочаровавшись, Катков вскоре прервал сотрудничество с редакцией журнала. Для продолжения образования и дальнейшего знакомства с немецкой философией в октябре 1840 года он в сопровождении Анненкова сел на последний пароход, отправлявшийся из Петербурга в Любек. Катков слушал в Берлинском университете лекции Шеллинга, был принят в его доме и даже увлечен дочерью философа.

Анненков называет еще один веский повод к отъезду Каткова за границу – «для исполнения одного долга чести», опять же связанный с его романтической натурой. Анненков деликатно упоминает любовную историю, в которую замешан был М. Бакунин: «Какая-то старая и довольно грубая, хотя и морализующая, по обыкновению, выходка Б<акунина> по поводу одной московской истории вызвала в самом кабинете Белинского порядочно безобразную сцену между К<атко>вым и Б<акуниным>, когда оба они находились уже в Петербурге. Дело должно было разрешиться дуэлью в Берлине»⁸. Обстоятельства случившегося не прояснены мемуаристом. Белинский и Панаев согласились быть секундантами.

Более обстоятельно об этом пишет ближайший конфиденгент Каткова Евгений Михайлович Феоктистов. Он рассказывает (со слов графини Салиас), что жена Н. П. Огарева Мария Львовна, «светская, молодая, любившая развлечения», очень выделяла Каткова среди приятелей ее мужа. И тот «страстно влюбился в нее»: «Однажды известный М. Бакунин вошел в кабинет т-те Огаревой и увидел, что Катков сидит на скамейке у ее ног, положив голову на ее колени; он быстро ретировался, но не замедлил рассказать о сцене, которой пришлось ему быть свидетелем»⁹. Друзья Огарева возмутились, и Катков вызвал М. Бакунина на дуэль. Так как проводить поединок в России было небезопасно, решено было уехать за границу.

Анненков умалчивает о своей роли в этом конфликте, которая была очень значительна. Именно он помог предотвратить поединок и уладить ссору. Тем не менее, Анненков делает краткое примечание в своих воспоминаниях: «При отъезде моем за границу Белинский, рассказывая подробности сцены, поручал мне стараться о примирении врагов. “Было бы большим несчастьем, – говорил он, – потерять такого человека, как К<атков>; действуйте особенно на Б<акунина> – он же резонер и на сделку пойдет скорее ”»¹⁰.

Катков был за границей с 1840 по 1843 годы. Там он болел, крайне нуждался в средствах, обратившись в письме от 7 июля 1842 года к Анненкову с просьбой помочь. Тот мгновенно откликнулся на призыв Каткова, принял живое участие в его судьбе, оплатив семинедельное лечение и проживание во Франценсбаде. Катков отвечал Анненкову

безграничной искренней преданностью, в ответном письме из Франценсбада от 23 августа он в порыве благодарности пишет адресату: «...вы сами подаете мне прекрасный пример, как надо сочетать ощущение с делом, вы не просто пожалели обо мне, но и деятельно помогли»¹¹.

В целом этот период взаимоотношений между Катковым и его окружением можно охарактеризовать словами Анненкова-мемуариста: «Катков переживал тогда тот период развития, который можно назвать “свирепостию молодости” и который часто разрешается явлениями, которые кажутся совершенно невозможными и дикими в приложении к лицу, узнанному нами позднее, когда оно уже вполне определилось»¹². По возвращении из Германии Катков еще более отдаляется от своих прежних друзей, сближается со славянофилами, отдается научной и преподавательской деятельности в Московском университете (в 1845 году им защищена магистерская диссертация «Об элементах и формах славяно-русского языка»), занимает место редактора университетской газеты «Московские ведомости». С 1856 года Катков возглавляет журнал «Русский вестник», надолго ставший одним из ведущих литературных и общественно-политических изданий России.

В обширном наследии Каткова – выдающегося публициста, филолога, литературного критика, основоположника русской политической журналистики, общественного деятеля – особое место занимают труды о Пушкине.

Сохранилось письмо Каткова от 6 апреля 1855 года к Анненкову, в котором он высоко оценил и восторженно приветствовал «Материалы для биографии А. С. Пушкина» в качестве первого тома к предстоящему изданию сочинений поэта: «Благодарю вас от всей души, любезный Павел Васильевич, за экземпляр вашего «Пушкина»... Это драгоценный для меня подарок... Труд ваш истинно почтенный. Ваши замечания и взгляды, проблескивающие в биографических материалах и комментарии, прекрасны»¹³.

Выход в свет «Сочинений Пушкина», изданных П. В. Анненковым, послужил поводом к написанию монографической работы Каткова «Пушкин». Этот литературно-эстетический трактат появляется на страницах «Русского Вестника» (1856) в разгар литературно-журнальных столкновений между представителями «реальной» и «эстетической» критики, отраженных в статьях Н. Г. Чернышевского и А. В. Дружинина по поводу анненковского издания Пушкина. Чернышевский высоко оценил вклад Каткова в осмысление пушкинского наследия. Он называет статью Каткова «капитальной», выделяя в ее содержании, прежде всего, «разрешение чисто эстетических задач», соотнося их с «характером общего воззрения»¹⁴ «Русского вестника». Таким образом, эта работа Каткова была знаковым выражением эстетической программы журнала. В последующих оценках катковская статья упоминается как «поворот» в

развитии полемики между сторонниками «гоголевского» и «пушкинского» направлений в литературе, отмечается, прежде всего, ее общетеоретическая значимость. В свое время это отметила В. Б. Сандомирская в коллективной монографии «Пушкин. Итоги и проблемы изучения», когда об объективном взгляде на труды Каткова не могло быть и речи¹⁵. Включить труд Каткова как необходимое звено в пушкинистику XIX века – дело нашего времени.

При детальном рассмотрении становится очевидно, что эстетические принципы, теоретико-литературные взгляды критика подтверждаются глубоким проникновением в художественный мир Пушкина, наблюдениями над конкретными произведениями разных жанров (лирика, поэма, роман, драматургия). Катков возвращается к своей юности, к тем вопросам, которые были подняты в его первом пушкиноведческом опыте – переводе монографической статьи К. А. Варнгагена фон Энзе о Пушкине (1839) – принципам романтической критики, которые он уже переосмыслил.

Каткова занимают «вопросы эстетики» (о сущности, целях, «теоретическом» и «практическом» значении искусства, о назначении поэта и поэзии, о природе вдохновения, соотношении сознательного и бессознательного в искусстве, о сходстве и различии «мысли» в поэзии и «отвлеченном мышлении») не в их общетеоретическом смысле, а в конкретном преломлении в судьбе и поэзии Пушкина. Критик является приверженцем того, что у Пушкина была своя теория искусства, воплощенная им в стихотворениях «Разговор книгопродавца с поэтом», «Чернь», «Поэт, не дорожи любовью народной!», «Поэт», «Эхо»: «Пушкин не был теоретиком. Но действительно, с течением времени его художественная деятельность достигла до самосознания...»¹⁶. Катков в понимании искусства идет вслед за немецкой классической философией (Кант, Гегель) в найденной им формуле: «Поэзия есть, прежде всего, одна из форм нашего сознания... Поэзия, в истинном смысле, есть познающая мысль, направленная на то, что не подвластно отвлеченному мышлению»¹⁷. Мысль поэта также важна, по Каткову, как и его бессознательное вдохновение. Для критика это все едино.

В стихотворении «Чернь» Катков находит конкретизацию практической роли искусства, выделяя два момента о существовании искусства. От художника нельзя требовать внешней практической пользы: «Печной горшок тебе дороже, / Ты пищу в нем себе варишь...». И второе, когда на поэта возлагают миссию исправления пороков. Обе эти крайности противоречат цели искусства и вдохновению. Искусство, будучи свободным полетом вдохновения, способствует успехам гражданственности, развитию общественных отношений, происходит «очеловечивание жизни»¹⁸. Катков цитирует хрестоматийные строки («Не для житейского волненья, / Не для корысти, не для битв, / мы рождены

для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв»), являющиеся знаменем «эстетического» направления, приверженцев «чистого искусства», но критик спорит с ним: «Все неприятно поражающее ум в этом знаменитом выражении: “искусство для искусства” заключается в представлении, будто художник должен иметь своею целию только изящество исполнения, и тут мы с полным правом восклицаем: нет! искусство должно иметь какую-либо более существенную цель; пусть оно лучше оставит тщеславное притязание находить в самом себе цель для своих явлений и будет лишь простым и честным орудием для других назначений, на которые вызывает его жизнь со своими битвами и стремлениями»¹⁹.

Чем же отличается его позиция от принципов «триумvirата» – Анненкова, Дружинина, Боткина? Катков, по сути, провозглашает собственную эстетическую программу: «Люди призваны в мир не для одного спокойного созерцания; мы должны действовать и участвовать в великих битвах жизни, каждый по силам и средствам своим; все в человеческом мире стремится и действует, все в напряжении и борьбе; так!»²⁰. Это не только декларация литературного критика, она имеет и автобиографическое звучание: Катков умел действовать и делал это с поразительной результативностью в политике, журналистике, редакционных делах.

При непосредственном участии Анненкова в «Русском вестнике» Каткова был опубликован роман Тургенева «Отцы и дети» (1862). Позднее в своем мемуарном труде «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862» (1885) Анненков запечатлел обстоятельства печатной истории романа, свои встречи и беседы с Катковым о Базарове. По поручению Тургенева Анненков получил рукопись романа в редакции «Русского вестника» от Каткова и «в два дня проглотил» это «грандиозное создание». Он был поражен одной особенностью характера Базарова – одинаково «холодным презрением к собственному своему искреннему чувству» и «к идеям и обществу, между которыми живет», «монотонностью, прямолинейностью отрицания»²¹. Кроме того, по просьбе Тургенева Анненков должен был встретиться с редактором журнала лично, чтобы «взять обратно у Каткова согласие, данное им на разделение и напечатание его труда в двух или трех частях»²².

Эмоциональный, напряженный диалог с Катковым передан Анненковым во всех подробностях. Добродушно приняв Анненкова, Катков сразу же обрушился на Тургенева: «Как не стыдно Тургеневу было спустить флаг перед радикалом и отдать ему честь, как перед заслуженным воином»²³. Спокойное возражение Анненкова («этого не видно в романе, Базаров возбуждает там ужас и отвращение») вызвало строгую отповедь Каткова: «в ужас и отвращение может рядиться и затаенное благоволение, а опытный глаз узнает птицу в этой форме»²⁴.

Защищая авторский замысел, Анненков воскликнул: «Неужели вы думаете, М. Н., что Тургенев способен унизиться до апофеозы радикализму, до покровительства всякой умственной и нравственной распущенности?»²⁵. Для Каткова такой вывод очевиден. «Горячо и, видимо, одушевляясь», он добавил: «Подумайте, только, молодец этот, Базаров, господствует безусловно надо всеми и нигде не встречает себе никакого дельного отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, венец, коронующий эту достославную жизнь, и это, хотя и случайное, но все-таки самопожертвование. Далее идти нельзя!»²⁶.

Очевидно, что Анненков оценивает Базарова с художественной стороны («никогда не следует выставлять врагов своих в неприглядном виде, а, напротив, рисовать их с лучших сторон»²⁷). Катков же «полуиронически и полуубежденно» напоминает о существовании «еще и политического вопроса»: «Кто может знать, во что обратится этот тип?»²⁸. Катков завершает разговор безапелляционным утверждением: «Возвеличивать спозаранку и украшать его цветами творчества значит делать борьбу с ним вдвое труднее впоследствии»²⁹. Анненкову не удалось переубедить своего оппонента относительно замысла Тургенева, но его суждения несколько смягчили доводы редактора и ускорили прохождение рукописи в печать. Мемуарист с огорчением вспоминает, что среди общих знакомых предлагались и более радикальные меры относительно «лучшего, совершеннейшего» произведения Тургенева, «начиная с совета предать его огню, данного семьей Т<ютчевых>»³⁰.

Диалог Анненкова с Катковым явился началом большой литературно-критической полемики вокруг публикации «Отцов и детей» в «Русском вестнике». На прощание Катков пообещал Анненкову изложить свои замечания о Базарове автору романа письменно. Отрывок из этого письма, который перекликается с устными высказываниями Каткова, Тургенев привел в статье «По поводу “Отцов и детей”». обстоятельному анализу «отрицательного направления» нигилизма как общественной болезни современной России Катков посвятил статью «Роман Тургенева и его критики» («Русский вестник», 1862, № 5) и ее продолжение «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» (1862, № 7).

Анненков сообщил Тургеневу о разговоре с Катковым: «Катков в ужасе от той силы, мощи, превосходства над толпой и способности покорять людей, которую заметил в Базарове; он говорит, что это «Современник», возведенный в апотеозу, и отчаивается...»³¹ (письмо от 26 сентября (8 октября) 1861 года из Петербурга). В этом же письме Анненков обозначил и свою позицию, сравнивая Базарова с монголом и Чингис-Ханом: «Зверская животная сила его не только не пленительна, но увеличивает отвращение к нему, и поражена бесплодием. Весь тип целиком есть осуждение дикого общества, где он мог родиться...»³². По сути, в негативной оценке Базарова Катков и Анненков сошлись, но

принципиальная разница их позиций состоит в том, что Катков боится «растлевающего» воздействия этого образа на русскую общественность. Анненков же подчеркивает в Базарове правдивое воспроизведение диких нравов современной России, что является типичной оценкой либерала-западника. Катков желает уберечь государственный организм от разрушительной базаровской стихии. В этом споре он остается русским консерватором и государственнымником.

Примечания

¹ *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие, 1838–1848 // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 163.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 164–165.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 164.

⁹ *Феоктистов Е. М.* <Государственный деятель без государственной должности> // *Катков М. Н.* Собр. соч. : в 6 т. СПб., 2012. Т. 6 : Михаил Никифорович Катков: pro et contra. С. 648.

¹⁰ См. примеч. автора: *Анненков П. В.* Указ. соч.. С. 164.

¹¹ П. В. Анненков и его друзья: литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 489.

¹² *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие. 1838–1848. С. 164.

¹³ П. В. Анненков и его друзья: литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. С. 493.

¹⁴ *Чернышевский Н. Г.* Заметки о журналах // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 3. М., 1947. С. 642.

¹⁵ *Сандомирская В. Б., Городецкий Б. П.* Пушкин в истории русской критики и литературоведения. Гл. 3. 50–60-е годы // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 61–62.

¹⁶ *Катков М. Н.* Пушкин. Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова, СПб., 1855. 6 томов // *Катков М. Н.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2010. С. 251.

¹⁷ Там же. С. 252, 255.

¹⁸ Там же. С. 266.

¹⁹ Там же. С. 268.

²⁰ Там же. С. 265.

²¹ *Анненков П. В.* Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862 // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. С. 449.

²² Там же. С. 450.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 450–451.

³⁰ Там же. С. 451.

³¹ *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. СПб.: Наука, 2005. С. 110.

³² Там же.

Е. В. Первалова

**«ПРАВДА БЕЗ ВСЯКИХ ПРИКРАС»:
ПРОЗА С. Т. СЛАВУТИНСКОГО В «РУССКОМ ВЕСТНИКЕ»**

Имя Степана Тимофеевича Славутинского (1821–1884) знакомо специалистам по истории русской литературы и журналистики, прежде всего, по адресованным ему письмам Н. А. Добролюбова. Оживленная переписка между ними в начале 1860 года возникла в связи с тем, что редакция «Современника» хотела привлечь Славутинского к сотрудничеству, предлагая вести отдел «Внутреннее обозрение». Добролюбов считал, что «обозревателя лучше искать нечего, да и трудно найти». Именно в одном из писем, написанных к Славутинскому в первой половине марта 1860 года, Добролюбов прямо и откровенно изложил взгляды редакции «Современника» на цели и задачи публицистических выступлений: «Мы должны действовать не усыпляющим, а противоположным образом. Нам следует группировать факты, требующие поправок и улучшений, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, чтобы противно стало читателю это богатство грязи»¹.

За тем вниманием к пассионарному содержанию, которое традиционно уделялось этим строкам, как-то совершенно «потерялся», остался в стороне сам адресат письма. В большинстве исследований, в которых речь каким-либо образом касается С. Т. Славутинского, в основном акцент делался на его взаимоотношениях с «Современником» как публициста, автора нескольких опубликованных в журнале «Внутренних обозрений», на его либеральных колебаниях, вызвавших в конечном итоге недовольство Добролюбова и ставших причиной последовавшего вскоре разрыва писателя с демократическими кругами².

А между тем С. Т. Славутинский был хорошо знаком русской читающей публике середины прошлого века не только как публицист, но и как один из наиболее талантливых беллетристов «второго плана». Широкою известность Славутинскому принесли опубликованные у Некрасова в 1859 г. рассказы «Своя рубашка», «Жизнь и похождения Трифона Афанасьева», а в 1861 г. «Русском слове» – роман «Беглянка».

Однако начало литературной деятельности писателя было связано отнюдь не с «Современником» Н. А. Некрасова, а с «Русским вестником»

М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева – наиболее влиятельным журналом либерально-консервативной направленности. Здесь в конце 1850-х годов было напечатано несколько его стихотворений³, а затем и первые беллетристические произведения: повести «История моего деда»⁴ и «Читальщица»⁵. Именно эти первые повести Славутинского и привлекли к нему столь пристальное внимание редакции «Современника», а выход их отдельным изданием в конце 1859 года стал поводом для обширной статьи Н. А. Добролюбова «Повести и рассказы С. Т. Славутинского» в «Современнике»⁶ и к началу переписки Славутинского с критиком некрасовского журнала.

Тематически проза Славутинского примыкает к «обличительному» направлению в русской литературе, предметом которого являлись недостатки прошлого, чиновничий произвол, бюрократизм, тягостные эпизоды крепостнической зависимости.

В центре внимания в повестях Славутинского – крестьянский быт, взаимоотношения крестьян с помещиками, нравы крепостников, тяжбы и прочее. Повести отличает прекрасное знание предмета, что делает их чрезвычайно интересными даже для современного читателя. Хорошим знакомством с жизнью современной деревни писатель был обязан долголетней службе в палате гражданского суда в Рязани, а затем в должности старшего чиновника особых поручений при рязанском губернаторе. По роду деятельности он должен был вести следствия по крестьянским делам, присутствовать при наказании крестьян, усмирении бунтов и т.п. Помимо того, благодаря службе писатель имел возможность доступа к архивным материалам, что значительно расширяло диапазон имевшейся у него информации.

«История моего деда», представленная автором как «отрывок из записок», во многом по сюжету походит на пушкинского «Дубровского». В привычках князя Любецкого – надменного, властолюбивого, вспыльчивого до бешенства – воплотилась норма дворянского бытия – от царских палат до мелкопоместной усадьбы. Князь ведет роскошную жизнь, окруженный толпой приживальщиков, терпеливо и подобострастно сносящих все его причуды. Почти все уездные дворяне считают себя «постоянно и невольно какими-то подчиненными князя, как бы вассалами его». Еще более бесчеловечен князь по отношению к своим крепостным слугам – «у него каждая вина была виновата», «от ничтожной ошибки одного из псарей он мог безумно предаваться гневу». При этом князь не просто жесток по своей натуре, он жесток по убеждению. По его мнению, прощать виноватого было бы опасно и несправедливо, ибо «строгостию только может держаться порядок». В повести описывается случай, когда поймав четырех бежавших от него крестьян, князь предаёт их чудовищным пыткам в течение целой недели, а затем, истерзанных, еле дышащих, отправляет в тюрьму, а семьи несчастных, после долгого

пребывания в тюрьме, ссылает в Сибирь. Один из немногих людей, осмеливающихся противостоять князю – его сосед, мелкий помещик Туренин, обладающий «недюжинным характером», главной чертой которого была «правдивость в действиях и словах и верность в дружбе, доходившая до самоотвержения». Не сумев сломить гордости неугодившего ему Туренина, князь заводит против него судебную тяжбу. И хотя формально закон на стороне Туренина, князь выигрывает спор, так как все чиновники уезда, где он состоит предводителем, находятся в полной его подчиненности, а в столице властвуют подобные ему деспоты, начисто лишённые чувства чести и совести. В результате Туренин сходит с ума, оставив малолетнему сыну почти разоренное тяжбами и нескончаемыми поборами чиновников имение.

Нарисованной картине беззакония прошедшей эпохи, среди нравов которой господствует дух «рабства, лести и подлости», Славутинский явно стремился противопоставить надежды на возрождение господства законного порядка и справедливости, неоднократно подчеркивая, что все описываемые в повести события принадлежат прошлому: «Тогда в России сильны были предрассудки, произвол, злоупотребления, во всем обходившие закон». Славутинскому, как большинству представителей «обличительного» направления в литературе конца 1850-х гг., была свойственна вера в торжество закона, в реформаторскую деятельность правительства, в то, что виной всему являются несовершенные законы и нечестные чиновники и что принятие разумных и справедливых законов, честное исполнение чиновниками своего долга перед народом способно изменить российскую действительность.

Эта умеренность выдвигаемых писателем требований вполне соответствовала общественно-политической программе «Русского вестника», в котором подобного рода произведения занимали значительное место. Колоритные картины помещичьего самодурства, факты из жизни крепостников-помещиков, терзающих своих крестьян и самовластно повелевающих зависимыми от них людьми, представлены в повести П. И. Мельникова «Старые годы», «Народных украинских рассказах» Марко Вовчка. Описания плутней чиновников, подобные тем, которые приведены Славутинским, можно найти и в «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина, и в рассказах Мельникова «Поярков», «Дедушка Поликарп», «Медвежий угол», «Непременный», «Именинный пирог», и в рассказах И. В. Селиванова «Из провинциальных записок чудака», и др.

Однако в прозе Славутинского было что-то, что отличало ее от других «обличительных» произведений, а именно – иное отношение к народу, иной подход к описываемым им явлениям.

Главными героями почти всех произведений «обличительной» литературы были чиновники, начиная от мелких приказных, станowych и

исправников и кончая теми, кто находился на верхних ступенях должностной лестницы. Народ почти всегда выступал как существо страдательное, как темная, забитая, покорная и послушная воле своего господина масса. Крестьяне в произведениях большинства авторов – «обличителей» были беззащитны и бесправны, их житейская «рабская мудрость» заключалась в поговорке: «Перед начальством имей голову наклонну, а сердце покорно»⁷. Эти несчастные, истомленные мучительными трудами, сломленные долгим горем и вечной нищетой люди вызвали жалость и сочувствие. Чего, например, стоит образ крестьянки в одном из рассказов И. В. Селиванова: «Она стояла молча, с этим пассивным, огорчающим душу терпением, с каким ждет горемыка права и случая вымолвить свое слово»⁸.

Напротив, в прозе Славутинского низшие сословия были представлены не в жалком, униженном положении, а как люди, способные на самостоятельные, решительные действия. Так, в «Истории моего деда» бывший крепостной Туренина, Антон, в ответ на жестокое обращение князя Любецкого, поджег его дом, а схваченный, даже под пытками не признал свою вину. Герои Славутинского – это люди, зачастую «выламывающиеся» из привычной, естественной для них среды, страстные натуры, не видящие грани, разделяющей добро и зло, порочные, но одновременно и недовольные собой, стремящиеся найти выход из замкнутого круга.

Эта особенность творчества Славутинского особенно ярко проявилась в повести «Читальщица». В ней представлена колоритная фигура купца Андрея Нахрапова – человека, обладающего быстрым, хитрым, предприимчивым умом, необыкновенно упорным и жестоким нравом, не обремененного совестью... Вся жизнь его прошла в службе «по питейной части», в «глубоко-растленной, тлетворной среде». Рано очутившись в омуте развратной и разгульной жизни, он «много зла увидел, много бед вытерпел и научился многим дурным делам», жизнь вел разгульную, «лгал всегда и перед всеми, обманывал и обкрадывал всякого, и иной раз не из корысти, а из какого-то особенного удовольствия». Но даже такой «глубоко-развращенный человек», который всю жизнь совершенствовался в обмане, лжи, воровстве, «забывая Бога и правду», представлен писателем не в одних лишь черных красках. Герой чувствует неосознанную тоску по загубленной жизни, напрасно растроченным силам, «недовольство самим собой и безотвязную печаль». Не понимая причин этой тоски, он старается унять ее опять же пьянством и разгулом, которые сменяются периодами покаяния и раскаяния. Этот герой Славутинского словно бы предвосхищает «выламывающегося из среды» горьковского Фому Гордеева...

Главная героиня повести – Татьяна, дочь Нахрапова, предстает как полная противоположность отцу. Цель ее жизни – служение ближним,

Богу, труд на общую пользу, стремление к бескорыстной помощи людям. Она выращивает лекарственные травы, лечит больных, учит маленьких детей, читает Псалтырь по усопшим, не отказываясь от награды за свой труд, но и не торгуя им. Автор подчеркивает в ее характере чистоту, кротость, полное бескорыстие, любовь к труду. Вместе с тем в описании героини нет ни слащавой приторности, ни излишней идеализации, напротив, преобладает простота, естественность и даже документальность.

Именно это «мужественное, прямое и строгое воззрение на простой народ» и привлекло к Славутинскому внимание Добролюбова. Критик «Современника» оценил то, что Славутинский, с одной стороны, показал творческие возможности человека из простого сословия и его способность к протесту и возмущению, а с другой – не стал его идеализировать. Добролюбов охарактеризовал эту особенность прозы Славутинского как «правда без всяких прикрас», подчеркнув, что писатель «не подлаживается ни к читателям, ни к народу, не старается смягчить грубый колорит крестьянской жизни, не усиливается непременно создать идеальные лица из простонародного быта», «не пытается обойти его недостатки и выставить только хорошие стороны». По мнению критика «Современника», эта отличающая произведения Славутинского правда свидетельствует в пользу того, что «народ не замер, не опустился, источник жизни в нем не иссяк»⁹. В главной героине повести «Читальщица» Добролюбов увидел «новое явление положительного характера, зарождающегося в недрах народной жизни», и в этой столь высокой оценке можно заметить скрытую полемику критика с тургеневским идеальным образом – героиней «Дворянского гнезда» Лизой Калитиной. Если девушка из господского круга, отказавшись от «греховного» любовного чувства, ушла в монастырь, то девушка из народа в аналогичной ситуации не стала укрываться от душевных волнений, а «поддерживала себя своим трудом», помогает близким и т.д.

И хотя по уровню исполнения повести Славутинского явно уступали очеркам Щедрина или рассказам Мельникова, для Добролюбова именно эти качества – «верная передача действительности», отсутствие претензии на «эстетические украшения» и «правда без всяких прикрас» в изображении народа – ставили их на первое место в ряду «обличительной литературы». В последующем эти положения были развиты Н. Г. Чернышевским в опубликованной в «Современнике» в 1861 году статье «Не начало ли перемены?», ставшей одним из программных выступлений журнала.

Однако Славутинский, надежды которого на ликвидацию существующих в России социальных противоречий были связаны, в первую очередь, с принятием своевременных законов и постепенным проведением реформ, явно не смог «вписаться» в редакционный круг

«Современника», что стало причиной быстрого расхождения писателя с этим журналом и возвращения к чиновничьей деятельности.

Напротив, его отношения с редакцией «Русского вестника» возобновились в 1870-е гг. Здесь публиковались его «отрывочные воспоминания»: «Волости первого моего участка»¹⁰, «Родные места»¹¹, «Из семейных воспоминаний»¹². И хотя эти произведения Славутинского не приобрели столь широкой известности, они не менее интересны с точки зрения художественности и одновременно могут служить документальным свидетельством эпохи.

«Волости первого моего участка» по форме представляют очерки, в которых автор передал свои впечатления от службы мировым посредником, а затем мировым судьей в Литве в 1860-е гг. Славутинский был действительно уверен, что честная государственная служба и честные чиновники есть один из способов спасти и обновить Россию, что и подтолкнуло его вновь начать служить, причем на одном из самых сложных участков – в Западных губерниях.

В очерках дано объективное, почти документальное, однако, отнюдь не лишенное художественных достоинств описание традиций, быта, внешности, привычек, преданий литовских крестьян, подробно анализируются особенности местного землевладения, взаимоотношения господарисов (крестьян-владельцев земельных наделов), кутников (безземельных крестьян, нанимающих угол (кут) для жилья) и батраков и т.д. Славутинский не скрывает от читателя и негативных сторон крестьянского быта литовцев: эгоистичность, проявляющуюся зачастую в отношениях с близкими, когда старший брат может изгнать из семьи или отселить в «кут» своих обременяющих семью родных, повсеместное распространение батрачества, «этого истинно несчастного положения сельского рабочего люда»... Эти особенности автор объясняет не только местными особенностями, порочной крепостнической практикой, низким уровнем земледелия, «при котором скудное пропитание и самый тесный приют обеспечивается только на половину года в рабочую пору»¹³. Однако совершенно искренне звучит в финальной части воспоминаний признание автора, что несмотря на неразговорчивость и кажущуюся на первый взгляд нелюдимость литовского крестьянина, он в конечном итоге полюбил «тамошний народ, этих пасмурных, суровых жмогусов». «Мне думается, ни один народ не любит так своей родины, как именно литовцы», – пишет Славутинский¹⁴. Трудолюбие, поэтичность, искренняя религиозность, правдивость, уважение к истине, серьезность – вот качества, которые присущи литовскому крестьянину.

В воспоминаниях приводится несколько эпизодов польского мятежа 1863 г. В контексте этих трагических событий особенно актуально воспринимаются те фрагменты воспоминаний, где автор рассказывает об отношении местного населения к русской администрации, о трудностях,

возникающих в процессе общения русского чиновника и местных жителей, об активном противодействии со стороны местного духовенства введению обучения на русском языке и т.д. Характерен эпизод 1865 г.: на шутливо-ироничное замечание дочери польского помещика, обращенное к русскому капитану, военному становому: «Вы все более вот этим орудием усмиряли», и девушка указала на лежащую на скамье нагайку, капитан медленно отвечает: «Что ж, когда и этого было довольно...»¹⁵. И хотя сам капитан был весьма доволен своим остроумием, но автору воспоминаний его столь многозначительный ответ показался обидным для поляков – хозяев дома. Что же касается хозяйки, то разговаривать с капитаном она перестала, и прошло несколько дней, прежде чем к ней вернулась ее спокойное и внимательное отношение к постояльцам.

В то же время нельзя не заметить явного осуждения автора в адрес польских мятежников. По его мнению, хотя ни разу напрямую и не высказанному, движущая сила восстания – гордость и тщеславие польских «панов», их исторически сформировавшаяся ненависть к России на фоне безразличия и покорности населяющего Западные губернии крестьянства. Так, без излишней эмоциональности, просто, почти буднично, со слов купца-старообрядца описывается нашествие повстанцев во главе с паном Сераковским на его усадьбу, приводятся хвастливые утверждения польского воеводы: «И до Москвы дойдем... не в первый раз», и тут же – слова простых повстанцев: «Собрались и пойдем... Нельзя не идти: велено... да и нужда...»¹⁶.

В эпизоде «Родные места» Славутинский с любовью описал ставшие ему родными места Рязанской губернии: Егорьевск и прилегающие к нему деревеньки, широкое приволье Оки и ее окрестностей, Коломенский и Зарайский монастыри, занятия, черты характера, особенности говора и внешности местных жителей... Содержание этого очерка может и сегодня представлять известный интерес для местных краеведов и этнографов.

Наиболее интересен последний отрывок – «Из семейных воспоминаний» – замечательный психологический этюд, в котором обрисован колоритный тип человека, «выламывающегося» из традиционной среды. Герой эпизода – незаконнорожденный сын помещика Туренина, выведенного в повести «История моего деда». Взятый от родной матери из дома вечно пьяного отчима на воспитание в поместье родного отца, уже пребывающего в состоянии умопомешательства, он, несмотря на старания мачехи, не смог «прижиться» на новом месте, найти общий язык с новой родней, не имел желания чему-либо учиться и остался «волчонком», ненавидящим и презирающим всех окружающих. Единственный человек, которого он любил болезненно и страстно, – мать, но ее ранняя смерть отняла у него и эту привязанность. Получив после смерти родного отца тысячу рублей, герой очерка на двадцать лет покинул родные места, но, по-видимому,

нигде не смог найти счастья, и вынужден был почти нищим вернуться на родину, в семью своей сводной сестры, где был принят как родной брат и окружен заботой и вниманием. Несмотря на проявляемое к нему сочувствие, он привык осуждать «всех, с кем заводилось иметь дело»: «По его словам выходило, что это все такие люди, от которых при случае не добра надо ждать, а великого худа». Несмотря на почти полную нищету, он остался горд, и ни от кого не хочет принимать помощи, пытается сам заработать себе на кусок хлеба, никого не утруждая («Милостыньки просить все-таки не стану»). «Старого пса к цепи не приручишь», – так отзывался сам о себе это странный человек. Вся его дальнейшая жизнь – это «шатания» с места на место, почти полное душевное одиночество, озлобленность, отчужденность от всех людей, недоверие ко всем окружающим, трагическая одинокая смерть в степи во время метели.

Несомненно, интересна попытка писателя не просто нарисовать психологический портрет своего героя, но и проследить его эволюцию: как ребенок, с детских лет находившийся в неопределенном положении незаконнорожденного, с годами постепенно превратился в страшно горделивого, неуживчивого, мрачного, крутого и недоброго человека, без привязанностей, без способности любить и уважать окружающих его людей.

Даже очень поверхностный анализ поздней прозы Славутинского показывает, что имя этого писателя сегодня забыто совершенно незаслуженно. Славутинский интересен, с одной стороны, как талантливый писатель-очеркист и документалист, благодаря творчеству которого сохранилось немало свидетельств переходной эпохи второй половины XIX в. С другой стороны, его фигура любопытна в контексте полемики и конкурентной борьбы между «толстыми» общественно-политическими изданиями 1850-1860-х гг., представляющими различные политические направления – «Русским вестником» и «Современником». Каждый из этих журналов стремился привлечь к сотрудничеству ярких, талантливых авторов, творчество которых при этом должно было отвечать программе издания. К этому времени «физиономия» каждого «толстого» общественно-политического журнала уже приобрела ярко выраженную идеологическую направленность, определяемую составом и содержанием публицистических отделов. Беллетристика заняла подчиненное положение по отношению к публицистике и по своему содержанию и идейной сущности должна была ей соответствовать. Попытка Славутинского сотрудничать в издании, радикальная позиция которого не отвечала его умеренным взглядам на методы и формы преобразований, не совпадала с его надеждами на постепенное реформирование социально-политической системы, является этому еще одним подтверждением.

Примечания

- ¹ Добролюбов Н. А. Письмо С. Т. Славутинскому // Добролюбов Н. А. Собр. соч. : в 9 т. М. ; Л., 1964. Т. 9. С. 400.
- ² См., например: Черняк Я. З. Н. А. Добролюбов и С. Т. Славутинский. Эпизод из литературного движения 60-х гг. // Красная новь. 1936. № 2; Черняк Я. З. [Вступительная статья] // Славутинский С. Т. Генерал Измайлов и его дворня. М., 1937; Лебедева Ю. В. В кругу «Современника» // Селиванов И. В., Славутинский С. Т. Из провинциальной жизни. М., 1985.
- ³ Русский вестник. 1857. Февраль, кн. 1.
- ⁴ Русский вестник. 1858. Март, кн. 1.
- ⁵ Русский вестник. 1858. Май, кн. 2.
- ⁶ Современник. 1860. Кн. 2.
- ⁷ Мельников П. И. Дедушка Поликарп // Русский вестник. 1857. Май, кн. 2.
- ⁸ Селиванов И. В. Почтовая станция // Русский вестник. 1857. Ноябрь, кн. 2.
- ⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. С. 52-53.
- ¹⁰ Русский вестник. 1879. Кн. 8, 9, 10.
- ¹¹ Русский вестник. 1880. Кн. 5.
- ¹² Русский вестник. 1881. Кн. 3.
- ¹³ Славутинский С. Т. Волости первого моего участка // Русский вестник. 1879. № 8. С. 797.
- ¹⁴ Славутинский С. Т. Волости первого моего участка // Русский вестник. 1879. № 10. С. 589.
- ¹⁵ Славутинский С. Т. Волости первого моего участка // Русский вестник. 1879. № 8. С. 770.
- ¹⁶ Славутинский С. Т. Волости первого моего участка // Русский вестник. 1879. № 9. С. 59.

О. В. Ломова

РОМАН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Прошел юбилейный год – 185 лет со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского и 150 лет со дня выхода его романа «Что делать?». Общественный деятель, учёный, публицист, критик, писатель, Чернышевский во второй половине XIX в. был признанным вождём передовых, демократических сил России. Интерес к его идейно-философскому, литературно-публицистическому наследию, роману «Что делать?» не проходит до настоящего времени.

Саратов по праву считается одним из центров научного изучения жизни и творчества Чернышевского. Исследования его биографии и литературного наследия здесь начали публиковаться с 20-х гг. XX в., особенно в связи с юбилейными датами. Важная роль в этой деятельности принадлежит саратовскому музею-усадьбе Н. Г. Чернышевского и Саратовскому государственному университету им. Н. Г. Чернышевского.

Свой посильный вклад вносят и сотрудники Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич СГУ. Сотрудниками Справочно-библиографического отдела ЗНБ СГУ в течение многих лет проводится работа по отбору и систематизации материала, посвящённого жизни, деятельности, творчеству Чернышевского. Отзываясь на потребность в библиографических изданиях, которые бы отразили обширные по объёму и разнообразную по характеру и составу литературу о публицисте, критике, философе, начиная с 1934 г. библиографы работают над одним из направлений плановой библиографии – «Н. Г. Чернышевский и Саратовский край».

В 1960 году вышел рекомендательный библиографический указатель, составленный библиографом СБО П. А. Супоницкой, в основу которого легли материалы из краеведческой картотеки статей (Изучение Н. Г. Чернышевского в Саратове за Советский период : библиография / сост. Супоницкая П. А. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1960. – 30 с.). Результатом очередной научно-библиографической работы стал вышедший из печати в 1976 г. указатель литературы – Н. Г. Чернышевский. 1960-1970 гг.: указатель литературы / сост.: П. А. Супоницкая, А. Я Ильина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1976. – 158 [2] с. Литература в указателе фиксируется за период с 1960-го по 1970-й год. Выбор хронологических границ диктовался острой потребностью продолжить регистрацию литературы о Чернышевском после 1960-го года. Интерес к данной теме возрос в связи с исполнившимся в 1978 году 150-летием со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Были проведены многочисленные научные конференции, опубликованы крупные монографии, научные сборники, статьи, брошюры и т. д. Это было время интенсивного и плодотворного изучения биографии и богатейшего наследия Чернышевского. ЗНБ СГУ выпустила библиографический указатель, являющийся продолжением предыдущего труда – Н. Г. Чернышевский : указатель литературы, 1971-1981 / сост. П. А. Супоницкая. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 244 [2] с.

Серию персональных указателей, посвящённых Чернышевскому, продолжает выпущенный в 2007 г. библиографический указатель – Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы, 1982–2002 / сост. Т. А. Ривман, М. А. Михайлова, Н. С. Кикалова. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2007. – 192 с. Указатель фиксирует литературу о Н. Г. Чернышевском на русском языке за 20 лет, с 1982 по 2002 г.

Отбор литературы для библиографических указателей проводился по регистрационным изданиям Российской (Всесоюзной) книжной палаты, информационным бюллетеням Института научной информации по общественным наукам РАН. Кроме существующих печатных библиографических источников, использовались каталоги и картотеки Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне – Российская государственная биб-

лиотека), ЗНБ СГУ, фонды музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского в Саратове, Интернет. Вся литература в указателях расположена в хронологическом порядке, а в пределах года – в порядке алфавита. Справочный аппарат указателя включает: предметно-тематический указатель (ориентирует в работах, посвящённых различным сторонам жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского), указатель имён (включает фамилии авторов, редакторов, составителей работ о Чернышевском, а также имена, упоминаемые в работах исследователей), указатель заглавий работ Чернышевского, указатель названий периодических изданий XIX в.

В настоящее время на смену традиционным картотекам и библиографическим указателям пришли электронные библиографические базы данных. С 2003 г. в Справочно-библиографическом отделе ведётся библиографическая база данных, посвящённая жизни и творчеству Чернышевского. Она включает в себя информацию об изданиях, вышедших со второй половины 2002 г. по настоящее время. Вносятся библиографические описания книг, диссертаций, статей из сборников, журналов и газет, других периодических изданий, справочников, словарей, сопровождающиеся аннотациями справочно-информационного характера в тех случаях, когда из названия источника непонятна его связь с персоной, которой посвящена БД. Библиографические записи на издания снабжены справочно-поисковым аппаратом, включающим ключевые слова, тематические и хронологические рубрики. Большую ценность базе данных придает сочетание публикаций центральной и региональной печати, что важно как для саратовских читателей, так и для виртуальных пользователей.

В юбилейном 2013 г. был составлен и подготовлен настоящий библиографический указатель литературы «Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»». В ходе работы над ним были использованы предыдущие библиографические указатели, посвящённые Н. Г. Чернышевскому, БД «Н. Г. Чернышевский», другие печатные библиографические источники, каталоги и картотеки ЗНБ СГУ, Интернет.

Работа библиографов ЗНБ СГУ над библиографией, посвящённой Чернышевскому, является составной частью работы саратовских исследователей по изучению творческого наследия писателя. Материалы о Чернышевском востребованы студентами, учеными гуманитарной направленности, всеми, кто интересуется историей страны. Надеемся, что настоящий указатель позволит сосредоточить внимание на различных аспектах изучения знаменитого романа нашего земляка.

1926

1. Скафтымов, А. П. Роман Чернышевского «Что делать?» : (его идеологический состав и общественное воздействие) / А. П. Скафтымов // Н. Г. Чернышевский.

Сборник. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. — Саратов : Изд. Н.-В. обл. науч. о-ва краеведения, 1926. — С. 92-140. — Библиогр. и примеч. в сносках.

1927

2. **Стеклов, Ю.** Чернышевский и его роман «Что делать?» / Ю. Стеклов // Молодая гвардия. — 1927. — № 10. — С. 153-178.

1928

3. **Бухбиндер, Н.** Цензура о «Что делать?» Н. Г. Чернышевского / Н. Бухбиндер // Каторга и ссылка. — 1928. — № 7. — С. 43-50.

4. **Кара-Мурза, С.** Герои и героини романа «Что делать?» / С. Кара-Мурза // Красная нива. — 1928. — № 30. — С. 8-9.

1929

5. **Баскин, М. П.** Пропаганда материализма в романе Чернышевского «Что делать?» / М. П. Баскин // Научные труды. Сер. Социально-экономическая / Индустриально-пед. ин-т им. К. Либкнехта. — Москва, 1929. — Вып. 6. — С. 15.

1930

6. **Воробьев, П.** «Что делать?» Чернышевского : (опыт социологического истолкования) / П. Воробьев // Русский язык в школе. — 1930. — № 3. — С. 51-65.

1933

7. **Бродский, Н. Л.** Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. — Москва : Мир, 1933. — 228 с.

1935

8. **Юнович, М.** «Что делать?» / М. Юнович // Комсомольская правда. — 1935. — 21 сент. — С. 3.

О героине романа Н. Г. Чернышевского — Вере Павловне.

1936

9. **Ленобль, Г.** «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и современный читатель / Г. Ленобль // Молодая гвардия. — 1936. — № 12. — С. 142-159.

1938

10. **Кирпотин, В.** Роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского / В. Кирпотин // Кирпотин, В. Классики / В. Кирпотин. — Москва : Сов. писатель, 1938. — С. 220-233.

11. **Кирпотин, В.** Семидесятилетие романа Чернышевского «Что делать?» / В. Кирпотин // Литературная газета. — 1938. — 15 апр. — С. 3.

12. Царская цензура о романе «Что делать?» : [ред. ст.] // Коммунист. — Саратов, 1938. — 24 июля. — С. 2. — К 110-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

1939

13. Евгеньев-Максимов, В. Роман «Что делать?» / В. Евгеньев-Максимов // Краснофлотец. — 1939. — № 20. — С. 27-30.

14. Ефремов, А. Ф. Язык романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / А. Ф. Ефремов // Н. Г. Чернышевский. Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа / редкол.: А. Ф. Абрамович [и др.]. — Саратов : Сарат. обл. гос. изд-во, 1939. — С. 253-325.

15. Кипренский, А. Новые люди в творчестве Чернышевского / А. Кипренский // Московский большевик. — 1939. — 28 окт. — С. 3.

16. Кирпотин, В. Роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : [предисл.] / В. Кирпотин // **Чернышевский, Н. Г.** Что делать? : из рассказов о новых людях : [роман] / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Гослитиздат, 1939. — С. 3-24.

17. Никитин, Н. Новые люди / Н. Никитин // Учительская газета. — 1939. — 29 окт. — С. 3.

18. Ренский, П. Герой революционной демократии / П. Ренский // Октябрь. — 1939. — Кн. 10/11. — С. 294-297.

О герое романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Рахметове.

19. Сергеев, Н. Читатели о романе «Что делать?» / Н. Сергеев // Книга и пролетарская революция. — 1939. — № 9. — С. 120-122.

1940

20. Шилов, А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в оценке Н. В. Шелгунова / А. Шилов // Шестидесятые годы : материалы по истории литературы и общественному движению / под ред.: Н. К. Пиксанова, О. В. Цехновицера. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. — С. 173-186.

1941

***21. Евгеньев-Максимов, В. Е.** Роман «Что делать?» в «Современнике» / В. Е. Евгеньев-Максимов // Н. Г. Чернышевский, 1889—1939 : труды научной сессии к 50-летию со дня смерти / отв. ред.: В. Е. Евгеньев-Максимов, А. А. Вознесенский, Ш. И. Ганелии. — Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1941. — С. 226-241.

1948

22. Громов, Н. И. Особенный человек : (опыт анализа главы романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?») / Н. И. Громов // Литература в школе. — 1948. — № 5. — С. 3-13.

1949

23. Николаев, М. П. Характеры и стиль романа «Что делать?» / М. П. Николаев // Ученые записки / Кабардинский гос. пед. и учительский ин-т. — Нальчик, 1949. — Вып. 2. — С. 3-37.

24. Шibaев, С. М. Проблема революционно-героического характера в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / С. М. Шibaев // Ученые записки / Московский обл. пед. ин-т. — Москва, 1949. — Т 13 : Труды кафедры русской литературы, вып. 1. — С. 54-85.

1951

25. Бушканец, Е. Царская цензура и «Что делать?» Чернышевского / Е. Бушканец // Огонек. — 1951. — №39. — С. 24.

1953

26. Бухштаб, Б. Я. Записка Н. Г. Чернышевского о романе «Что делать?» / Б. Я. Бухштаб // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — 1953. — Т 12, вып. 2. — С. 158-169.

27. Водовозов, Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. Водовозов. — Москва : Знание, 1953. — 32 с.

28. Николаев, П. А. Эстетические принципы Н. Г. Чернышевского и его роман «Что делать?» / П. А. Николаев // Литература в школе. — 1953. — № 3. — С. 11-21.

1955

29. Трофимов, И. Т. Щедрин о романе Чернышевского «Что делать?» / И. Т. Трофимов // Трофимов, И. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин о реализме русской литературы : пособие для учителя / И. Т. Трофимов. — Москва : Учпедгиз, 1955. — Гл. 2. — С. 52-56.

1957

30. Верховский, Г. Некоторые особенности романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и образ Рахметова / Г. Верховский // О литературном мастерстве : сб. ст. / редкол.: А. С. Гвоздарев, В. В. Ромашевский, К. Ф. Яковлев. — Ярославль : Ярославское кн. изд-во, 1957. — С 44-104. — Библиогр.: с. 103-104 (16 назв.).

1958

31. Каплан, И. Е. Анализ главы «Особенный человек» из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / И. Е. Каплан // Литература в школе. — 1958. — № 4. — С. 43-49.

***32. Шагинян, М.** «Что делать?» Н. Г. Чернышевского / М. Шагинян // Шагинян, М. С. Об искусстве и литературе : статьи и речи, 1933—1957 / М. С. Шагинян. — Москва : Сов. писатель, 1958. — С. 118-128.

1959

***33. Шibaев, С.** К вопросу об особенностях художественного метода в романе «Что делать?» / С. Шibaев // Тупикин, В. Некоторые вопросы наследия Н. Г. Чернышевского : (к 70-летию со дня смерти писателя) / В. Тупикин, С. Шibaев, В. Щеулин. — Шахты : Изд. Шахт. гос. пед. ин-та, 1959. — С. 25-44.

34. Щербина, В. Еще раз о Рахметове и Волгине / В. Щербина // Вопросы литературы. — 1959. — № 7. — С. 105-120.

1960

35. Азнауров, А. А. Этическое учение Н. Г. Чернышевского / А. А. Азнауров. — Москва : Высшая школа, 1960. — 95 с.

Этика Н. Г. Чернышевского, ее основные черты, художественное воплощение революционно-демократической этики в романе «Что делать?».

36. Федосова, Т. Ф. Павел Маевский и первые попытки перевода романа Чернышевского «Что делать?» / Т. Ф. Федосова // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов : сб. ст. и материалов / под ред.: В. Д. Королюка, И. С. Миллера. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — С. 323-336. — Библиогр. в сносках.

1961

37. Зельдович, М. Г. Забытый эпизод борьбы вокруг романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / М. Г. Зельдович // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : [сборник] / под ред. Е. И. Покусаева. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1961. — Вып. 2. — С. 96-115. — Библиогр. в сносках.

38. Курдюмова, Т. Ф. Изучение художественных особенностей романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в курсе девятого класса средней школы / Т. Ф. Курдюмова // Ученые записки / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — Москва, 1961. — № 175 : Изучение художественного мастерства писателей-классиков в IX классе школы. — С. 57-78. — Библиогр. в сносках.

39. Рейте, М. Первый венгерский перевод романа «Что делать?» / М. Рейте, Ж. Зольдхейи // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : [сборник] / под ред. Е. И. Покусаева. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1961. — Вып. 2. — С. 234-243. — Библиогр. в сносках.

1962

***40. Лебедев, А. А.** Эстетические взгляды А. В. Луначарского : очерки / А. А. Лебедев. — Москва : Искусство, 1962. — 247 с.

В книге рассматриваются суждения А. В. Луначарского о романе «Что делать?» как попытке создания реалистического произведения «нового типа», о философии и эстетике Н. Г. Чернышевского.

41. Николаев, М. П. Толстой и роман Чернышевского «Что делать?» / М. П. Николаев // Яснополянский сборник : статьи и материалы : год 1962-й / редкол.: А. И. Поповкин (отв. ред.) [и др.]. — Тула : Тульское кн. изд-во, 1962. — С. 46-56. — Библиогр. в сносках.

***42. Пинаев, М. Т.** О двух «беллетристических хитростях» в романе «Что делать?» / М. Т. Пинаев // Материалы 17-й научной конференции. — Волгоград : Изд. Волгогр. пед. ин-та, 1962. — С. 102-104.

43. Проскурин, С. Я. Проблема труда в романе Чернышевского «Что делать?» / С. Я. Проскурин // Ученые записки / Орский гос. пед. ин-т им. Т. Г. Шевченко. — Орск, 1962. — Вып. 4 : Гуманитарные кафедры. — С. 179-190.

44. Цейтлин, А. Г. Система образов в романе «Что делать?» / А. Г. Цейтлин // Цейтлин, А. Г. Труд писателя : вопросы психологии творчества, культуры и техники писательского труда / А. Г. Цейтлин. — Москва : Сов. писатель, 1962. — С. 385-386.

45. Шварц, М. С. Беседа с учащимися техникума о некоторых моральных принципах героев романа «Что делать?» / М. С. Шварц // Литература в школе. — 1962. — № 1. — С. 48-52.

1963

46. Барцевич, В. П. Преемственность и полемика : (о повестях Помяловского и романе Чернышевского «Что делать?») / В. П. Барцевич // Вопросы славянской филологии : к 5-му Междунар. съезду славистов : сб. ст. / под ред. Е. И. Покусаева. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1963. — С. 101-117.

47. Громов, Н. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. И. Громов. — Ленинград : Тип. № 11 УЦБ и ПП Ленсовнархоза (г. Пушкин), 1963. — 48 с. — (В помощь учащимся старших классов).

48. Емельянов, Ю. Н. 100 лет роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Ю. Н. Емельянов // История СССР. — 1963. — № 5. — С. 225-226.

49. Ищук, Г. Н. Некоторые проблемы искусства в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Г. Н. Ищук // Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (к 100-летию выхода в свет) : сб. ст. / редкол.: Г. Н. Ищук (отв. ред.), В. В. Кулешов, С. М. Шibaев. — Шахты : Изд. Шахт. гос. пед. ин-та, 1963. — С. 63-82.

***50. Ковалева, П. Ф.** Два урока по изучению романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / П. Ф. Ковалева // Из опыта преподавания литературы в школе : сб. ст. — Орел : Орловское кн. изд-во, 1963. — С. 32-57. — Библиогр. в сносках.

51. Кулешов, В. В. Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский и некоторые социально-экономические проблемы в его романе «Что

делать?» / В. В. Кулешов // Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (к 100-летию выхода в свет) : сб. ст. / редкол.: Г. Н. Ищук (отв. ред.), В. В. Кулешов, С. М. Шibaев. — Шахты : Изд. Шахт. гос. пед. ин-та, 1963. — С. 5-17.

52. Лозовецкий, В. С. Некоторые вопросы зарубежной литературы в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / В. С. Лозовецкий // Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (к 100-летию выхода в свет) : сб. ст. / редкол.: Г. Н. Ищук (отв. ред.), В. В. Кулешов, С. М. Шibaев. — Шахты : Изд. Шахт. гос. пед. ин-та, 1963. — С. 83-90.

53. Пинаев, М. Т. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / М. Т. Пинаев. — Москва : Учпедгиз, 1963. — 232 с.

54. Рюриков, Б. Люди высоких идеалов : [вступ. ст.] / Б. Рюриков // **Чернышевский, Н. Г.** Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Гослитиздат, 1963. — С. 3-26. — Библиогр. в сносках.

55. Сутягин, И. П. О народности романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / И. Н. Сутягин // Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (к 100-летию выхода в свет) : сб. ст. / редкол.: Г. Н. Ищук (отв. ред.), В. В. Кулешов, С. М. Шibaев. — Шахты : Изд. Шахт. гос. пед. ин-та, 1963. — С. 19-35.

56. Шibaев, С. М. Моральный облик «обыкновенных новых людей» Н. Г. Чернышевского / С. М. Шibaев // Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (к 100-летию выхода в свет) : сб. ст. / редкол.: Г. Н. Ищук (отв. ред.), В. В. Кулешов, С. М. Шibaев. — Шахты : Изд. Шахт. гос. пед. ин-та, 1963. — С. 37-62.

1965

57. Ефремов, А. Ф. Речевые средства построения образа "особенного человека" в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / А. Ф. Ефремов // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : [сб. ст.] / под ред. Е. И. Покусаева. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1965. — Вып. 4. — С. 54-60.

1966

58. Бухштаб, Б. Я. Записка Чернышевского о романе «Что делать?» / Б. Я. Бухштаб // **Бухштаб, Б. Я.** Библиографические разыскания по русской литературе XIX века / Б. Я. Бухштаб. — Москва : Книга, 1966. — С. 117-132.

59. Курганов, В. Роман «Что делать?» и запрос министра / В. Курганов // Дон. — 1966. — № 7. — С. 185-186.

О резонансе романа Н. Г. Чернышевского в общественной жизни России.

1967

60. Богословский, Н. В. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. В. Богословский // **Чернышевский, Н. Г.** Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Дет. лит., 1967. — С. 3-26.

61. Райхин, Д. Я. Живая сила / Д. Я. Райхин // Литература в школе. — 1967. — № 5. — С. 60-69. — Библиогр.: С. 69.

Изучение темы "Н. Г. Чернышевский и роман «Что делать?»".

62. Рюриков, Б. Люди высоких идеалов : [вступ. ст.] / Б. Рюриков // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Худож. лит., 1967. — С. 3-26.

1968

63. Иезуитов, А. Н. Книга, дающая заряд на всю жизнь : (В. И. Ленин и роман Чернышевского «Что делать?») / А. Н. Иезуитов // Русская литература. — 1968. — № 1. — С. 147-158. — Библиогр. в сносках.

1971

64. Белоусов, Р. Рахметов - "в честь Бахметева" / Р. Белоусов // Белоусов, Р. О чем умолчали книги / Р. Белоусов. — М. : Сов. Россия, 1971. — С. 56-70.

65. Богословский, Н. В. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. В. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Дет. лит., 1971. — С. 3-26.

***66. Нальгиева, Х. Ш.** К проблеме идеально-положительного героя в романе "Идиот" Достоевского и «Что делать?» Чернышевского / Х. Ш. Нальгиева // Актуальные проблемы литературы. — Ростов н/Д, 1971. — С. 112-125.

67. Руденко, Ю. К. Проблема читателя в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Ю. К. Руденко // Русская литература XIX-XX веков. — Л., 1971.- С.61-76. — (Ученые записки / Ленингр. гос. ун-т ; № 355 : Сер. филол. наук, вып. 76)

68. Рунт, М. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в оценке В. И. Ленина / М. И. Рунт // Художественная литература и методика ее преподавания : материалы итоговой научной конференции 1970 года / ред.: Я. А. Роткович, Л. И. Янкина. — Куйбышев : Изд. Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1971. — С. 11-22.

69. Рюриков, Б. Люди высоких идеалов : [вступ. ст.] / Б. Рюриков // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Л. : Худож. лит., 1971. — С. 3-26.

1972

70. Бландова, Н. Г. Черта между строк. Язык и стиль бесед с пронизательным читателем в романе Н. Г. Чернышевского "Что делать" / Н. Г. Бландова // Русская речь. — 1972. — №1. — С. 3-11.

71. Богословский, Н. В. Роман Н. Г. Чернышевского "Что делать" : [вступ. ст.] / Н. В. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — М., 1972. — С. 3-26.

72. Есин, Б. И. Распространение журнального текста романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Б. И. Есин // Журналистика и литература : [сб. ст.] / под ред. Э. А. Лазаревич ; ред.-сост. К. М. Накорякова. — М. : Изд-во Москов. ун-та, 1972. — С. 275-276.

73. Наумова, Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. Наумова. — Л. : Худож. лит., 1972. — 102 с.

74. Рюриков, Б. С. Люди высоких идеалов / Б. С. Рюриков // Рюриков, Б. С. Реальный гуманизм : статьи / Б. С. Рюриков. — М. : Сов. писатель, 1972. — С. 603-637.

75. Рюриков, Б. С. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Б. С. Рюриков // Рюриков, Б. С. О русских классиках / Б. С. Рюриков. — М. : Худож. лит., 1972. — С. 199-334.

76. Свирский, В. По следам Базарова и Рахметова / В. Свирский // Свирский, В. Откуда вы, герои книг? : очерки о прототипах / В. Свирский. — М. : Книга, 1972. — С. 117-163.

77. Тмарченко, Г. «Что делать?» Чернышевского и "Некуда" Лескова / Г. Тмарченко // Вопросы литературы. — 1972. — № 9. — С. 93-100.

1973

***78. Богословский, Н. В.** О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. В. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Нальчик : Эльбрус, 1973. — С. 3-31.

79. Ильин, Е. Н. Тридцать предисловий : [итоговые уроки в школе по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?】 / Е. Н. Ильин // Ильин, Е. Н. Урок продолжается... : из опыта работы учителя / Е. Н. Ильин. — М. : Просвещение, 1973. — С. 65-67.

80. Коновалов, В. Н. Особенности художественного метода романов о "новых людях" (60-70-е гг. XIX в.) / В. Н. Коновалов // Романтизм в русской и советской литературе / под ред. Н. А. Гуляева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1973. — Вып. 6. — С. 92-108.

81. Петров, А. А. Мотивы учения о романтизме В. Г. Белинского в романе Н. Г. Чернышевского "Что делать" / А. А. Петров // Труды. Новая серия / Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои. — Самарканд, 1973. — Вып. 238 : Проблемы поэтики. — С. 226-237. — Библиогр. в сносках.

82. Полис, Т. В. Две рецензии на роман Чернышевского «Что делать?» в английской социалистической печати 80-х годов / Т. В. Полис // Русская литература и мировой литературный процесс : сб. науч. тр. / науч. ред. А. Л. Григорьев. — Л. : Изд. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1973. — С. 173-185.

83. Прозоров, В. В. Книга о романе Чернышевского / В. В. Прозоров // Литература в школе. — 1973. — № 6. — С. 67-68.

84. Тамарченко, Г. Е. Этика личных отношений в романе Чернышевского «Что делать?» / Г. Е. Тамарченко // Литература в школе. — 1973. — № 4. — С. 14-19.

1974

85. Бландова, Н. Г. Композиционно-стилистические и языковые особенности "Снов Веры Павловны" / Н. Г. Бландова // Русский язык в школе. — 1974. — № 6. — С. 64-67.

86. Богословская, Л. П. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. / Л. П. Богословская // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. / редкол.: М. В. Нечкина (отв. ред.) [и др.]. — М. : Наука, 1974. — Т. 6. — С. 124-134.

87. Богословский, Н. В. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. В. Богословский : [вступ. ст.] // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Грозный : Чечено-Ингуш. изд-во, 1974. — С. 3-28.

88. Орнатская, Т. И. «Что делать?». Расшифровка рукописи : первое научное издание романа / Т. И. Орнатская // Литературная газета. — 1974. — 17 июля (№ 29). — С. 3.

89. Рейсер, С. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (издания романа в 1863-1973 гг. и проблема текста) / С. А. Рейсер // Книга : исследования и материалы : сборник / редкол.: Н. М. Сикорский (глав. ред.) [и др.]. — М. : Книга, 1974. — Т. 28. — С. 71-97. — Библиогр. в сносках.

1975

90. Бландова, Н. Г. Автор в диалоге своих героев : о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. Г. Бландова // Русская речь. — 1975. — № 1. — С. 41-47.

91. Ильинский, В. М. Наблюдения над языком романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и их роль в обогащении лексики учащихся / В. М. Ильинский // Вопросы преподавания литературы в школе : (развитие речи учащихся) : сб. тр. / редкол.: Н. В. Колокольцев (отв. ред.), В. В. Трофимова, Н. А. Демидова. — М. : Тип. МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. — С. 120-133.

92. Кандель, Б. Л. Библиография переводов романа «Что делать?» на языки народов СССР и на иностранные языки : [вступ. ст.] / Б. Л. Кандель // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. — Л. : Наука, 1975. — С. 862-868.

93. Одинокое, В. Г. «Нормативность» и психологизм в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / В. Г. Одинокое // Проблемы литературных жанров : материалы 2-й науч. межвуз. конф., 30 сент.-4 окт. 1975 г. / редкол.: Ф. З. Канунова, Н. Н. Киселев, Н. Б. Реморова. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1975. — С. 89-90.

94. Рейсер, С. А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» : [вступ. ст.] / С. А. Рейсер // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. — Л. : Наука, 1975. — С. 782-833.

95. Тамарченко, Г. Е. «Что делать?» и русский роман шестидесятых годов / Г. Е. Тамарченко // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. — Л. : Наука, 1975. — С. 747-781.

1976

96. Богословский, Н. В. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. В. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Кишинев : Лумина, 1976. — С. 5-31.

97. Глаголев, Н. А. О художественном своеобразии романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. А. Глаголев // Вестник Московского университета. Сер. 10, Филология. — 1976. — № 4. — С. 10-18.

98. Капустин, В. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / В. А. Капустин // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Киев : Дніпро, 1976. — С. 5-13. — (Школьная библиотека).

99. Коротков, Ю. Н. Д. И. Писарев о романе «Что делать?» / Ю. Н. Коротков // Коротков, Ю. Н. Писарев / Ю. Н. Коротков. — М. : Мол. гвардия, 1976. — С. 238-247.

100. Купреянова, Е. Н. «Что делать?» Чернышевского / Е. Н. Купреянова, Г. П. Макогоненко // Купреянова, Е. Н. Национальное своеобразие русской литературы : очерки и характеристики / Е. Н. Купреянова, Г. П. Макогоненко. — Л. : Наука, 1976. — С. 332-344.

101. Наумова, Н. Нравственность революции : [вступ. ст.] / Н. Наумова // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — Л. : Худож. лит., 1976. — С. 3-15.

102. Одинокоев, В. Г. "Нормативность" и психологизм в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / В. Г. Одинокоев // Одинокоев, В. Г. Художественная системность русского классического романа / В. Г. Одинокоев. — Новосибирск : Наука, 1976. — С. 144-157.

103. Храпченко, М. Б. "Новые люди" в русской литературе 2-й половины XIX века ("Накануне", "Отцы и дети" И. С. Тургенева, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского) / М. Б. Храпченко // Знамя. — 1976. — № 5. — С. 233-240. (часть статьи)

1977

104. Зарецкая, О. Научное издание романа Н. Г. Чернышевского / О. Зарецкая // Волга. — 1977. — № 7. — С. 172-173.

***105. Николаев, М. П.** Романы Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и Л. Н. Толстого "Война и мир" (о путях их сопоставления) / М. П. Николаев // Л. Н. Толстой в школе : сб. ст. / сост. Т. Ф. Курдюмова. — М. : Просвещение, 1977.

106. Орнатская, Т. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : к истории текста / Т. И. Орнатская // Русская литература. — 1977. — № 3. — С. 115-127.

107. Филина, М. А. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского как этап в развитии социально-философского утопического романа / М. А. Филина // Труды / Тбилис. ун-т. — Тбилиси, 1977. — Т. 191, № 5 : Литературоведение. — С. 5-16.

1978

108. Абрамович, С. Д. К вопросу об искусстве речевой характеристики в романе Чернышевского «Что делать?» / С. Д. Абрамович // Вопросы русской литературы : респ. межведомственный науч. сб. / редкол.: М. А. Назарок (отв. ред.) [и др.]. ; отв. за вып. В. Д. Павличенко - Львов : Вища школа, 1978. — Вып. 1 (31). — С. 83-91.

109. Антонова, Г. Н. Н. Н. Страхов о романе «Что делать?» / Г. Н. Антонова // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / под ред. проф. Е. И. Покусаева. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. — Вып. 8. — С. 148-160.

110. Клямкин, И. Образ мыслей и образ жизни: концепция и герои романа «Что делать?» / И. Клямкин // Литературное обозрение. — 1978. — № 7. — С. 7-14.

111. Лобачев, В. Прототипы будущего : Н. Г. Чернышевский «Что делать?» : из рассказов о новых людях / В. Лобачев // В мире книг. — М., 1978. — № 7. — С. 80-82.

112. Мадер, Р. Д. Изучение романа Чернышевского «Что делать?» в связи с жанровым своеобразием / Р. Д. Мадер // Литература в школе. — 1978. — № 3. — С. 27-36.

113. Матюшенко, Л. И. Об особенностях жанра и композиции романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (в свете трактовки общего и индивидуального в личности героев) / Л. И. Матюшенко // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. — 1978. — № 5. — С. 3-8.

114. Мелентьев, Ю. С. Роман о любви и революции : [вступ. ст.] / Ю. С. Мелентьев // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Худож. лит., 1978. — С. 3-21.

115. Наумова, Н. Разум и чувство : "диалектика души" в романе «Что делать?» / Н. Наумова // Литературная учеба. — 1978. — № 4. — С. 158-166.

116. Наумова, Н. Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. Н. Наумова. — 2-е изд., доп. — Л. : Худож. лит., 1978. — 135 с.

117. Панченко, С. Новые данные об истории публикации романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / С. Панченко // *Общественные науки в Узбекистане*. — 1978. — № 7. — С. 24-26.

118. Плимак, Е. Г. В конце моей истории есть секреты : идея революции в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Е. Г. Плимак // *Молодой коммунист*. — 1978. — № 8. — С. 98-104.

119. Плимак, Е. Г. Испытание временем : к 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского / Е. Плимак // *Вопросы литературы*. — 1978. — № 2. — С. 127-165.

120. Подшивалова, Е. А. О соотношении субъектной организации и форм речи в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Е. А. Подшивалова // *Проблема автора в русской литературе 19-20 вв. : межвуз. сб. / редкол.: Г. Н. Антонова [и др.]*. — Ижевск : Удм. гос. ун-т, 1978. — С. 32-39.

121. Подшивалова, Е. А. О сюжетной организации романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (опыт системного анализа) / Е. А. Подшивалова // *Поэтика русского реализма второй половины XIX века : учеб. пособие / сост. Н. А. Ремизова ; науч. ред. Б. О. Корман*. — Ижевск : Удм. гос. ун-т, 1978. — С. 5-22.

122. Рейсер, С. А. Читатели о романе Чернышевского «Что делать?» / С. А. Рейсер // *Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / под ред. проф. Е. И. Покусаева*. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. — Вып. 8. — С. 239-243.

123. Самосюк, Г. Ф. Утопические идеи романа «Что делать?» в оценках "Современника" / Г. Ф. Самосюк // *Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / под ред. проф. Е. И. Покусаева*. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. — Вып. 8. — С. 137-147.

124. Смирнова, В. В. Судьба романа Чернышевского / В. В. Смирнова // *Литература в школе*. — 1978. — № 3. — С. 47-48.

125. Теплинский, И. В. Автор- повествователь в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / И. В. Теплинский // *Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / под ред. проф. Е. И. Покусаева*. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. — Вып. 8. — С. 127-136.

126. Теплинский, М. В. Заметки о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / М. В. Теплинский // *Русская литература*. — 1978. — № 2. — С. 147-150.

127. Теплинский, М. В. Обыкновенные люди и "особенный человек" в романе «Что делать?» / М. В. Теплинский // *Литература в школе*. — 1978. — № 3. — С. 22-26.

128. Теплинский, М. В. Своеобразие сюжета романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / М. В. Теплинский // *Вопросы русской литературы : респ. межведомственный науч. сб. / редкол.: М. А. Назарок (отв. ред.) [и др.] ; отв. за вып. В. Д. Павличенко - Львов : Вища школа, 1978. — Вып. I (31). — С. 77-82.*

129. Черепახов, М. С. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в славянских странах / М. С. Черепახов // Филологические науки. — 1978. — № 4. — С. 49-53. — Библиогр. в сносках.

130. Чернец, Л. В. Романтика в "Войне и мире" Л. Н. Толстого и в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского / Л. В. Чернец // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1978. — Т. 37, № 3. — С. 195-205.

1979

131. Богословский, Н. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Просвещение, 1979. — С. 3-25.

132. Матонина, Э. Что делать и каким быть? : [к оценке современниками Н. Г. Чернышевского его романа «Что делать?»] / Э. Матонина // Литературная учеба. — 1979. — № 2. — С. 166-172.

133. Наумова, Н. Н. Оплошности солидного издания / Н. Н. Наумова // Вопросы литературы. — 1979. — № 1. — С. 245-249.

Автор говорит о необходимости нового научного издания романа «Что делать?», которое стало бы всесторонне проверенным материалом для учебной и научной работы и образцом для последующих переизданий.

134. Руденко, Ю. К. Публицистическое и художественное в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Ю. К. Руденко // Вестник Ленинградского университета. — 1979. — № 2 : История. Язык. Литература, вып. 1. — С. 64-70.

135. Теплинский, М. В. Своеобразие жанра романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / М. В. Теплинский // Н. А. Некрасов и его время : межвуз. сб. / редкол.: А. М. Гаркави (отв. ред.), Б. О. Корман, О. Я. Самочатова. — Калининград : Изд. Калинингр. гос. ун-та, 1979. — Вып. 4. — С. 105-108.

136. Филина, М. А. «Что делать?» Чернышевского и западноевропейская социально-философская утопия / М. А. Филина // Н. Г. Чернышевский : эстетика, литература, критика : сб. ст. / редкол.: В. Г. Базанов, А. Н. Иезуитов (отв. ред.), К. И. Ровда. — Л. : Наука, 1979. — С. 226-253.

1980

137. Коновалов, В. Н. Реализм в демократической литературе 60-80 гг. («Что делать?» Чернышевского и народническая литература) / В. Н. Коновалов // Русская литература последней трети XIX века : (некоторые аспекты системно-комплексного анализа литературного процесса / науч. ред. Ю. Г. Нигматуллина. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. — С. 48-62.

138. Мелентьев, Ю. Роман о любви и революции : [вступ. ст.] / Ю. Мелентьев // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Худож. лит., 1980. — С. 5-26. — (Классики и современники).

139. Рюриков, Б. Люди высоких идеалов : [вступ. ст.] / Б. Рюриков // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : [роман] / Н. Г. Чернышевский. — М. : Правда, 1980. — С. 3-26.

140. Тамарченко, Н. Д. К проблеме целого в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (герой, сюжет и авторская позиция) / Н. Д. Тамарченко // Проблемы метода и жанра : сборник / редкол.: Ф. З. Канунова [и др.]. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1980. — Вып. 7. — С. 103-113.

141. Черепухов, М. С. «Что делать?» в общественном мнении Запада XIX века / М. С. Черепухов // Русская литература. — 1980. — № 1. — С. 134-146.

1981

142. Богословский, Н. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : [из рассказов о новых людях] : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Дет. лит., 1981. — С. 3-30. — (Школьная библиотека).

143. Жук, А. А. Роман 60-х годов ("Обломов", "Отцы и дети", «Что делать?») / А. А. Жук // Жук А. А. Русская проза второй половины XIX века : пособ. для учителя / А. А. Жук. — М. : Просвещение, 1981. — С. 38-86.

144. Машинский, С. И. Роман о "новых людях" : («Что делать?» Н. Г. Чернышевского) / С. И. Машинский // Вершины. Книга о выдающихся произведениях русской литературы / под общ. ред. В. И. Кулешова, С. И. Машинского. — М. : Дет. лит., 1981. — С. 289-318.

145. Пинаев, М. Т. Революционный демократизм и утопический социализм в романе Чернышевского «Что делать?» / М. Т. Пинаев // Вопросы методологии историко-литературных исследований : [сборник] / редкол.: К. И. Ровда (отв. ред.) [и др.]. — Л. : Наука, 1981. — С. 157-190.

146. Попов, И. Из американской жизни Дмитрия Сергеевича Лопухова / И. Попов // Иностранная литература. — 1981. — № 2. — С. 251-256.
Американская тема в романе «Что делать?»

147. Теплинский, М. В. "Роман этот чрезвычайно современен..." : (итальянская пресса о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?») / М. В. Теплинский, В. Г. Матвишин // Русская литература. — 1981. — № 3. — С. 170-171. — Библиогр. в сносках.

1982

148. Богословский, Н. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : [из рассказов о новых людях] : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Просвещение, 1982. — С. 3-25. — (Школьная библиотека).

149. Бухштаб, Б. Я. Записка Чернышевского о романе «Что делать?» / Б. Я. Бухштаб // Бухштаб, Б. Я. Литературоведческие расследования / Б. Я. Бухштаб. — М. : Современник, 1982. — С. 32-50.

150. Васина-Гроссман, В. Музыка в системе образов Чернышевского «Что делать?» / В. Васина-Гроссман // Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины 19 века : Идеиные принципы. Структурные особенности : [сб. ст.] / отв. ред.: Г. Ю. Стернина. — М. : Наука, 1982. — С. 206-218.

151. Вердеревская, Н. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : пособ. для учащихся / Н. А. Вердеревская. — М. : Просвещение, 1982. — 96 с. — Библиогр.: с. 96.

152. Дубровина, Т. Ю. Преодоление трагического как пафос романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского / Т. Ю. Дубровина // Литературно-критические опыты и наблюдения : вопросы русского языка и литературы : межвуз. сб. / редкол.: Л. В. Бортэ (отв. ред.) [и др.]. — Кишинев : Штиинца, 1982. — С. 51-67. — Библиогр.: с. 66-67 (21 назв.).

153. Меднис, Н. Е. Функция вступительного эпизода в романе Чернышевского «Что делать?» / Н. Е. Меднис // Проблемы метода и жанра : сб. ст. / редкол.: Ф. З. Канунова (отв. ред.) [и др.]. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1982. — Вып. 7. — С. 52-58. — Библиогр.: с. 58.

154. Нагорная, Н. Н. Г. Чернышевский и его роман «Что делать?» : [предисл.] / Н. Нагорная // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : [роман] / Н. Г. Чернышевский. — Киев : Дніпро, 1982. — С. 5-25.

1983

155. Антонова, Г. Н. Роман «Что делать?» в оценке Герцена / Г. Н. Антонова // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. — Вып. 9. — С. 57-73.

156. Подшивалова, Е. А. О художественном хронотопе в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Е. А. Подшивалова // Проблема автора в художественной литературе : межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т ; редкол.: Г. Н. Антонова [и др.]. — Ижевск : Изд. Удм. гос. ун-та, 1983. — С. 61-69.

157. Сутягина, А. А. Роль времени в архитектонике романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / А. А. Сутягина // Вопросы русской литературы : респ. межвед. науч. сб. / редкол.: Н. В. Николаев (отв. ред.) [и др.]. — Львов : Вища школа, 1983. — Вып. 1 (41). — С. 108-113. — Библиогр.: с. 113.

1984

158. Богословский, Н. О романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. Богословский // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : [из рассказов о новых людях] : роман / Н. Г. Чернышевский. — Киев : Радянська школа, 1984. — С. 3-26.

159. Дубровина, Т. Ю. Хронотоп в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Т. Ю. Дубровина // Из истории русской литературы и литературной критики : вопросы рус. яз. и лит. : межвуз. сб. / редкол.: Л. В. Бортэ (отв. ред.) [и др.]. — Кишинев : Штиинца, 1984. — С. 54-60. — Библиогр.: с.59-60 (9 назв.)

160. Мелентьев, Ю. Роман о любви и революции : [вступ. ст.] / Ю. Мелентьев // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Худож. лит., 1984. — С. 3-25. — Классики и современники.

1985

161. Николаев, П. Революционный роман : [вступ. ст.] / П. Николаев // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : [роман] / Н. Г. Чернышевский. — М. : Худож. лит., 1985. — С. 5-14.

***162. Подшивалова, Е. А.** Авторская позиция в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и типология русской художественной прозы второй половины XIX века / Е. А. Подшивалова // Проблема автора в художественной литературе : межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т ; редкол.: Б. О. Корман (отв. ред.) [и др.]. — Устинов : Изд. Удм. гос. ун-та, 1985. — С. 85-91.

163. Рюриков, Б. Люди высоких идеалов : [вступ. ст.] / Б. Рюриков // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : [роман] / Н. Г. Чернышевский. — М. : Правда, 1985. — С. 3-26.

1986

164. Гуральник, У. А. Н. Г. Чернышевский и его роман «Что делать?» : [вступ. ст.] / У. А. Гуральник // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : [из рассказов о новых людях] : роман / Н. Г. Чернышевский. — М. : Дет. лит., 1986. — С. 5-30.

165. [Николаев, П. А.] Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и общественно-литературная борьба в России середины XIX века / [П. А. Николаев] // Революционные демократы и русская литература XIX века : [коллективная монография] / отв. ред.: Г. Г. Елизаветина, А. С. Курилов. — М. : Наука, 1986. — С. 195-217. — Библиогр. в конце ст.

166. Новикова, Н. Н. О прототипах романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. Н. Новикова // Социально-экономическое развитие России : к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина : сб. ст. / отв. ред.: С. Л. Тихвинский ; редкол.: С. Л. Тихвинский (отв. ред.) [и др.]. — М. : Наука, 1986. — С. 254-266.

167. Пинаев, М. Загадка издательского феномена романа Чернышевского "Что делать?" / М. Пинаев // Волга. — 1986. — N 4. — С. 181-191.

168. Рюриков, Б. С. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Б. С. Рюриков // Рюриков, Б. С. Избранные работы : в 2 т. / Б. С. Рюриков. — М. : Худож. лит., 1986. — Т. 1: Эстетика и классика. — С. 308-443.

1987

***169. Гуральник, У.** Чернышевский Н. Г. и его роман «Что делать?» : [вступ. ст.] / У. Гуральник // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : роман / Н. Г. Чернышевский. — М., 1987. — С. 5-30.

***170. Наумова, Н.** Чернышевский Н. Г. и его роман «Что делать?» : [вступ. ст.] / Н. Наумова // Чернышевский, Н. Г. Что делать?: из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. — М., 1987. — С. 3-16.

***171. Рейсер, С.** Люди высоких идеалов : [вступ. ст.] / С. Рейсер // Чернышевский, Н. Г. Что делать?: из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. — М., 1987. — С. 3-22.

172. Рюриков, Б. С. Люди высоких идеалов : [вступ. ст.] / Б. С. Рюриков // Чернышевский, Н. Г. Что делать? : из рассказов о новых людях : [роман] / Н. Г. Чернышевский. — М. : Правда, 1987. — С. 3-22.

173. Седов, А. Ф. Трансформация некоторых мотивов «Что делать?» в "Записках из подполья" Ф. М. Достоевского / А. Ф. Седов // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. — Вып. 10. — С. 69-80.

1988

174. Крутикова, Н. Е. Роман Чернышевского «Что делать?» в эстетике и творчестве Франко / Н. Е. Крутикова // Чернышевский и литература народов Советского Союза : к 160-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского (1828-1988) и 100-летию со дня смерти (1889-1989) : сб. ст. / [сост. К. В. Айвазян] ; редкол.: К. В. Айвазян [и др.]. — Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1988. — С. 184-201.

175. Пинаев, М. Т. Идею богатство романа «Что делать?» / М. Т. Пинаев // Русский язык в национальной школе. — 1988. — N 5. — С. 34-38.

176. Пинаев, М. Т. Роман Чернышевского «Что делать?» : комментарии : кн. для учителя / М. Т. Пинаев. — М. : Просвещение, 1988. — 302 с. — Библиогр.: с. 293-302.

177. Плимак, Е. Г. Идея революции в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского / Е. Г. Плимак // Детская литература. — 1988. — N 7. — С. 40-45.

178. Сулейменов, О. Пятый сон Веры Павловны : выступление на торжественном вечере, посвященном 160-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского / О. Сулейменов // Советская культура. — 1988. — 7 окт. — С. 5.

1989

179. Вахрушев, В. С. «Что делать?» Чернышевского и "Ярмарка тщеславия" Теккерея : переключки и полемика / В. С. Вахрушев // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. — Вып. 11. — С. 78-92.

180. Кулешов, В. И. Николай Гаврилович Чернышевский: "Прекрасное - это "новые" и "особенные люди" / В. И. Кулешов // Кулешов, В. И. Русская демократическая литература 50-60-х годов XIX века : [учеб. пособие] / В. И. Кулешов. — М. : Высшая школа, 1989. — С. 88-107.

181. Теплинский, М. В. Литературные реминисценции в романе «Что делать?» / М. В. Теплинский // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сб. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. — Вып. 11. — С. 67-78.

1990

182. Афанасьев, Э. Л. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и жизненный идеал народовольца / Э. Л. Афанасьев // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 143-182. — Библиогр. в конце ст.

183. Белова, Н. М. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : пособие для студентов - заочников / Н. М. Белова. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1990. — 57 с.

184. Видуэцкая, И. П. Писатели-демократы 1860-х - начала 1880-х годов и роман Чернышевского «Что делать?» / И. П. Видуэцкая // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 37-77. — Библиогр. в конце ст.

185. Видуэцкая, И. П. Роман «Что делать?» в оценке революционно-демократической критики / И. П. Видуэцкая // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 78-106. — Библиогр. в конце ст.

186. Виноградов, К. В. Представление о читателе в демократической критике «шестидесятых годов» / К. В. Виноградов, Г. Г. Елизаветина // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 14-37. — Библиогр. в конце ст.

187. Глотов, А. О мифах и прототипах / А. Глотов // Вопросы литературы. — 1990. — № 6. — С. 236-242.

О прототипах романа «Что делать?». Критические заметки по поводу содержания книги А. П. Ланщикова "Н. Г. Чернышевский" (М., 1987).

188. Горелов, А. Е. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и герой волжско-пензенских преданий / А. Е. Горелов // Из истории русской фольклористики : [сб. науч. тр.] / отв. ред. А. А. Горелов. — Л. : Наука, 1990. — Вып. 3. — С. 231-237.

Никитушка Ломов как один из прототипов образа Рахметова.

189. Гуральник, У. А. Роман «Что делать?» сегодня. Опыт современной интерпретации / У. А. Гуральник, Ю. У. Гуральник // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н.

Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 218-241. — Библиогр. в конце ст.

190. Кондаков, И. В. «Что делать?» как философско-интеллектуальный роман : (к диалектике сознания и самосознания становящегося жанра) / И. В. Кондаков // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 183-218. — Библиогр. в конце ст.

191. Николаев, П. А. "... Чтобы читали все..." / П. А. Николаев // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 5-13. — Библиогр. в конце ст.

192. Рейфман, П. С. Время в романе Н. Г. Чернышевского "Что делать?" / П. С. Рейфман // Литературный процесс: внутренние законы и внешние воздействия. — Тарту, 1990. — С. 36-52. — (Ученые записки / Тартуский ун-т. ; Вып. 897 : Труды по рус. и слав. филологии. Литературоведение).

193. Рейфман, П. С. Три романа / П. С. Рейфман // Пути развития русской литературы. — Тарту, 1990. — С. 87-101. — (Ученые записки / Тартуский ун-т. ; Вып. 883 : Труды по рус. и слав. Филологии. Литературоведение).

Сопоставительный анализ романов «Что делать?», "Преступление и наказание", "Отцы и дети".

194. Салманова, И. Ф. Сходная коллизия, разные итоги : [сопоставление романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и драмы Л. Н. Толстого "Живой труп"] / И. Ф. Салманова // Критика в художественном тексте : сб. науч. тр. / редкол.: Б. Л. Милявский (отв. ред.), В. В. Петрушкова, А. Л. Спектор. — Душанбе : Изд. Тадж. гос. ун-та, 1990. — С. 45-50.

195. Троицкий, В. Ю. Идеино-эстетическая борьба вокруг романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : (Н. Г. Чернышевский, Н. С. Лесков, И. А. Гончаров) / В. Ю. Троицкий // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — С. 107-143. — Библиогр. в конце ст.

196. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского : историко-функциональное исследование : [сб. ст.] / отв. ред. К. Н. Ломунов ; редкол.: У. А. Гуральник [и др.]. — М. : Наука, 1990. — 248 с.

1993

197. Плимак, Е. "Трагедия гения": Достоевский и "нигилизм" в России / Е. Плимак // Свободная мысль. — 1993. — N 17/18. — С. 77-89.

Переосмысление социально-этической концепции Н. Г. Чернышевского (роман «Что делать?») в творчестве Ф. М. Достоевского (романы "Идиот", "Бесы").

1994

198. Белова, Н. М. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и просветительская литература XVIII в. / Н. М. Белова // Н. Г. Чернышевский : история, философия, литература : [сборник] / редкол.: А. А. Демченко (отв. ред.) [и др.]. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. — С. 117-126.

199. Жолковский, А. О пользе вкуса / А. Жолковский // Золотой век. — 1994. — N 5. — С. 17-22.

О личности Чернышевского и его романе «Что делать?»

200. Линков, В. Я. Тайна власти и смерти / В. Я. Линков // Русский язык за рубежом. — 1994. — N 4. — С. 83-93.

Значение романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» для общественной жизни России XIX -XX веков.

201. Фаустов, А. А. Из наблюдений над поэтикой Чернышевского: политическое письмо в романе «Что делать?» / А. А. Фаустов // Кормановские чтения : материалы межвуз. науч. конф., (14-16 апреля 1992 г.) / редкол.: Д. И. Черашняя (отв. за вып.) [и др.]. — Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1994. — Вып. 1. — С. 148-154.

Функции риторических приемов в романе.

1995

***202. Прохоров, А.** Утопия в романе и утопия против романа: сравнительный анализ сна Обломова и снов Веры Павловны / А. Прохоров // Graduate essays on Slavic lang. A. lit. — Pittsburgh, 1995. — Vol. 8. — P. 53-63.

Художественное пространство и время в снах Обломова (И. А. Гончаров "Обломов") и Веры Павловны (Н. Г. Чернышевский "Что делать?").

1996

203. Антонова, Г. Н. Роман «Что делать?» в оценке Достоевского / Г. Н. Антонова // Филология : науч. сб., посвящ. памяти А. М. Богомолова / редкол.: Ю. Н. Борисов (отв. ред.) [и др.]. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1996. — С. 58-65.

204. Долгополова, С. "Попробуйте: хорошо!" : открытый урок по роману Чернышевского «Что делать?» / С. Долгополова // Учительская газета. — 1996. — 22 окт. — С. 9.

1997

205. Вайскопф, М. Я. "Солнцев дом" Веры Павловны / М. Я. Вайскопф // Вопросы литературы. — 1997. — [№ 6] (нояб.-дек.). — С. 353-359.

Параллель между описаниями "хрустального дворца" во сне Веры Павловны в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и дворца князя Потемкина из сочинения Г. Р. Державина "Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила".

206. Парамонов, Б. "Кто виноват?" и «Что делать?»: психологический подтекст русских вопросов / Б. Парамонов // Звезда. — 1997. — N 10. — С. 214-221.

Социальная проблематика романов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского в свете психологизма.

207. Эткинд, А. The american connection, или что делал Рахметов пока не стал Шатовым / А. Эткинд // Знамя. — 1997. — N 1. — С. 153-182. — Библиогр.: с. 179-182.

Тема семьи и брака в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в свете сексуальной этики коммунистических сект 19 в.

1998

***208. Вайскопф, М. Я.** "Солнцев дом" Веры Павловны / М. Я. Вайскопф // Русские пиры. — СПб., 1998. — С. 260-272.

Тема пира в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

209. Степанов, А. В. Язык и стиль в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / А. В. Степанов // Русский язык в школе. — 1998. — N 3. — С. 65-71.

210. Щербакова, Е. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в восприятии радикальной молодежи середины 60-х годов XIX века / Е. И. Щербакова // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. — 1998. — N 1. — С. 59-68.

1999

211. Вахрушев, В. Роман «Что делать?» в свете "Автобиографии" Чернышевского / В. Вахрушев // Дон. — Ростов н/Д, 1999. — N 5/6. — С. 194-208.

212. Вахрушев, В. С. «Что делать?» и "Автобиография" Н. Г. Чернышевского: "игровые ходы" авторской мысли / В. С. Вахрушев // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1999. — Вып. 13. — С. 14-30.

***213. Дебюзер, Л.** "Медный всадник", «Что делать?» и роман Платонова: " ... Маленький уголок дворца" и "Лачужка" / Л. Дебюзер // "Страна философов" Андрея Платонова : проблемы творчества : [сб. ст.] / ред.-сост. Н. В. Корниенко. — М., 1999. — Вып. 3 : По материалам третьей междунар. науч. конф., посвящ. творчеству А. П. Платонова, 26-28 нояб. 1996 г. — С. 320-332.

Проблема гармонии общества и личности в русской литературе XIX-XX веков; роман А. П. Платонова "Москва" как пародия на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

214. Клименко, С. В. Женский вопрос в романах "Что делать?" и "Идиот" / С. В. Клименко // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1999. — Вып. 13. — С. 59-69.

215. Леонов, С. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в современной школе / С. А. Леонов, Н. А. Соснина // Литература в школе. — 1999. — N 2. — С. 66-75.

216. Мустафина, Е. А. Чарльз Бьюмонт и американская тема в романе «Что делать?» / Е. А. Мустафина // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1999. — Вып. 13. — С. 70-79.

***217. Старыгина, Н. Н.** Пространственно-временная организация в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского / Н. Н. Старыгина // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе XIX-XX веков : сб. науч. тр. / Благовещ. гос. пед. ун-т. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 1999. — Вып. 4. — С. 4-14.

2000

***218. Ермилова, Г. Г.** Инфляция молчания : роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Г. Г. Ермилова // Потаенная литература. — Иваново, 2000. — Вып. 2. — С. 47-53.

2002

219. Белова, Н. М. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и "Знамение времени" Д. Л. Мордовцева / Н. М. Белова // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Науч. кн., 2002. — Вып. 14. — С. 70-77.

220. Елисеев, Н. "Морская болезнь" Куприна и "Солнечный удар" Бунина как прототипы "Четвертого сна" Веры Павловны и "Похорон кузнечика" Николая Кононова / Н. Елисеев // Новый мир. — 2002. — № 4. — С. 210-213.

221. Клименко, С. В. Два ответа на вопрос «Что делать?»: Рахметов и князь Мышкин / С. В. Клименко // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Науч. кн., 2002. — Вып. 14. — С. 54-69.

222. Кунарев, А. А. Антропонимическая система романа "Что делать?. Из рассказов о новых людях" / А. А. Кунарев // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Науч. кн., 2002. — Вып. 14. — С. 78-95.

***223. Ланге, В.** Хрустальный дворец или подполье? : Безумие Достоевского в контексте его полемики с утопической концепцией будущего в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / В. Ланге // Литрос. — 2002. — № 2. — С. 236-242.

Мотив Хрустального дворца в "Записках из подполья" Ф. М. Достоевского в контексте его полемики с утопической концепцией будущего в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

***224. Олюшкин, К.** Загадка особого человека : [о прототипе персонажа романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Рахметова П. А. Бахметеве] / К. Олюшкин // Россия. — 2002. — 27 июня. — С. 28.

225. Щербакова, Е. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в восприятии радикальной молодежи середины 1860-х годов / Е. И. Щербакова // Н. Г.

Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Демченко. — Саратов : Науч. кн., 2002. — Вып. 14. — С. 121-132.

226. Щукин, В. Г. Блеск и нищета "позитивной эротологии" : (к концепции любви у Н. Г. Чернышевского) / В. Г. Щукин // Вопросы философии. — 2002. — № 1. — С. 140-150. — Библиогр. в конце ст.

Концепция любви в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

2003

227. Лукин, Ю. Л. Несостоятельность мечты о народном счастье : роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» как утопия : 10 класс / Ю. Л. Лукин // Литература в школе. — 2003. — № 8. — С. 37-39.

Описан урок литературы в 10 классе по роману «Что делать?», который можно проводить в рамках сквозной темы "Пути достижения счастья народного в творчестве русских писателей 2-й половины 19 века". Роман Н. Г. Чернышевского рассматривается как утопия, несостоятельность которой изначально определена ошибочностью основополагающих идей.

***228. Недзвецкий, В. А.** И. А. Гончаров - оппонент романа «Что делать?» / В. А. Недзвецкий // И. А. Гончаров. — Ульяновск, 2003. — С. 231-243.

Полемика с эстетической концепцией Н. Г. Чернышевского в статье И. А. Гончарова "Лучше поздно, чем никогда".

2004

***229. Жукова, Г. Г.** Рецепция идей и образов романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в романе С. И. Смирновой "Огонек" / Г. Г. Жукова // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. — Волгоград, 2004. — Ч. 1. — С. 242-250.

***230. Камедина, Л. В.** Житие - апокриф - антижитие: интерпретация жанра / Л. В. Камедина // Святые - покровители земли Сибирской. — Чита, 2004. — С. 66-75.

Трансформация агиографического жанра в русской литературе (в частности, элементы "антижития" в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»).

***231. Косых, Г. А.** Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в оценке и художественном осмыслении Н. С. Лескова / Г. А. Косых // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре. — Волгоград, 2004. — Ч. 1. — С. 188-197.

Н. С. Лесков о романе Н. Г. Чернышевского в статье "Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?»»; общие сюжетные мотивы в романе Чернышевского и рассказе Лескова "Павлин".

***232. Межебовская, В. В.** Богословская основа романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / В. В. Межебовская // Качество профессионального образования. — 2004. — Ч. 2. — С. 111-113.

233. Никуличев, Ю. Бог, мамона и обыкновенные новые люди: от "Кто виноват?" к «Что делать?» / Ю. Никуличев // Вопросы литературы. — 2004. — № 2. — С. 140-175.

Из истории журнала "Современник" (1846-1862) во главе с Некрасовым Н. А., Панаевым И. И. и Белинским В. Г.

***234. Шалагинов, Н. В.** Истоки мировоззренческих установок социалистического реализма в русской литературе 60-х годов XIX века / Н. В. Шалагинов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Филология. — 2004. — Вып. 1. — С. 50-56.

Формирование поэтики социалистического реализма в творчестве писателей-демократов 1860-х гг. (в частности, в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»).

2005

235. Вердеревская, Н. А. "Отцы и дети" и «Что делать?» (об истоках литературной традиции в изображении героя-разночинца) / Н. А. Вердеревская // Филологические науки. — 2005. — № 2. — С. 3 - 13.

Связь произведений Ивана Сергеевича Тургенева и Николая Гавриловича Чернышевского.

236. Колосова, Н. А. Французская культура в пространстве повседневности романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Н. А. Колосова // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. — 2005. — Т. 5 : Сер. Филология. Журналистика, вып. 1/2. — С. 154-159. — Библиогр. в примеч. — Примеч.: с. 159. — ISSN 1814-733X.

Автор исследует проблему французской культуры в контексте социальной реальности в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

2006

***237. Донских, О. А.** Странный рай Достоевского : по мотивам "Сна смешного человека" / О. А. Донских // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2006. — Вып. 9. — С. 51-77.

Мифологема рая в повести Ф. М. Достоевского в контексте сопоставления с библейской традицией, утопией Н. Г. Чернышевского («Что делать?») и учением Н. Ф. Федорова.

***238. Карданова, М. А.** Функционирование антропонимов в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / М. А. Карданова // Материалы VII конференции молодых ученых. — Нальчик, 2006. — С. 73-78. — Библиогр.: с. 77-78.

***239. Лазарева, М. Г.** Видение "хрустального дворца": «Что делать?» Н. Г. Чернышевского как утопический роман / М. Г. Лазарева // Проблемы школьного и вузовского анализа литературного произведения в жанрово-родовом аспекте. — Иваново, 2006. — С. 32-38.

2007

***240. Арустамова, А. А.** Ф. М. Достоевский vs. Н. Г. Чернышевский: полемика о Новом Свете и русском человеке / А. А. Арустамова // Русская словесность в поисках национальной идеи. — Волгоград, 2007. — С. 133-137. — Библиогр.: с. 136-137.

Топос Америки в качестве метафоры жизненного краха, смерти, безысходности судьбы героя в романах Ф. М. Достоевского в контексте полемики с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

241. Белова, Н. М. Роман Н. Г. Чернышевского "Пролог" и литература его времени / Н. М. Белова // Н. Г. Чернышевский : статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / редкол.: А. А. Демченко (отв. ред.) [и др.]. — Саратов : Издат. центр "Наука", 2007. — Вып. 16. — С. 140-150.

242. Демченко, А. А. Писатель - журнал - власть: из цензурной истории романа «Что делать?» / А. А. Демченко // Цензура как социокультурный феномен : науч. докл. / редкол.: И. Ю. Иванюшина (отв. ред.) [и др.]. — Саратов : Новый ветер, 2007. — С. 71-84.

К истории публикации романа Н. Г. Чернышевского в журнале "Современник".

***243. Хруска, А.** Чернышевский, Толстой и пределы личности / А. Хруска // Лев Толстой и мировая литература. — Тула, 2007. — С. 181-188.

Роман "Анна Каренина" Л. Н. Толстого в контексте полемики с морально-эстетической и любовной проблематикой романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

2008

***244. Блашко, И. И.** Соционические типы и интертипные отношения героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / И. И. Блашко // Психология и соционика межличностных отношений. — 2008. — № 9. — С. 23-31. — Библиогр.: с. 31 (3 назв.).

В статье представлена гипотеза о соционических типах героев романа Н. Г. Чернышевского "Что делать?". Проанализированы интертипные отношения между героями романа.

245. Геймбух, Е. Ю. Разговор со слушателем в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Е. Ю. Геймбух // Русский язык в школе. — 2008. — № 4. — С. 59-62.

О взаимоотношениях автора и слушателя в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

2009

***246. Бак, Д. П.** "Что читать?" : теория и практика чтения в эстетике Николая Чернышевского / Д. П. Бак // Поэтика русской литературы. — М., 2009. — С. 455-473.

На материале дневников, диссертации "Эстетическое отношение к действительности" и романа «Что делать?»

247. Белова, Н. М. Роман «Что делать?»: предшественники и последователи Н. Г. Чернышевского : учеб. пособие по спецкурсу / Н. М. Белова ; отв. ред.: Г. Ф. Самосюк, В. В. Биткинова. — Саратов : Издат. центр "Наука", 2009. — 126, [2] с. — Библиогр.: с. 124 (9 назв.). — ISBN 978-5-91271-985-0.

Монографическое исследование романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

***248. Вайсман, М. И.** Мелодраматическая и идеологическая модальность в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / М. И. Вайсман // Вестник Пятигорского

государственного лингвистического университета. — 2009. — N 3, Ч. 2. — С. 193-196. — Библиогр.: с. 196 (17 назв.).

Рассматривается роман Н. Г. Чернышевского "Что делать? ", анализируется его жанровая структура, специфика и контекст. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в основе сюжета и композиции романа лежит сюжет и композиция социальной мелодрамы.

2010

249. Никифоров, Я. А. "Новые люди" Чернышевского как агенты модернизации русского общества / Я. А. Никифоров // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. — 2010. — Т. 10 : Сер. Социология. Политология, вып. 3 - С. 29-32.

250. Никольский, С. А. "Лишние" и "новые" люди русской классической литературы: анализ морального сознания / С. А. Никольский // Человек. — 2010. — N 6. — С. 37-54. — Библиогр. в примеч.

2011

***251. Вайсман, М. И.** Проблемы освещения романа Н. Г. Чернышевского "Что делать? " в научной и критической литературе (1863-2010) / М. И. Вайсман // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. — 2011. — Вып. 3 (15). — С. 130-138. — Библиогр.: с. 138 (24 назв.). — ISSN 2073-6681.

В статье представлена новая периодизация исследования о Н. Г. Чернышевском. Ввиду изменившихся исторических обстоятельств научная и критическая литература о Н. Г. Чернышевском требует тщательного пересмотра в контексте новейших литературоведческих практик, как и его собственные произведения.

252. Егоров, О. Г. Идеал и действительность в жизни "новых людей" в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / О. Г. Егоров // Литература в школе. — 2011. — N 10. — С. 8-10 : рис. — Библиогр. в примеч.

Социально-экономическая составляющая романа «Что делать?»

***253. Черемисинова, Л. И.** Статья А. А. Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» : проблемы текстологии / Л. И. Черемисинова // Актуальные проблемы теории и истории литературной критики. — Кострома, 2011. — С. 106-115.

Авторский указатель

Абрамович, А. Ф. (редкол.) 14
Абрамович, С. Д. 108
Азнауров, А. А. 35
Айвазян, К. В. (редкол.) 174
Антонова, Г. Н. 109, 155, 203 ;
(редкол.) 120, 156
Арустамова, А. А. 240
Афанасьев, Э. Л. 182
Базанов, В. Г. (редкол.) 136
Бак, Д. П. 246
Барцевич, В. П. 46

Гаркави, А. М. (отв. ред.) 135
Гвоздарев, А. С. (редкол.) 30
Геймбух, Е. Ю. 245
Глаголев, Н. А. 97
Глотов, А. 187
Горелов, А. А. (отв. ред.) 188
Горелов, А. Е. 188
Григорьев, А. Л. (науч. ред.) 82
Громов, Н. И. 47
Гуляев, Н. А. (ред.) 80
Гуральник, У. 169

- Баскин, М. П. 5
 Белова, Н. М. 183, 198, 219, 241, 247
 Белоусов, Р. 64
 Биткинова, В. В. (отв. ред.) 247
 Бландова, Н. Г. 70, 85, 90
 Блашко, И. И. 244
 Богословская, Л. П. 86
 Богословский, Н. 131, 142, 148
 Богословский, Н. В. 60, 65, 71, 78, 87, 96
 Богословский, Н. 158
 Борисов, Ю. Н. (отв. ред.) 203
 Бортэ, Л. В. (отв. ред.) 152, 159
 Бродский, Н. Л. 7
 Бухбиндер, Н. 3
 Бухштаб, Б. Я. 26, 58, 149
 Бушканец, Е. 25
 Вайскопф, М. Я. 205, 208
 Вайсман, М. И. 248, 251
 Васина-Гроссман, В. 150
 Вахрушев, В. 211
 Вахрушев, В. С. 179, 212
 Вердеревская, Н. А. 151, 235
 Верховский, Г. 30
 Видуэцкая, И. П. 184, 185
 Виноградов, К. В. 186
 Водовозов, Н. 27
 Вознесенский, А. А. (отв. ред.) 21
 Воробьев, П. 6
 Ганелии, Ш. И. (отв. ред.) 21
- Гуральник, У. А. 164, 189 ;
 (редкол.) 182, 184, 185, 186, 189 ,
 190, 191, 195, 196
 Гуральник, Ю. У. 189
 Дебюзер, Л. 213
 Демидова, Н. А. (редкол.) 91
 Демченко, А. А. (отв. ред.) 155,
 173, 179, 181, 198, 212, 214, 216,
 219, 221, 222, 225, 241 ; 242
 Долгополова, С. 204
 Донских, О. А. 237
 Дубровина, Т. Ю. 152, 159
 Евгеньев-Максимов, В. Е. 13, 21 ;
 (отв. ред.) 21
 Егоров, О. Г. 252
 Елизаветина, Г. Г. (отв. ред.) 165 ;
 186
 Елисеев, Н. 220
 Емельянов, Ю. Н. 48
 Ермилова, Г. Г. 218
 Есин, Б. И. 72
 Ефремов, А. Ф. 14, 57
 Жолковский, А. 199
 Жук, А. А. 143
 Жукова, Г. Г. 229
 Зарецкая, О. 104
 Зельдович, М. Г. 37
 Зольдхейи, Ж. 39
 Иванюшина, И. Ю. (отв. ред.) 242
 Иезуитов, А. Н. 63; (отв. ред.) 136
 Ильин, Е. Н. 79
- Ильинский, В. М. 91
 Ищук, Г. Н. 49 ; (отв. ред.) 49, 51,
 52, 55, 56
 Камедина, Л. В. 230
 Кандель, Б. Л. 92
 Канунова, Ф. З. (редкол.) 140
 Каплан, И. Е. 31
 Капустин, В. А. 98
 Карданова, М. А. 238
 Кара-Мурза, С. 4
 Канунова, Ф. З. (редкол.) 93 ; (отв.
 ред.) 153
 Кипренский, А. 15
 Кирпотин, В. 10, 11, 16
 Киселев, Н. Н. (редкол.) 93
 Клименко, С. В. 214, 221
 Клямкин, И. 110
- Лукин, Ю. Л. 227
 Мадер, Р. Д. 112
 Макогоненко, Г. П. 100
 Матвишин, В. Г. 147
 Матонина, Э. 132
 Матюшенко, Л. И. 113
 Машинский, С. И. 144 ; (ред.) 144
 Меднис, Н. Е. 153
 Межебовская, В. В. 232
 Мелентьев, Ю. 138, 160
 Мелентьев, Ю. С. 114
 Миллер, И. С. 36 (ред.)
 Милявский, Б. Л. 194 (отв. ред.)
 Мустафина, Е. А. 216
 Нагорная, Н. 154
 Назарок, М. А. (отв. ред.) 108, 128
 Накорякова, К. М. (ред.-сост.) 72

- Ковалева, П. Ф. 50
Колокольцев, Н. В. (отв. ред.) 91
Колосова, Н. А. 236
Кондаков, И. В. 190
Коновалов, В. Н. 80, 137
Корман, Б. О. (науч. ред.) 121 ;
(редкол.) 135 ; (отв. ред.) 162
Корниенко, Н. В. (ред.-сост.) 213
Королюк, В. Д. (ред.) 36
Коротков, Ю. Н. 99
Косых, Г. А. 231
Крутикова, Н. Е. 174
Кулешов, В. В. 51; (редкол.) 49,
51, 52, 55, 56
Кулешов, В. И. (ред.) 144; 180
Кунарев, А. А. 222
Купреянова, Е. Н. 100
Курганов, В. 59
Курдюмова, Т. Ф. 38 ; (сост.) 105
Курилов, А. С. (отв. ред.) 165
Лазарева, М. Г. 239
Лазаревич, Э. А. (ред.) 72
Ланге, В. 223
Лебедев, А. А. 40
Ленобль, Г. 9
Леонов, С. А. 215
Линков, В. Я. 200
Лобачев, В. 111
Лозовецкий, В. С. 52
Ломунов, К. Н. (отв. ред.) 182, 184,
185, 186, 189, 190, 191, 195, 196
- Покусаев, Е. И. (ред) 37, 39, 46, 57,
109, 122, 123, 125
Полис, Т. В. 82
Попов, И. 146
Поповкин, А. И. (отв. ред.) 41
Прозоров, В. В. 83
Проскурин, С. Я. 43
Прохоров, А. 202
Райхин, Д. Я. 61
Рейсер, С. 171
Рейсер, С. А. 89, 94, 122
Рейте, М. 39
Рейфман, П. С. 192, 193
Ремизова, Н. А. (сост.) 121
Реморова, Н. Б. (редкол.) 93
Ренский, П. 18
Ровда, К. И. (редкол.) 136 ; (отв.
- Нальгиева, Х. Ш. 66
Наумова, Н. 73, 101, 115, 170
Наумова, Н. Н. 116, 133
Недзвецкий, В. А. 228
Нечкина, М. В. (отв. ред.) 86
Нигматуллина, Ю. Г. (науч. ред.)
137
Никитин, Н. 17
Никифоров, Я. А. 249
Николаев, М. П. 41, 105
Николаев, Н. В. (отв. ред.) 157
Николаев, П. 161
Николаев, П. А. 28, 165, 191
Никольский, С. А. 250
Никуличев, Ю. 233
Новикова, Н. Н. 166
Одинокое, В. Г. 93, 102
Олюшкин, К. 224
Орнатская, Т. И. 88, 106
Павличенко, В. Д. (отв. за вып.)
108, 128
Панченко, С. 117
Парамонов, Б. 206
Петров, А. А. 81
Петрушкова, В. В. (редкол.) 194
Пиксанов, Н. К. (ред.) 20
Пинаев, М. 167
Пинаев, М. Т. 42, 53, 145, 175, 176
Плимак, Е. 197
Плимак, Е. Г. 118, 119, 177
Подшивалова, Е. А. 120, 121, 156,
162
- Тихвинский, С. Л. (отв. ред.) 166
Троицкий, В. Ю. 195
Трофимов, И. Т. 29
Трофимова, В. В. (редкол.) 91
Тупикин, В. 33
Фаустов, А. А. 201
Федосова, Т. Ф. 36
Филина, М. А. 107, 136
Храпченко, М. Б. 103
Хруска, А. 243
Цейтлин, А. Г. 44
Цехновицер, О. В. (ред.) 20
Черашняя, Д. И. (отв. за вып.) 201
Черемисинова, Л. И. 253
Черепанов, М. С. 129, 141
Чернец, Л. В. 130
Чернышевский, Н. Г. 16, 54, 60, 62,

ред.) 145
Ромашевский, В. В. (редкол.) 30
Роткович, Я. А. (ред.) 68
Руденко, Ю. К. 67, 134
Рунт, М. И. 68
Рюриков, Б. 54, 62, 69, 139, 163
Рюриков, Б. С. 74, 75, 168, 172
Салманова, И. Ф. 194
Самосюк, Г. Ф. 123
Самосюк, Г. Ф. (отв. ред.) 247
Самочатова, О. Я. (редкол.) 135
Свирский, В. 76
Седов, А. Ф. 173
Сергеев, Н. 19
Сикорский, Н. М. (глав. ред.) 89
Скафтымов, А. П. 1
Смирнова, В. В. 124
Соснина, Н. А. 215
Спектор, А. Л. (редкол.) 194
Старьгина, Н. Н. 217
Стеклов, Ю. 2
Степанов, А. В. 209
Стернина, Г. Ю. (отв. ред.) 150
Сулейменов, О. 178
Сутягин, И. П. 55
Сутягина, А. А. 157
Тамарченко, Г. 77
Тамарченко, Г. Е. 84, 95
Тамарченко, Н. Д. 140
Теплинский, И. В. 125
Теплинский, М. В. 126, 127, 128,
135, 147, 181
65, 69, 71, 78, 87, 92, 94, 95, 96, 98,
101, 114, 131, 133, 138, 139, 142,
148, 154, 158, 160, 161, 163, 164,
169, 170, 171, 172
Шагинян, М. С. 32
Шалагинов, Н. В. 234
Шварц, М. С. 45
Шибает, С. 33
Шибает, С. М. (редкол.) 24, 56; 49,
51, 52, 55, 56
Шилов, А. 20
Щербакова, Е. И. 210, 225
Щербина, В. 34
Щеулин, В. 33
Щукин, В. Г. 226
Эткинд, А. 207
Юнович, М. 8
Яковлев, К. Ф. (редкол.) 30
Янкина, Л. И. (ред.) 68

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН*

- Адорно Т. 54
Айхенвальд Ю.И. 97
Аксаков И.С. (?) 96
Аксаковы С.Т., И.С. и К.С. 100
Александр I 115
Александр II 67, 86
Александр Македонский 140
Александров Д.Н. 91
Алексеев Н.А. 132
Амфитеатров А.В. 98, 99
Анненков П.В. 4, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148
Аренда Х. 54
- Базанов В.Г. 132, 140
Байрон Дж. Г. 105
Бакунин М.А. 100, 142, 143
Бакунины М.А. и А.К. 77
Бахтин М.М. 7, 74, 77
Бауэр Б. 62, 63
Безобразов В.П. 78, 132, 137
Белинский В.Г. 97, 106, 124, 141, 142
Белова Т.Д. 4, 96
Белый А. (наст. имя Бугаев Б.Н.) 76, 114
Бентам И. 51
Бем А.Л. 11
Бердяев Н.А. 76, 77, 127
Бернар К. 33
Бессчётнова Е.В. 3, 29
Блан Л. 66
Блок А.А. 7, 106
Блоки А.А. и Л.Д. 76
Богучарский В.Я. (наст. имя Яковлев В.Я.) 99
Боровский-Бродский Д.Л. 29
Боткин В.П. 145
Браун Дж. 82, 83
Булгаков С.Н. 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131
Бунге Н.Х. 78
Буханан (Бьюкенен) Дж. 83
Буш В.В. 4, 119, 120, 121, 122, 123
Буш В.Н. 119, 122
- Варнгаген (Фарнгаген) фон Энзе К.А. 144
Вебер Г. 88
Вентури Ф. 86
Вернадский И.В. (В-ский) 78, 132, 133, 140
Верховский Г.П. 20
Виардо П. 42
Витгенштейн Л. 65
Владимир Святой 19, 113

Владиславлев И.В. (наст. имя Гульбинский И.В.) 121
Вовчок М. (наст. имя Маркович М.А.) 151
Вогг П.Н. 20
Вознесенский А.А. 21
Волынский А.Л. (наст. имя Флексер Х.Л.) 96, 97
Вольтер (наст. имя Аруэ Ф.-М.) 105
Вольф С. 66

Гайм (Хайм) Р. 50
Гапоненков А.А. 4, 112, 118
Гегель Г.В.Ф. 51, 75, 102, 106, 141, 144
Гельвеций К.А. 14
Герцен А.И. 6, 7, 8, 20, 39, 67, 71, 72, 75, 100, 106, 124, 125, 140
Герчиков И.В. 121
Гершензон М.О. 97, 99
Гизо Ф. 67
Гиппиус З.Н. 97
Гоббс Т. 51
Гоголь Н.В. 23
Горнфельд А.Г. 97
Городецкий Б.П. 147
Горький М. (наст. имя Пешков А.М.) 97, 98, 99, 106, 107
Грамши А. 22
Грибоедов А.С. 20, 22, 140
Григорий Богослов 94
Григорович Д.В. 36
Громы 138
Гусейнов А.А. 91

Демченко А.А. 4, 9, 20, 98, 107, 123, 132, 140
Диккенс Ч. 105
Добролюбов Н.А. 61, 96, 97, 99, 100, 140, 148, 149, 152, 153, 156
Долгоруков В.А. 9
Достоевская М.Д. 14
Достоевский Ф.М. 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 23, 77, 113, 117, 125, 126
Дремова С.В. (см. Клейменова С.В.)
Дружинин А.В. 144, 145
Дружкина В.А. 119
Друзин В.П. 121
Дупак Н.Л. 25

Жуковский В.А. 11, 45

Заблоцкий-Десятовский А.П. 141
Заика С.В. 107
Зайцев Б.К. 42, 45
Занковский А.Н. 88
Захарьин А.В. 140, 141
Зеленой А.С. 4, 132, 133, 137, 139, 140, 141
Зелинский Р. 72
Зильберман М.И. 23

Золотухин В.С. 28
Зюзин А.В. 4, 118, 123

Иванов-Разумник Р.В. 97
Ильина А.Я. 157

Кавеньяк Л.Э. 68
Калашников М.В. 3, 65, 72
Калитина Л.Н. 141
Кант И. 12, 46, 51, 52, 102, 103, 113, 124, 144
Кантор В.К. 3, 6, 86, 115
Каракозов Д.В. 86
Карл X 69
Карнович Е.П. 140
Катков М.Н. 4, 15, 78, 80, 81, 86, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148
Каценбоген С.З. 120
Качковский М.А. 92
Кейдан В. 118
Кикалова Н.С. 158
Ким Ю.Ч. (Михайлов Ю.) 24
Киреев А.А. 113
Киселев Ю.П. 23
Клейменова С.В. (см. Дремова С.В.) 112, 115, 118
Клямкин И.М. 64
Ковалев Е.М. 64
Ковалевские В.О. и С.В. 76
Козеллек Р. 67, 72
Кокоревы 138
Кокосов В.Я. 100
Колбасин Е.Я. 100
Колеров М.А. 126, 131
Колосов Н. 116
Конарский Ю. (наст. имя Мошинский И.Н.) 72
Кравченко Н.Ю. 3, 53
Краевский А.А. 141
Кранихфельд В.П. 97
Красных В.Н. 88
Крупянская Н.Ю. (см. Фиолетова Н.Ю.) 113, 114, 115, 118
Кузен В. 67
Кэри Г. 78, 79, 80, 81, 86

Лавров А.В. 118
Лавров П.Л. 62, 105
Лазанчина Л.М. 4, 107
Ланнер Й. 40
Лебедев А.А. 22, 24, 25
Лебедев К.П. 67, 72
Лебедева Ю.В. 156
Левинсон А.Г. 64
Ленин В.И. 21, 25, 26, 28, 77, 86, 93, 96
Лермонтов М.Ю. 105, 141

Лессинг Г.Э. 100
Леонтьев П.М. 149
Леру П. 66
Линкольн А. 81, 82, 85, 86
Лисовский Н.М. 121
Локк Д. 51
Ломова О.В. 5, 156
Лотман Л.М. 43, 44
Луначарский А.В. 22, 24, 27
Лысикова Н.П. 4, 87, 91
Льюис К.С. 21
Любимов Ю.П. 3, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29
Людовик XVIII 69
Лютер М. 29
Ляцкий Е.А. 4, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104

Майер Х. 72
Малинин В.А. 64
Маркс К. 81, 86, 87, 126
Маркузе Г. 54
Мартынович С.Ф. 3, 45
Маяковский В.В. 23
Мельгунов Б.В. 132, 140
Мельников-Печерский П.И. 151, 153, 156
Мережковские Д.С. и З.Н. 76
Мережковский Д.С. 96
Мертон Р.К. 56
Меттерних К. 94
Миллер В.Ф. 98
Миль Д.С. 14
Миллс Р. 54
Мильтон Д. 51
Минский Н.М. (наст. имя Виленкин Н.М.) 99
Митрофанова С.Е. 140
Михайлов М.И. 66, 75
Михайлов Д.С. 116
Михайлова М.А. 158
Михайловский Н.К. 53, 106
Можаев Б.А. 21
Молинари Г. де 78
Молокова М.А. 64
Мономах Владимир 18
Монтескье Ш.Л. 51
Мордвинов Н.С. 100

Набоков В.В. 11, 20
Назаров В.Н. 91
Некрасов Н.А. 23, 43, 104, 140, 149
Нестор летописец 18
Нечаев С.Г. 15
Никифоров Я.А. 53, 64

Ницше Ф. 20, 124
Ньютон И. 102

Обручев В.А. 20
Овсянников Ф.В. 101
Огарев Н.П. 72, 140, 142
Огарева М.Л. 142
Озерянский А.С. 98, 107
Оксман Ю.Г. 22
Омитиров Г.Е. 114
Он Оя 4, 92
Орлов В.П. 140
Островский А.Н. 23
Оуэн Р. 31, 33

Панаев И.И. 36, 45, 132, 138, 141, 142
Паперно И.А. 74, 77
Пашаева Н.М. 96
Перевалова Е.В. 4, 148
Пестель П.И. 100
Петр Первый 83, 99-100
Петрова М.Г. 106
Пиксанов Н.К. 121, 140
Пирлинг П.О. 113
Писарев Д.И. 96
Платон 113
Плеханов Г.В. 22, 26, 74
Покок Дж. 86
Покровский М.Н. 120
Покусаев Е.И. 3, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29
Попкова Н.А. 123
Потапов А.Л. 9
Прозоров В.В. 3, 21
Прудон П.Ж. 66
Пушкин А.С. 11, 105, 143, 144, 147, 148
Пыпин А.Н. 98, 101, 105, 107, 121, 140, 141
Пыпина В.А. 98, 100
Пыпина Ю.П. 104
Пыпины 102, 103

Рабле Ф. 105
Радлов Э.Л. 117
Рачинский С.А. 113
Рейнгардт Н.В. 20
Репина Л.П. 72
Ржевский В.К. 78
Ривман Т.А. 158
Рикардо Д. 81
Рисмен Д. 54
Ристори А. 81
Ровинский П.А. 107

Розанов В.В. 97, 99, 100, 107
Роллингс Т.Д. 4, 77
Рудольф Габсбургский 132
Русанов Н.С. 97
Руссо Ж.-Ж. 51, 75
Рыков П.С. 123

Сазонова Л.А. 64
Салиас де Турнемир Е.В. 142
Салтыков-Щедрин М.Е. 22, 72, 151, 153
Самарин Ю.Ф. 100, 113
Сандомирская В.Б. 144, 147
Свифт Д. 105
Селиванов И.В. 151, 156
Сераковский З. (Сераковский С.И.) 154
Серно-Соловьевич Н.А. 9
Сеченов И.М. 101
Сисмонди Ж.-Ш.-Л.-С. 134, 140
Скалдин А.Д. 115
Скафтымов А.П. 22, 120
Скиннер К. 78, 86
Скрипкина В.А. 118
Славина З.А. 28
Славутинский С.Т. 4, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156
Смирнова В.В. 3, 35
Смит А. 81
Соколов Б.М. 114
Соловьев В.С. 4, 10, 20, 31, 77, 96, 100, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 126
Соловьев М.С. 113, 114
Соловьев С.М. 112, 113, 114, 118
Соловьева М.С. 114
Сологуб Ф. (наст. имя Тетерников Ф.К.) 76
Сперанский М.М. 18, 100
Спиноза Б. 102
Срезневский И.И. 19
Сталин И.В. 121
Станкевич Н.В. 141
Стасюлевич М.М. 113
Стахович С.Г. 101
Стерн Л. 105
Страхов Н.Н. 6, 20, 113
Супоницкая П.А. 157
Сушицкий В.А. 122

Тамарченко Г.Е. 10, 20
Твардовский А.Т. 21, 22
Товстоногов Г.А. 23
Топоров В.Н. 43, 45
Трофимов А.А. 28
Туниманов В.А. 15, 20
Тургенев И.С. 7, 23, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 145, 146, 147, 148

Тургенева А.А. 76, 114
Тургенева Т.А. 114
Тьер Л.А. 67
Тютчевы 146

Уайт У. 54
Ульянова И.И. 28

Фейербах Л.А. фон 14, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 66, 102, 106, 125, 131
Феодор архимандрит (Бухарев А.М.) 18, 29
Феоктистов Е.М. 142, 147
Филатов Л.А. 28
Филдинг Г. 105
Фиолетов Н.Н. 115
Фиолетова Н.Ю. (см. Крупянская Н.Ю.)
Фихте И.Г. 51
Франк С.Л. 114, 115, 118
Фромм Э. 58, 59, 60, 62, 64
Функе О. 101
Фурье Ш. 31, 32, 106

Хархордин О.В. 86
Хвостова О.А. 4, 141
Хироюки Хориэ 4, 123
Хитрово С.П. 113
Хомяков А.С. 9, 100
Хоркхаймер М. 54

Цион И.Ф. 7, 20

Чаадаев П.Я. 22
Чапек К. 23
Чеботаревская А.Н. 76
Чернов С.Н. 115
Черемнов А.С. 98
Чернышевская-Быстрова Н.М. 4, 98, 119, 120, 121, 122, 123
Чернышевская О.С. 74, 103, 104, 139
Чернышевские Н.Г. и О.С. 76
Чернышевский Н.Г. 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 45, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 119, 120, 121, 123, 124, 126, 127, 129, 131, 132, 133, 137, 139, 140, 141, 144, 147, 153, 157, 158, 159
Черняк Я.З. 156
Чехов А.П. 45, 64
Чингис-Хан 147
Чичерин Б.Н. 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 84
Чудовский В.А. 97
Чумаков А.Н. 91

Шанин Т. 64

Шацкая Н.С. 28
Шварц Е.Л. 23
Шелгунов Н.В. 61,62
Шелгуновы Н.В. и Л.П. 75, 76
Шеллинг Ф.В.Й. фон 51, 142
Шестов Л.И. (наст. имя Шварцман И.Л.) 10, 20
Шиндина О.В. 3, 72
Шляпкин И.А. 115, 117
Шмитт К. 65, 72
Штейнберг И.Е. 54, 64
Штраус Л. 72

Щедрин М.Е. (см. Салтыков-Щедрин М.Е.)
Щербаков Д.А. 28

Эйдлин Л.Д. 24
Энгельс Ф. 81, 87
Эткинд А.Е. 76, 77

Юм Д. 124

Якубович Н.М. 101
Яхимович Г.И. 92, 94

Chehow A. 64
Gregor Mary J. 52
Kant I. 52
Ljackij E. 107
Marx K. 87
Shelgunov N.W. 64
Venturi F. 87

*Составлен И.В. Семеновой.

В указатель не включены имена из библиографической статьи О.В. Ломовой.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
I. Исследования и статьи	
В. К. К а н т о р. «Подпольный человек» против «новых людей»....	6
В. В. П р о з о р о в. Н. Г. Чернышевский в Москве 1970 года.....	21
Е. В. Б е с с ч е т н о в а. «Новые люди» в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Взгляд из XXI века.....	29
В. В. С м и р н о в а. Почему не состоялась любовь Н. Н. и Аси? (по статье Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» и повести И. С. Тургенева «Ася»).....	35
С. Ф. М а р т ы н о в и ч. Н. Г. Чернышевский об антропологиче- ском принципе в «нравственных науках» (в контексте традиции).....	45
Н. Ю. К р а в ч е н к о. Современная проекция проблемы нонкон- формизма во взглядах Н. Г. Чернышевского.....	53
М. В. К а л а ш н и к о в. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Н. Г. Чернышевского.....	65
О. В. Ш и н д и н а. Тексты жизни и литературы: проблема брака в романе «Что делать?» и ее модернистская рефлексия.....	72
Т. Д. Р о л л и н г с. Полемический контекст: метафоры Чернышевского о Невском проспекте	77
Н. П. Л ы с и к о в а. Идеи Н. Г. Чернышевского об основных принципах профессиональной и житейской этики	87
О н О я. Н. Г. Чернышевский и львовская газета «Слово»: к вопросу о лидерстве в освободительном движении руси- нов.....	92
Т. Д. Б е л о в а. Н. Г. Чернышевский в оценке критиков и журна- листов 1910-х годов (Е. А. Ляцкий и другие)	96
Л. М. Л а з а н ч и н а. Интеграционное правотворчество Н. Г. Чер- нышевского.....	107
II. Сообщения и материалы	
А. А. Г а п о н е н к о в. Архив Вл. С. Соловьева в Саратове.....	112
А. В. З ю з и н. Письма Нины Михайловны Чернышевской-Быст- ровой Владимиру Владимировичу Бушу (общая характеристика).....	118
Х и р о ю к и Х о р и э. По поводу статьи Сергея Булгакова к пят- надцатилетию со дня смерти Н. Г. Чернышевского.....	123

А. А. Д е м ч е н к о. Неопубликованные письма А. С. Зеленого к Н. Г. Чернышевскому.....	131
О. А. Х в о с т о в а. М. Н. Катков и П. В. Анненков	141
Е. В. П е р е в а л о в а. «Правда без всяких прикрас»: проза С. Т. Славутинского в «Русском вестнике»	148
О. В. Л о м о в а. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: биб- лиографический указатель	156
У к а з а т е л ь и м ё н	188

Научное издание

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Статьи, исследования и материалы

Сборник научных трудов

Вып. 20

Подписано в печать 24.12.2015 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Цифровая печать. Гарнитура Таймс.
Тираж 200 экз. Заказ № 879-4.

Типография «Техно-Декор»,
Саратов, Московская, 160
т. (8452) 263-848
sar-print.ru